

"Черный Змей (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ПРОЛОГ

В темной мрачной комнате раздавался крик ребенка. Его крошечное личико побагровело от плача, маленькие ручонки беспомощно хватали воздух. По потолку металась тень, отбрасываемая огнем высокой зеленой свечи, но глаза мальчика не видели их, они закатились под выпуклый лобик, обнажая голубоватые белки. Ресницы слабо трепетали.

— Господи, что же делать?! Что же делать, Господи?!

Женщина прижала ребенка к себе, пряча залитое слезами лицо в его пушистых темных волосенках. Кулачки мальчика с необычайной силой вцепились ей в запястья, это причиняло ей боль, но она ничего не замечала, баюкая малыша в своих объятиях.

— Успокойся, милая, — рядом с ними присел на корточки мужчина. — Он нам поможет. Он сказал, что все будет в порядке.

— Да как же я могу успокоиться! — взорвалась криком измученная женщина. — Его ручка! О Боже, его бедненькая ручка!

Рука ребенка была ужасающего синюшно-бордового цвета, она сильно распухла, так, что его крошечные пальчики были похожи на пальцы надутой резиновой перчатки. На предплечье отчетливо выделялись две небольшие, но глубокие ранки, словно нежную, почти прозрачную кожу ребенка прокололи булавкой.

— Тише, тише, — продолжал успокаивающе бормотать мужчина. Видно было, что он растерян и сбит с толку, он явно не знал, что делать, кроме как повторять никому не нужные слова утешения. Но так, по крайней мере, становится легче ему самому. — Все будет в порядке, все обойдется. Он сейчас придет, и все наладится. Все будет хорошо...

Плач ребенка превратился в хрип, а вскоре и вовсе прекратился. В комнате было слышно только его слабое, прерывистое дыхание да свист ветра за окном. Пламя свечи заколыхалось, и тени стали походить на призраков, пляшущих в безумном, неистовом хороводе вокруг обреченного малыша. Тени от ветвей дерева за окном превратились в когтистые лапы, нависшие над горлом ребенка, которое не могло протолкнуть живительный воздух в судорожно сжимающиеся легкие. Ротик мальчика был открыт, как у маленькой выброшенной на берег рыбки; посинелые губки дрожали от усилий вдохнуть.

Внезапно дверь комнаты распахнулась. От потока воздуха, ворвавшегося в помещение, огонек свечи затрепетал и потух, оставив после себя тонкую струйку ароматного дыма, которая, свиваясь в колечки, скоро растаяла без следа. И тотчас же, словно это был некий сигнал, последний вздох малыша прошелестел в глубокой тишине и угас, как и этот огонек...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Запыхавшаяся и растрепанная Татьяна нажала на кнопку звонка. Судя по звукам, доносившимся из-за закрытой двери ("Между прочим, двойной", — отметила девушка), вечеринка была уже в самом разгаре. "Будем надеяться, что Женька не слишком расстроился из-за моего опоздания, — подумала Татьяна, снова и снова давя на пуговку звонка. — А все из-

за этого чертова Вульфа! Надо же было догадаться прыгнуть с грязными лапами мне на грудь, когда я только оделась к празднику! Пока застирывала, сушила и отглаживала, сколько времени прошло? Конечно, можно было одеть что-то другое, но это моя любимая и самая лучшая блузка, так что пришлось подзадержаться. Ну ничего, я свое еще наверстаю... Да что они там, оглохли, что ли?!"

Наконец, дверь открылась, и Женька со справедливым негодованием воскликнул с порога:

— Явилась — не запылилась! Я уж думал, что ваше высочество не снизойдет до такого презренного смертного, как я! Я ж себе тут места не нахожу, весь слезьми умылся, а она — вот она! Правильно, я все понимаю, я ведь...

— Поздравляю с днем рожденья! — прервала поток его исполненных наигранной горечи слов девушка и поцеловала парня в щеку. Тот запнулся и под смеющимся взглядом Татьяны нежно порозовел.

— Шалунишка! — шутливо пригрозил он ей пальцем. — Знаешь, перед чем я никогда не могу устоять, и бессердечно этим пользуешься. Злая!

— Да ладно тебе, Евгеша, не сердись. Я, правда, не специально. Так получилось.

Девушка вручила имениннику большую, красиво упакованную коробку.

— Это тебе от меня.

— Ладно уж, проходи, гулена, — не слишком радушно пригласил Женька, занятый открытием коробки.

Татьяна вошла в прихожую, сняла с себя легкую курточку и бросила ее на какое-то кресло, стоящее там и сплошь заваленное разнообразной одеждой. Потом скинула туфли и в сопровождении радостно приплясывающего Женьки (он уже успел открыть подарок и обнаружить очень желанную им вещь внутри коробки) вошла в зал.

Поздоровавшись со знакомыми и друзьями, Таня плюхнулась за стол, уже далеко не такой шикарный, каким явно был в начале празднества. И веселье, прерванное было ее приходом, возобновилось. Тосты, шутки, разговоры, песни, танцы, игры. Ну, в общем, как всегда. У Женьки никогда никто не скучал, поэтому девушка практически сразу обратила внимание на одного участника этой дружеской попойки, который бросался в глаза абсолютным равнодушием к творящемуся вокруг него "безобразию".

Что прежде всего подумала Татьяна, едва взглянув на него, так это то, что он большой и рыжий. Причем не светло-рыжий, как это обычно бывает, а яркого огненно-красного оттенка. Из-под длинной челки задорно сверкали изумрудные глаза.

— Сереж, слушай, — обратилась девушка к своему знакомому, занятому вылавливанием из своей рюмки нечаянно туда попавшего кусочка колбасы. — Видишь того парня в кресле?

Сергей оторвался от своего крайне увлекательного занятия и взглянул в указанном направлении.

— Ну, — подтвердил он.

— Кто это? Я его в первый раз вижу.

— Та же фигня, — меланхолично изрек парень. — Это Женькин сосед по площадке. Кирилл, вроде. Точно не помню.

Он вернулся к своей рюмке, но, так как именно в этот момент подняли бокалы за именинника, вскочил вместе со всеми, благоразумно рассудив, что выпивка и закуска в одном, так сказать, флаконе, не так уж и плохо.

Выпили. Закусили. Татьяна, вполуха слушавшая скабресный анекдот, рассказывать которые Женька был большой мастер, продолжала наблюдать за Кириллом. Он с безучастным видом вертел в руках бокал с вином, глядя сквозь рубиновую жидкость на веселящихся. В его желто-зеленых глазах девушке почудилась насмешка. "Ишь ты, аристократ какой выискался! — с внезапным озлоблением подумала Татьяна. — Расселся, как король, наблюдающий за чернью, копошащейся у его царственных ног!"

Словно почувствовав ее неприязненный взгляд, парень вскинул голову и встретился с ней глазами. Устыдившись своего внезапного порыва, Татьяна дружелюбно улыбнулась ему. Кирилл ответил ей тем же, но как-то неуверенно, сразу потеряв вид скучающего вельможи на светском рауте.

— Эй, старушка, чего скучаешь? — плюхнулся рядом с ней Женька. Вздрогнув от неожиданности, Татьяна посмотрела на него непонимающе. — Что, я тебе помешал?

— Да нет, что ты, ты никогда не можешь мне помешать. Ну, и почти никогда. Скажи-ка мне лучше, что это за большое рыжее пятно вон там?

Парень обернулся.

— А-а, это... Это Змей.

— Змей?

— Ну да. Прозвище у него такое. Живет в соседней квартире, мы с ним иногда общаемся. У него тоже комп есть, на том и сошлись: игрушками обмениваемся, дисками и все такое. А что, интересуешься?

— Может быть, — неопределенно ответила девушка.

Улыбка Женьки померкла. С театральной обидой он пробурчал:

— Уведомила бы меня заранее, я бы в рыжий покрасился.

Татьяна покосилась на друга и улыбнулась. Этого сумасброда никогда не поймешь, когда он шутит, а когда говорит серьезно. Она так до конца и не раскусила его игру. То он делает вид, что безумно влюблен в нее, то дурачится, как ребенок. В университете, когда она с ним познакомилась, девушка сначала восприняла его серьезно, но по прошествии некоторого времени махнула на него рукой. Они расстались, но Женька до сих пор делал вид, что в их отношениях ничего не изменилось. Да и были ли они, эти отношения? И парень остался ей просто очень хорошим другом и товарищем.

Как Татьяна и предполагала, его напускная грусть через мгновение сменилась искрящимся жизнелюбием.

— Хочешь, я вас познакомлю?

И, не ожидая ее согласия, потащил ее к креслу, в котором развалился невозмутимый Кирилл.

Когда Женька с Татьяной на буксире подошел, Змей вопросительно поднял глаза.

— Ну ты, Кирюха, и даешь! — хлопнув друга по плечу, безо всякого предисловия воскликнул Женька.

Тот в недоумении поднял бровь. " Молчальник, — отметила девушка. И некстати подумала: — А брови у него тонкие и гораздо темнее волос".

— Сидишь тут себе, ничего не делаешь, а умудрился заинтересовать собой самую красивую девушку в этой компании, — объяснил Женька причину своего восхищения "способностями" Кирилла.

Глаза Змея обратились на Татьяну. Та, нимало не смутившись, протянула ему руку (она была единственной девочкой в семье и росла с двумя братьями, отчего переняла их привычки).

— Привет. Меня зовут Таня.

— Кирилл, — представился тот, взял ее руку и поднес к своим губам. — Очень приятно.

Женька потемневшими глазами наблюдал за этим изъятием галантности.

— Взаимно, — пробормотала немного смущенная девушка.

— Н-да, везет же некоторым, — прокомментировал вслух Женька. — И почему у меня так не получается? Никого я здесь, похоже, не интересую...

— Это потому, что у меня вид загадочный, — произнес с ленивой усмешкой Кирилл.

— Да? Надо бы тоже потренироваться.

Женька схватил за руку проходящую мимо девушку и сказал, "загадочно" двигая бровями:

— Мадам, позвольте пригласить вас на танец!

Они ушли и вскоре присоединились к танцующим.

Оставшись вдвоем, Таня и Кирилл некоторое время молчали. Парень безо всякого смущения разглядывал девушку, она же не знала, обидеться ли на такую бесцеремонность и уйти или ответить дерзостью на дерзость. В конце концов она выбрала второе и уставилась на парня.

Без сомнения, он симпатичный. Да и одет со вкусом. Алая шелковая рубашка как нельзя лучше подходила к его словно охваченной огнем шевелюре; белые джинсы обтягивали его длинные ноги словно вторая кожа, не давая никому возможности усомниться в его мужественности. Рукава рубашки были небрежно поддернуты, обнажая почти до локтей явно не слабые руки, покрытые золотисто-рыжими волосками. Татьяна заметила на его левой руке необычное украшение: тонкую рубиново-красную змейку с двумя золотистыми полосками по бокам, начинающимися от бусинок глаз и сливающимися у хвоста. Этот браслет обвивал его запястье и уходил под рукав рубашки.

Заинтересовавшись красивой вещицей, девушка не сводила с нее глаз. Змейка была сработана очень искусно: казалось, что она вот-вот поднимет свою крошечную головку и покажет длинный раздвоенный язычок.

— Нравится?

Кирилл снял с руки браслет и протянул ей.

— Очень, — искренне сказала девушка и взяла украшение.

У змейки оказались глаза такого же цвета, как и у хозяина: золотисто-зеленые. Тельце ее было теплым, оно вобрало в себя жар человеческого тела. Но тем не менее Татьяна не могла подавить невольную дрожь, которая охватила ее при прикосновении к безделушке. У нее появилось ощущение, что она держит в руках самую настоящую змею, причем очень опасную. Отвращение, вероятно, так отчетливо отразилось на лице девушки, что Кирилл, нахмурившись, забрал у нее браслет и стал вертеть его в руках.

— Красивая вещь, — сказала Татьяна, устыдившись своего малодушия.

— Да, — согласился Змей. — Это мой талисман.

— Что-то вроде оберега?

— Ага, что-то вроде того.

Змейка была эластичной; в какой-то момент Кирилл едва заметным движением пальцев изогнул ее так, что Тане почудилось, что пресмыкающееся шевельнулось под ласкающим прикосновением рук хозяина.

— Тебе нравятся змеи? — спросила она, с трудом отводя взгляд от браслета.

— Ну, можно сказать и так.

— Почему?

— Не знаю. Если честно, никогда над этим не задумывался. Может, потому что все их боятся.

— И потому ты и себя прозвал Змеем? Чтобы тебя боялись?

— Хм... возможно...

Кирилл снова надел змейку на руку и одернул рукава, словно подводя итог разговора. Он явно скучал, и девушка была только рада, когда ее позвала подруга. Она извинилась и с чувством непонятого облегчения ушла от своего странного собеседника. Знакомство закончилось, не успев толком начаться, но в душе Татьяны остался какой-то неприятный осадок. Возможно, чтобы избавиться от него, девушка одним глотком осушила бокал вина и включилась в общую беседу, приказав себе не думать о Женькином соседе.

Но не тут-то было! Да и как можно не думать о том, кто постоянно сверлит тебя глазами?! Татьяна повсюду чувствовала на себе его испытующий взгляд. И когда танцевала с подругами, и когда сидела за столом, и когда помогала убирать лишнюю посуду. Даже когда она вышла на кухню покурить с друзьями, ей казалось, что взгляд Кирилла проникает сквозь стены. "Чушь какая-то! — встряхнула она головой, и непокорные пряди волос разметались по плечам. — И что ему от меня надо? Не понимаю". Эта слезка начала ее раздражать.

— Чего примолкла, старуха?

Курящий рядом Женька махнул ладонью перед ее глазами.

— Хэлло-о, Земля вызывает! Спишь ты уже, что ли?

Татьяна очнулась от своих размышлений и нежно улыбнулась другу.

— Знаешь, солнышко, я, наверное, пойду домой.

— Как так?! — изумился парень. — Ты что, шутишь?! Веселье только начинается!

— Я устала. Да и голова что-то разболелась.

— Врешь! — безапелляционным тоном сказал Женька. — Все ты врешь! Устала она! Вспомни-ка Новый год!

Девушка покраснела.

— И почему ты мне постоянно напоминаешь про тот злополучный праздник?

— Ну, знаешь, тогда веселиться трое суток подряд ты не уставала! А тут уже через каких-нибудь пару часиков собираешься уходить. Не получится!

Он притянул ее к себе, приблизил свои губы к ее уху и прошептал:

— И к тому же ты сама прекрасно знаешь, почему я не могу забыть про тот Новый год.

Татьяна отмахнулась от него.

— Это было несерьезно. Мы были пьяны.

— Да, но от этого было не менее приятно.

Женька, смеясь, обнял ее и увлек в зал, в круг танцующих.

— Не кисни, старуха, давай лучше потрясемся, кости разомнем, а то, я гляжу, кое-где уже заржавело.

Подмигнув, он закружил девушку и заставил ее изогнуться до самого пола, придерживая ее бережной рукой. Татьяна, хохоча, выпрямилась и проделала тот же трюк со своим партнером. Затем они исполнили что-то вроде спортивного рок-н-рольного танца и, запыхавшись, тихо закачались под плавную музыку медленного вальса.

— Вот это другое дело! — воскликнул парень, отдышавшись. — А то я уж испугался, подумал — стареешь.

Разгоряченная Татьяна шутливо шлепнула его по руке.

— Скажешь тоже! Да я еще на твоих похоронах станцую!

— Тьфу-тьфу-тьфу, не дай Бог! Мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день.

Девушка рассмеялась и уткнулась головой в его плечо, отдыхая. Женька примолк. Затем, через некоторое время внезапно спросил:

— А о чем вы разговаривали, если не секрет?

— С кем? — не поняла Татьяна.

— Ну, с Кирюхой.

— Да ни о чем, — дернула плечом девушка, недовольно скривившись.

— Прямо-таки ни о чем?

— Ну да. А что, ревнуешь? — поддела она его.

— Каюсь.

Женька изобразил на своем лице самое искреннее раскаяние и полюбопытствовал:

— А чего он на тебя так смотрит? Так бы, кажется, и съел глазами.

— Понятия не имею. И вообще, не стоит о нем. Жутковатый тип. Лучше принеси мне выпить. В горле пересохло.

— Смотри, Ларина, напьешься — я тут ни при чем, — предупредил Женька и поспешно ретировался, прежде чем Татьяна успела шлепнуть его еще раз, но теперь уже по мягкому месту.

Он пошел к столу за бокалом для нее, но задержался, разговаривая с друзьями. В ожидании девушка села в кресло, чтобы дать отдых ногам, и снова почувствовала на себе настойчивый взгляд. Раздраженная, она резко повернула голову, надеясь застать Кирилла врасплох и заставить его смутиться хотя бы в этот раз. Бесполезно! Золотистые глаза не дрогнули, лишь зрачки их сузились, став похожими... "На змеиные, — пронеслось у нее в голове. — Ну, это уже паранойя! Пора кончать с этим!"

Она встала и решительно направилась к Кириллу, уставившемуся на нее с нескрываемым любопытством. Раззадоренная вином и танцами, девушка встала напротив него, уперла руки в бока и, горделиво вскинув голову, спросила:

— Что ты на меня так смотришь? Тоже хочешь со мной потанцевать? Ну так я не против, нужно было только попросить. Пойдем.

Она схватила его за руку. Тот как-то странно посмотрел на нее и пробормотал:

— Спасибо, конечно, за любезное приглашение, но мне придется отказаться.

— Да нет, отчего же, пойдем! Девушкам нельзя отказывать! Или тебя этому не учили?

Она сильно дернула его за руку, вынуждая встать.

— Таня, что ты делаешь?! — встревожено крикнул Женька, когда один из его собеседников привлек его внимание к происходящему.

— Ничего, все в порядке! — откликнулась девушка, продолжая тянуть упирающегося парня. — Просто хочу потанцевать с твоим соседом.

И, не успев Женька и рта раскрыть, снова, как бы шутя, дернула Кирилла за руку немного сильнее. Тот неожиданно поддался и, встав из кресла, рухнул как подкошенный у ног изумленной таким поворотом дела Татьяны.

На мгновение все замерли, являя собой довольно странную картину, потом, словно

опомнившись, Женька метнулся к другу.

— Татьяна, ты что, рехнулась?! — впервые за время их долгого знакомства он повысил на нее голос. В его тоне звучала неподдельная ярость. — Эй, Кирюха, ты в порядке?

Змей оперся на руки, помотал головой и сел, немного оглушенный падением. Он молча откинул рыжую прядь со лба и отвернулся.

— Видимо, в порядке, — решил Женька и потащил Татьяну с собой на кухню. Там он остановился, грубо развернул девушку лицом к себе и прорычал: — Да что с тобой такое?!

— Что со мной такое?! — вскричала потрясенная до глубины души девушка, ничего не понимая. — Что с тобой такое?! Почему ты на меня кричишь? Что вообще происходит?

— Ты зачем на людей бросаешься?

Яростно горящий взгляд ее обычно веселого и порой нежного друга не обещал ей ничего хорошего. Татьяна расплакалась.

— Я только хотела потанцевать с ним, — всхлипывая, сказала она, шокированная такой резкой переменой в человеке, которого она никогда не видела сердитым, тем более на нее.

— Потанцевать?! Ты решила с ним потанцевать?! — словно не веря своим ушам, воскликнул Женька. — Да разве ж ты не понимаешь, глупая твоя голова, что он не может танцевать?! У него же ноги парализованы!

Татьяна застыла, как громом пораженная. Она поднесла руку ко рту, глядя расширившимися глазами на друга. Парализован?! Кирилл — инвалид?! О Боже, что же она наделала!

— Но я же не знала, — прошептала девушка. — Ты мне ничего об этом не сказал...

— Я же думал, что ты сама догадаешься, когда увидишь инвалидную коляску в прихожей.

Коляска! Ну да, кресло-коляска. Все правильно. Татьяна вспомнила, как она еще в прихожей, бросая свою куртку на кресло, заваленное одеждой, подумала, почему кресло стоит не в зале, а в прихожей. А оказалось, что это инвалидное кресло!

Татьяна застонала. Она даже представить себе не могла, как она оскорбила Кирилла. О, Господи! Она потащила танцевать инвалида с парализованными ногами!!!

— Это я виноват, — смягчаясь при виде ее искаженного отчаянием лица, сказал Женька, осторожно вытирая ее слезы. — Мне надо было предупредить тебя. Прости, что накричал. Просто я... испугался.

— Какая же я дура, — простонала девушка. — Дура! Идиотка! О, Господи!

Парень обнял ее, утешая.

— Да ладно тебе, успокойся. С ним все в порядке.

— В порядке? Сомневаюсь...

Она высвободилась из дружеских объятий и медленно пошла в зал.

Кирилл в этот момент как раз подтягивался на руках, чтобы сесть в кресло, но при виде нее его рука сорвалась с подлокотника, и он снова упал. Золотистый взгляд обжег ее злобой, и парень демонстративно уселся на полу среди толпившихся вокруг него Женькиных гостей, подтянув к себе руками свои беспомощные ноги.

Девушка подошла к нему и опустилась рядом с ним на колени, положив руку ему на плечо.

— Кирилл... извини меня, пожалуйста... Я... я не знала...

Он резким движением сбросил ее руку и промолчал. Толпа вокруг с любопытством наблюдала за происходящим. Татьяна подняла голову и обвела взглядом лица: у кого осуждающие, у кого сочувствующие, и воскликнула:

— А вы что уставились?! Цирк тут для вас, что ли, бесплатный?! Нечего глазеть, лучше помогите человеку!

Двое дюжих парней, Мишка и Леха, словно только и ожидали ее приказа, подскочили к поверженному Змею и схватили его под руки. Кирилл дернулся, словно ужаленный, и ломающимся голосом прокричал:

— Не надо! Оставьте меня в покое!

В его голосе слышались злые слезы. Парни отпустили его и в растерянности топтались на месте, не зная, что делать. Татьяна поняла, что сейчас лучшим выходом будет просто оставить Кирилла одного. Она преувеличенно бодрым тоном пригласила всех к столу, и молодежь гурьбой потянулась за ней, оставив инвалида сидеть на полу. Подоспевший Женька, мгновенно оценив ситуацию, организовал игру в "позы", и вскоре гости, весело дурачась, забыли о произошедшем. "Вот за что я люблю Женьку, — с нежностью подумала Татьяна, — так это за то, что с ним никогда не пропадешь. Был бы он еще хоть капельку серьезнее, цены б ему не было!"

Девушка украдкой посмотрела в сторону Кирилла. Тот уже вполне оправился от неожиданного падения и вскарабкался в кресло. Минуту спустя он подозвал к себе Женьку и что-то прошептал ему на ухо, дабы не привлекать к себе внимания. Тот кивнул и ушел в прихожую, откуда вскоре вернулся, толкая перед собой инвалидную коляску. Сердце Татьяны болезненно сжалось. Кирилл уходил из-за нее, это и ему понятно.

Змей пересел в свое кресло и укатил, оставив после себя чувство неловкости, которое, впрочем, быстро исчезло. У всех, кроме Татьяны. Она не могла забыть своего промаха и несколько минут спустя тоже ушла, будучи не в силах веселиться. Ей не давал покоя полный злости взгляд Кирилла, который он бросил на нее, когда она хотела извиниться.

Ночью она спала беспокойно. Ей снился Кирилл, опутанный змеями. Он кричал и звал ее к себе, а когда она подбегала, чтобы помочь ему, браслет на его запястье оживал, и змейка бросалась на девушку, отгоняя от хозяина. Татьяна снова и снова кидалась к парню на помощь, слыша его полные невыразимой тоски крики, но так и не смогла добраться до него. Проснувшись она ночью в холодном поту и слезах и больше не уснула до самого рассвета...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Да, Танюха, ну ты и учудила! Жаль, что меня вчера там не было! А все Котик со своей годовщиной!

Ольга, ее лучшая подруга, развалилась на диване, наблюдая за тем, как Татьяна безуспешно пытается соорудить из своих непослушных волос хоть какое-то подобие прически.

— Оль, хоть ты не доставай, — страдальчески простонала девушка, с ожесточением расчесывая волосы. — И без тебя тошно! Как вспомню...

— Да ладно тебе, не расстраивайся. Подумаешь, с кем не бывает. Он поди и забыл уже про это. Небось привык.

— В том-то и дело. Не могу я про это забыть, понимаешь? Постоянно об этом думаю. Ты бы видела его лицо, когда я его свалила. До сих пор до костей пробирает.

— Но ты же извинилась.

— И что? Думаешь, ему от этого легче стало?

— Может, и не стало. Ну а что ты еще можешь сделать? — вполне резонно заметила подруга. — Не пойдешь же ты к нему домой извиняться?

— Нет, конечно, это было бы глупо. Он, наверное, и видеть меня не захочет. И я его понимаю.

— Ну так и выкинь его из головы.

— Не могу. Хоть убей — не могу. Он мне даже снился сегодня.

Ольга перевернулась на живот и заинтересованно взглянула на подругу.

— А какой он из себя? Ничего парниша?

— Тьфу ты, дурочка! — в сердцах воскликнула Татьяна, швырнув щетку на туалетный столик. — Я же совсем не об этом!

— Даже и спросить нельзя, — обиженно фыркнула Ольга.

— Нельзя, — отрезала подруга. — Да и какая разница? Он же инвалид.

— Ну и что? А что, по-твоему, инвалиды не люди? И среди них встречаются симпатичные парни, — промурлыкала та.

— Ой-ой-ой, много ты знаешь симпатичных инвалидов, — поддразнила ее Татьяна.

— Ну, немного, конечно, — начала Ольга.

— Да ну?

— Ну, то есть, совсем не знаю, но по телевизору видела.

— По телевизору? Ну и насмешила. В фильме любого красавца посади в инвалидную коляску — вот тебе и инвалид.

— Значит, этот Кирилл — симпатичный, — сделала вывод Ольга.

— Почему это ты так решила? — озадаченная таким неожиданным итогом, спросила девушка.

— Потому что, во-первых, будь он некрасивым, ты не захотела бы с ним танцевать...

— Я была сердита на него, потому что он следил за мной, — защищалась подруга. — И выпила к тому же.

— ...а во-вторых, именно поэтому ты не можешь его забыть, — торжествующе закончила Ольга.

— Глупости! Я не могу забыть не его, а свою идиотскую выходку. Меня совесть мучит, понимаешь?

— Ладно, давай порассуждаем на эту тему.

— Слушай, а может, не надо?

— Надо, Таня, надо.

И подруга начала с деловитым видом загибать пальцы на руке.

— Ты не знала, что он инвалид, это раз.

— Я могла бы догадаться, ведь его кресло стояло в прихожей.

— Но не догадалась же?

На это возразить было нечего, и Татьяна промолчала.

— Ты перед ним извинилась — это два.

— Думаю, в тот момент мои извинения были нужны, как собаке пятая лапа.

— Это уже детали, главное, что извинилась. И больше ты ничего сделать не можешь — это три. Правильно?

— Допустим, — осторожно согласилась девушка, не понимая, к чему клонит подруга.

— Следовательно, у тебя есть все причины забыть об этом досадном недоразумении. А ты не можешь, значит, думаешь ты не о своей промашке, а об этом парне, который тебе, кстати, даже снился. Получается, он тебя чем-то зацепил. А чем? Ну не инвалидной коляской же. Вот я и делаю вывод, что он симпатичный. Ну что, съела?

— Дурочка ты, Ольга, — устало вздохнула Татьяна. — А может, мне его жалко?

— Это еще вопрос, кто из нас дурочка. Насколько мне помнится, это не у меня пара хвостов за прошлый семестр. А спорить ты со мной не можешь, потому что у меня железная логика. Вот! — и подруга, дразнясь, показала язык.

— Да, спорить я с тобой не буду, но вовсе не из-за твоей хваленой логики, а потому что ты все равно останешься при своем мнении, чтобы я не говорила.

— Да уж, это точно. Ну давай уже, колись, какой он из себя, этот Кирилл? Я ж все равно не отстану, — заканючила Ольга. — А то я умру от любопытства, и моя смерть будет на твоей совести.

— А что? Это было бы неплохим наказанием для тебя — ничего не рассказывать.

— Интересно, а с какой это стати тебе вдруг понадобилось меня наказывать? За что?

— За хвастовство.

— Ах, ты так? Получай же, неверная!

И Ольга запустила в нее диванной подушкой. Увернуться Татьяна не успела, и сей метательный снаряд угодил ей точнехонько в голову, растрепав с таким трудом уложенную прическу.

— Ну все, держись, Харитоновна! — угрожающе воскликнула девушка, хватая первую попавшуюся вещь, оказавшуюся баллончиком с лаком для волос, и направляя распылитель на подругу.

— Эй-эй, Ларина, угомонись! — Ольга, защищаясь, выставила вперед руки. — Это уже тянет на статью! Нанесение легких телесных повреждений! Уголовно наказуемое преступление, между прочим.

— Я всегда знала, что ты хорошо знакома с уголовным кодексом. Но в одном ты ошиблась.

— Да? И в чем же?

— Нанесением легких телесных повреждений я не ограничусь!

Подруга взвизгнула и в притворном испуге спряталась за диван. Татьяна поставила на место баллончик и усмехнулась.

— Ох, Харитоновна, доведешь ты меня до греха.

— Тьфу на тебя, — высунулась из убежища Ольга. — И еще раз тьфу на тебя!

Девушка погрозила ей пальцем и снова повернулась к зеркалу, пытаясь в очередной раз навести порядок на взлохмаченной голове. Несколько раз взмахнув щеткой, Татьяна в раздражении швырнула ее на столик и угрюмо уставилась на свое отражение.

— О чем задумалась? — спросила ее вернувшаяся на диван подруга.

— Да вот не знаю — идти или не идти, — вздохнув, сказала она.

— Куда?

— Да все туда же, к Женьке...

— А чего ты там забыла?

— Он звонил недавно, просил придти. Вся компания снова собирается у него. Ну, там, похмелиться, с уборкой помочь и все такое...

— И что тебя останавливает?

— А то ты не знаешь.

— Что же теперь, совсем к Женьке не ходить? Он-то как раз ни в чем не виноват. К тому же Кирилл сегодня там явно не будет.

— Зато остальные будут издеваться надо мной.

— Ой, да брось ты! А то у них никогда никаких недоразумений по пьяной лавочке не было. И к тому же Женька не даст тебя в обиду. Не будешь же ты теперь все время скрываться из-за того, что произошло вчера.

Татьяна снова вздохнула.

— И нечего тут рассусоливать! — продолжала убеждать ее подруга. — Я пойду с тобой. Пусть кто-то посмеет на тебя хоть косо взглянуть, я его...!

— Подушками закидаешь? — улыбнулась наполовину побежденная девушка.

— И не только подушками, — подтвердила та. — Так что давай, собирайся, а то Женька наверное уже заждался.

— Ну хорошо, — немного поколебавшись, согласилась Таня. — Уговорила. Пойдем.

— Вот и ладушки! — обрадовалась Ольга. — Только надень свое бирюзовое платье, и можно топтать.

— Почему именно бирюзовое?

— Потому что оно подходит к твоим глазам. Уборка уборкой, но и о внешности забывать не стоит. Ух, мы там натворим с тобой дел!

Подруги рассмеялись и начали собираться.

Спустя несколько минут девушки, смеясь и болтая о пустяках, шли по улице. Ольга, не теряя надежды, настойчиво расспрашивала подругу о Кирилле, а та всевозможными уловками уходила от ответа, как вдруг Татьяна резко остановилась.

— Ты чего? — озадаченно спросила ее Ольга.

— Кажется, у тебя появилась возможность лицезреть его воочию, — упавшим голосом прошептала девушка.

Действительно, на детской площадке недалеко от подъезда сидел Кирилл на качелях, собственной персоной. Его коляска стояла рядом, сверкая под лучами полуденного солнца.

— Нет-нет-нет, я туда не пойду!

Татьяна в отчаянии повернула назад.

— Я знала, что это плохая идея.

— Да постой ты, дурочка! Ну и что из того, что он здесь?

— Как что? — удивилась девушка. — Не могу же я после вчерашнего просто так взять и пройти мимо, как ни в чем не бывало?

— Ну, если не можешь, поздоровайся с ним.

— И все?

— А что еще надо?

Татьяна немного подумала и решительно повернула назад.

— Нет, я так не могу.

— Ларина!

Повелительный окрик подруги пригвоздил девушку к месту.

— Хватит уже трусить! Сумела напортачить — умей и отвечать за свои поступки! Нечего прятать голову, как суслик, в песке!

— Страус, — машинально поправила ее Татьяна.

— Чего?

— Страус, не суслик.

— А-а, какая разница, главное, что ты меня поняла.

— Слушай, Оль, — удивленная такой строгой отповедью, спросила девушка, — а чего это ты решила наставить меня на путь истинный?

— Ну, потому что твоя непривычная робость меня бесит — раньше ты такой трусихой не была. И к тому же, — лукаво добавила подруга, — я так и не успела разглядеть его как следует.

— Я могла бы догадаться, что ты, как всегда, преследуешь исключительно свои цели.

— Ага, — ни капельки не смущенная, согласилась Ольга. — Ну что, пойдём?

— Погоди. Ну что я ему скажу?

— Скажи: "Привет" и иди дальше.

— Думаешь?

— Конечно. Или вообще ничего не говори, как будто ты его не заметила.

— И это ты называешь — отвечать за свои поступки?

Татьяна нервно оглянулась и увидела, что предмет их разговора явно их заметил и теперь пристально наблюдает за их шушуканьем.

— О, черт! — вырвалось у девушки. — Он нас увидел.

— Ну вот и все, спорить больше не о чем. Выше нос, подруга, и вперед!

И Ольга слегка подтолкнула ее.

Татьяна, смирившись, поплелась к подъезду, сопровождаемая подругой.

Когда они поравнялись с Кириллом, девушка выдавила из себя еле слышное:

— Привет.

— Приветик, — поздоровалась в свою очередь Ольга.

Парень сделал едва заметное движение головой, означающее то ли приветствие, то ли выражение неудовольствия.

Девушки прошли было мимо, но у самых дверей подъезда Татьяна снова резко остановилась.

— Нет, не могу я так! Я должна пойти и снова попросить у него прощения.

— О Господи! — закатила глаза ее подруга. — Ничего ты никому не должна! Ну, обижается — и пусть себе дальше обижается. С обиженными сама знаешь, что делают. Ты уже извинилась — и хватит с него.

— Я его не просто обидела, я его практически оскорбила — выставила его увечье напоказ. Целая толпа глазела на него, когда он валялся на полу. Это страшное унижение, и тут простым "извини" не отделаешься.

— И что ты намерена делать?

— Пойду к нему, снова извинюсь, объясню, что я не знала о его инвалидности...

— А то он сам не понял, — фыркнула Ольга. Ее уже начала раздражать такая принципиальность.

— Это неважно. В общем, так. Ты иди к Женьке, я попозже подойду.

— Ох и странная же ты, Ларина. "Так я не могу и так я тоже не могу". Определилась бы уж сначала, а потом... Ладно-ладно, делай, как знаешь. Кстати, я все-таки была права — он симпатичный, — добавила девушка, подмигнув, и направилась к лифту.

Татьяна, вздохнув, собралась с силами и вышла на улицу.

Кирилл удивленно поднял глаза, когда она снова появилась перед ним.

— Кирилл..., - начала она неуверенно. — Я... я хочу снова попросить у тебя прощения за вчерашнее.

Змей хмыкнул, но ничего не ответил.

— Прости, пожалуйста. Понимаешь, я же не знала, что ты... гм... что ты не можешь потанцевать со мной, — вывернулась девушка, которая так и не смогла произнести слово "инвалид". Оно просто не шло с ее языка.

Парень молчал. Татьяна начала нервничать. "Да что же это такое! — начала потихоньку закипать она. — Перед ним тут распинаешься, а он сидит, как истукан! Сказал бы что-нибудь, и покончили бы с этим. Выпендривается, что ли?"

— Ты меня простишь? Я не люблю, когда на меня сердятся, меня совесть мучить начинает, — продолжала она с примиряющей улыбкой.

Кирилл словно и не слышал.

— Ну скажи ты хоть что-нибудь! — отчаявшись, воскликнула девушка. — Ну что я должна сделать, на колени, что ли, перед тобой встать?

Тот и ухом не повел. "А, какого черта!" — подумала Татьяна и повернулась было, чтобы уйти,

но тут Кирилл, словно нехотя, процедил:

— Посиди со мной.

Девушка обернулась и непонимающе переспросила:

— Что?

— Посиди со мной.

Он подвинулся и приглашающее похлопал по месту рядом с собой. Озадаченная Татьяна послушно села.

Снова повисло молчание. Они сидели рядом, тихонько раскачиваясь и думая каждый о своем. "В более глупой ситуации я еще никогда не бывала, — думала девушка. — И долго мы еще будем так сидеть? И о чем с ним можно поговорить? Да и как с ним вообще можно разговаривать, с таким молчальником? Вот уж попала так попала! И дернул меня черт вчера! Потанцевать, видите ли, захотелось! Вот и сиди теперь, идиотка!"

— Ты не сердись на меня? — тихо спросила она, решив, что молчать и дальше было бы чересчур.

Она ожидала, что он снова промолчит, но он ответил:

— Нет, не сержусь. Твое желание потанцевать со мной было для меня такой приятной неожиданностью, что у меня просто язык не повернулся сообщить, что я никак не могу доставить тебе это удовольствие.

Девушка с облегчением рассмеялась, сказав:

— Я и не сомневаюсь, что для меня это было бы удовольствием.

— А ты всегда так... настойчива в своих желаниях?

— Бывает. Правда, обычно мне не отказывают.

— Все когда-то бывает в первый раз. Меня вот тоже обычно не приглашают.

В глазах Кирилла плясали веселые чертики, но губы его не улыбались. От этого создавалось двойственное чувство. Татьяна видела иногда людей, которые улыбались только губами, тогда как в их глазах было ледяное равнодушие. Это она понимала. Тут же дело обстояло совсем наоборот, и это сбивало с толку. Впрочем, для нее главным было одно — он на нее не сердится, так что спать она теперь может спокойно.

— Ну что ж, — сказала девушка. — Мне, пожалуй, пора. Женька ждет меня. Увидимся.

Она встала с качелей и собралась уже уходить, когда Кирилл окликнул ее:

— Подожди.

Татьяна обернулась и столкнулась с его взглядом. Его зрачки сузились и слегка вытянулись вертикально, глаза вспыхнули невероятным золотым светом, который манил к себе, притягивал, завораживал. Девушка зачарованно уставилась в эти глаза и... утонула в их теплом сиянии. Парень что-то говорил ей, но она не слышала его слов, полностью поглощенная

созерцанием переливчатых искорок в его глазах. "Как же он красив! — внезапно подумала она. — Прекрасен, как античный бог!" Девушка была словно в каком-то экстазе, восхищенном упоении. Она смотрела на Кирилла и не могла им налюбоваться. Эти чудные пламенеющие волосы, изумительные глаза, чувственные, по-детски пухлые губы... Почему же еще вчера он казался ей обычным, ничем не примечательным парнем?

Кирилл протянул к ней руку, и она с готовностью подошла к нему, почти рухнула на качели рядом с ним и нетерпеливо впиалась в его губы голодным страстным поцелуем...

— Таня! Та-а-а-анька! Ларина-а-а!

Девушка заморгала, словно просыпаясь, и с изумлением обнаружила, что, во-первых, она стоит на своем прежнем месте, недалеко от качелей, а во-вторых, ее зовет Ольга, высунувшись из окна Женькиной квартиры.

— Конечно, увидимся, — невозмутимо ответил Кирилл и отвернулся.

Обескураженная Татьяна повернулась к наполовину вылезшей из окна подруге и крикнула:

— Да-да, уже иду.

На ватных ногах она направилась к подъезду. В лифте девушка приложила ладонь к дрожащим губам, казалось, хранившим вкус несуществующего поцелуя. Что же произошло на самом деле?!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Целый день Татьяна была сама не своя. Ходила, словно бы в полусне, не слышала обращенных к ней вопросов, а когда ее переспрашивали — отвечала невпопад. Все валялось из рук.

— Эй, старушка, что с тобой сегодня такое? — встревоженно спросил ее Женька, когда девушка в четвертый раз спросила у него, куда подевалась тряпка, чтобы вытереть со стола. — Где ты витаешь?

Татьяна провела рукой по лбу. Ощувив прикосновение чего-то влажного, обнаружила, что тряпка у нее в руке, аккуратно сложила ее и повесила на кран. Вздохнула.

— Ой, Жень, сама не знаю.

Но она знала. Это все этот чертов Змей. Он не выходил у нее из головы. Что произошло на детской площадке? Что это было? Да и было ли что-нибудь? От таких размышлений впору было с ума сойти.

— Да это все из-за соседа твоего, — раздался голос за спиной девушки, и та, вздрогнув, резко обернулась.

К ним подошла Ольга с двумя бутылками пива. Одну она сунула подруге, Татьяна машинально взяла ее и отпила глоток.

— А причем здесь Кирюха? — не понял Женька.

— Так переживает она из-за вчерашнего, — объяснила подруга. — Вот и ходит сама не своя.

— А-а, понятно, — протянул парень. — Ну подумаешь, с кем не бывает.

— Вот и я ей то же самое говорю. А она не слушает. Считает себя виноватой.

— Но она же извинилась.

— Вот именно. И вчера извинилась, и сегодня...

— Сегодня? Когда это она успела?

— Эй, народ! — возмутилась Татьяна. — А ничего, что я тут рядом стою? Хватит говорить обо мне в третьем лице!

— Интересная ты такая! — парировала Ольга. — А в каком еще лице говорить, когда ты нас не слышишь и на вопросы не отвечаешь?

— Вот-вот, — поддакнул Женька.

— Но сейчас-то я вас слышу.

— Так кто тебя знает? У тебя ж на лбу не написано, в отключке ты сейчас или в сознании.

— Я всегда в сознании, — защищалась девушка. — Просто я сегодня... м-м... рассеянна.

— И это ты называешь в сознании? Представляешь себе, — обратилась Ольга к Женьке, словно махнув на подругу рукой, — мы встретили твоего соседа, когда шли к тебе, и наша бесподобная Танюша решила еще раз перед ним извиниться. Я, мол, не могу просто так мимо него пройти. Ну ладно, думаю, если уж ты такая принципиальная, дело твое. Через некоторое время выглядываю я из окна...

Татьяна замерла.

— ...а она стоит перед ним, смотрит ему в глаза, а у самой глаза пустые-пустые. Как у кролика, которого удав загипнотизировал. Стоит и молчит. Он ей что-то говорит, а она молчит и просто смотрит, не мигая. И то называется — в сознании? Нет, Танюха, с тобой явно что-то не так, — заключила Ольга. — То ли тебя на почве чувства вины перемкнуло, либо одно из двух. Ну вот, смотри, она меня снова не слушает!

Девушка действительно больше не слушала подругу. Так значит, ничего не было?! Не было той необычной вспышки, не было ощущения шелковистости его волос под ее рукой, не было того страстного, сладкого поцелуя?! Но она же все это помнит! Помнит все так отчетливо, словно это было наяву! Помнит, как преобразился вдруг Кирилл, помнит мягкость его губ, помнит ощущение его руки у себя на щеке! Как такое возможно?! "Кажется, я действительно схожу с ума!"

Женька щелкнул пальцами перед лицом Татьяны.

— А? Что? — спросила она, с трудом возвращаясь в реальность.

— Тань, ты меня пугаешь, — сказал парень. — Ты, часом, не заболела? Может, перегрелась? Как ты себя чувствуешь?

— Не знаю, — честно ответила девушка. — В голове все путается.

— Ну-ка, иди сюда.

Женька заботливо усадил ее на стул, пощупал ей пульс, потрогал лоб. Ольга принялась массировать ей плечи.

— Да перестаньте вы! Я не больна, со мной все в порядке, — смущенная такой внимательностью со стороны друзей, запротестовала Татьяна.

— Так, пульс нитевидный, учащенный, — не обращая внимания на ее протесты, деловито сказал Женька. — А это значит...

— Что это значит, доктор? — спросила заинтересованная Ольга.

— А черт его знает, что это значит, — серьезно сообщил парень. — Так в сериалах говорят.

Ольга мгновение недоуменно смотрела на него, а потом расхохоталась.

— Чего она ржет-то? — сохраняя на лице ту же серьезную мину, спросил Женька. Глядя на его оскорбленное лицо, следом за Ольгой покатились и Татьяна. Секундой позже, не выдержав, фыркнул и сам "доктор". Когда несколько мгновений спустя на кухню заглянул Сергей, он обнаружил там три корчившиеся от дикого хохота фигуры, и спросил:

— А чего это вы, а?

Чем вызвал новую вспышку смеха.

— Ой, я не могу! — простонала Ольга, держась за живот. — Ой, я щас помру!

— Не помрешь, — давась от хохота, еле выговорила Татьяна. — У нас же... у нас же доктор есть!

— Это у нас здесь курс смехотерапии, — вытирая выступившие от смеха слезы, объяснил Женька озадаченному другу.

— Ну-ну, — хмыкнул тот, глядя на них, как на законченных придурков. — Там тебя парень спрашивает.

— Какой парень?

— Ну этот, вчерашний. Который на коляске.

— Кирилл, что ли?

— Во-во, он самый.

Веселье мгновенно стихло. "Вот принесло же, блин, этого Змея! — раздраженно подумал Женька, глядя на вновь окаменевшее при звуке его имени лицо Татьяны. — Я только отвлек ее!"

И парень вместе с Сергеем вышел из кухни.

— Тань, да что с тобой такое? — уже не на шутку встревоженная Ольга присела рядом с подругой и взяла ее за руку. Рука была холодной, как лед. — Что случилось?

— Нет-нет, ничего. Все в порядке, — сказала Татьяна и, словно в подтверждение своих слов, сделала большой глоток пива, но не рассчитала и поперхнулась, раскашлявшись. Довольно

чувствительный хлопок по спине, которым угостила ее сердобольная подруга, быстро привел ее в чувство.

— Что-то не похоже, что в порядке. Это все из-за Кирилла? Может, позвать его сюда?

— Нет! — вскрикнула девушка. Ольга вздрогнула. — Нет, не надо, — уже спокойнее сказала Татьяна. — Он тут вовсе ни при чем. Я перед ним извинилась, так что теперь я чиста.

"Извинилась ли? — пронеслось вдруг у нее в голове. — Ведь если не было поцелуя, может, и извинения не было? А что было? Это просто кошмар какой-то!" В одном девушка была уверена на все сто процентов — больше она Кирилла видеть не хотела. Никогда в жизни!

— Ну как знаешь, — протянула Ольга. — Ладно, ты сиди здесь, а я схожу кое-куда. Как говорится, "пиво просится наружу, даже пиво я не нужен".

Девушка ушла, а Татьяна осталась на кухне, прихлебывая пиво и с нетерпением ожидая возвращения Женьки. Ей было любопытно, зачем пришел Змей, и одновременно страшно от того, что Женька пригласит его зайти.

Но этого не случилось. Вернувшийся Женька удивленно воззрился на пустую бутылку, стоявшую на столе.

— Ну ты, Танюха, и алкоголичка! Стоило мне на пару минут отлучиться, а она уже целую бутылку вылакала!

— Это для поправки, — не смутившись, заявила та. — Доктор прописал.

— Я прописывал смехотерапию, а не пивную.

— Так после пива смеяться проще.

— Ну да, вижу, что эта терапия уже помогла, — улыбнулся парень. — Узнаю свою Татьяну.

— И вовсе я не твоя, — показала ему язык девушка.

— Ну точно, пришла в норму. Надо будет взять на вооружение твою смехопивотерапию. Кстати, вот, тебе Кирюха принес. Говорит, что ты обронила.

Женька протянул ей носовой платок. Действительно, это был ее платок. Она и не заметила, как потеряла его.

— Спасибо, — сказала Татьяна, забрав у него платок.

— И еще просил передать, что ему было очень приятно. О чем это он? — подозрительно спросил парень.

— Ну, наверное, ему было приятно поговорить со мной.

— Ольга же говорила, что ты молчала, — прокурорским тоном заявил Женька.

— Ну да, а до этого мы разговаривали.

— Точно? А то смотри у меня!

Парень шутливо-угрожающе погрозил ей пальцем. Девушка смиренно опустила голову.

— Ну ты же знаешь, я тебе никогда не изменяла и изменять не собираюсь, — медовым голосом проговорила она.

— Язва, — сказал парень, нежно глядя на нее. — Пойду принесу тебе еще пива, пока ты опять не загрузилась.

Татьяна задумчиво смотрела на платок, потом вдруг поднесла его к лицу и вдохнула. Ткань пахла Кириллом. Тем Кириллом, которого она целовала. Сладкий запах одеколона и чужого тела.

"Просил передать, что ему было очень приятно". Что это значит? Что ему было приятно? Переброситься с ней парой ничего не значащих фраз или...

— Ой, да выбрось ты все это из головы! — раздраженно сказала она сама себе вслух. — Надоело! Было или не было — забудем об этом! И все!

Она скомкала платок, сунула его в свою стоящую на подоконнике сумку и решительно направилась в зал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Спустя две недели забыть Кирилла так и не удалось. Мысль о нем возвращалась к Татьяне как бумеранг, который невозможно выбросить. Он снился ей каждую ночь, прекрасный, притягательный, но недоступный. Иногда он стоял в кругу змей, которые не давали девушке приблизиться, иногда ее не подпускала все та же змейка, обвившаяся вокруг его запястья, а иногда (и это было страшнее всего) Кирилл умирал, лишь стоило Татьяне коснуться его. Умирал долго и мучительно, и его сверкающие глаза на посинелом лице не отрывались от глаз девушки, словно он хотел что-то сказать, объяснить или попросить. Но она его не понимала...

Девушка стала нервной, боялась заснуть или даже просто закрыть глаза. Она осунулась, стала молчаливой и раздражительной, перестала ходить к друзьям, предпочитая отсиживаться дома, с безразличным видом уставившись в телевизор.

Но от друзей спрятаться не так-то просто, поэтому Татьяна ничуть не удивилась, когда в один прекрасный день к ней в комнату с озабоченным видом ввалились Ольга и Женька.

— Привет, старушка! — с притворной веселостью воскликнул Женька. — Как твои делишки?

— Да вроде не жалуюсь, — со слабой улыбкой ответила девушка.

— А чего киснешь тут в одиночестве? Прямо на тебя не похоже.

— Да и выглядишь ты, честно говоря, так, как я себя чувствую после веселой пирушки, — поддержала его Ольга. — Вся какая-то бледная, волосы нечесаны, под глазами круги.

— Я себя неважно чувствую, — сказала Татьяна, и это было правдой. За последние три дня она спала от силы часов пять и чувствовала себя теперь соответственно.

— Как можно чувствовать себя неважно в такой день! — изумленно вскричала подруга. — Сейчас мы тебя живо в норму приведем!

Ольга схватила расческу и начала сражаться с густой копной волос Татьяны.

— А что сегодня за день? — спросила озадаченная девушка, предоставив подруге разбираться с прической.

— Ну ты даешь! — покрутил головой Женька. — Сегодня же НАШ день! Как ты могла забыть?

— Наш? В каком смысле — наш?

— Сегодня День молодежи, склеротичка ты наша! — не выдержала Ольга.

— Да ты что! — ахнула девушка. — Ничего себе, как время летит! А я и не заметила.

— Так, давай, быстренько умывайся, а я пока тебе платье выберу, — распорядилась подруга. — Только быстрее, а то нас там ждут.

— Кто?

— Да вся наша компания — Ленка, Пашка, Серега, Ксюха и Леха. Ну и, конечно, Котик.

Котик — это друг Ольги, ее парень Вовка.

— Так что поторапливайся.

Татьяна, как сомнамбула, медленно поплелась к ванной, но в дверях комнаты вдруг остановилась и повернула к друзьям свое измученное лицо.

— Слушайте, а может, в этот раз без меня? Что-то я не чувствую сегодня себя способной веселиться. Я вам только все испорчу.

— Ты что, Ларина, с ума сошла?! — немедленно отреагировала Ольга. — А как же... а как же наша клятва?

Еще на первом курсе Татьяна, Ольга, Женька, Пашка, Сергей, Ленка, Ксюха и Леха поклялись, что всегда будут друзьями, и что бы ни случилось, как бы жестоко они ни ссорились, на День молодежи они идут все вместе, либо заключая тем самым временное перемирие, либо, после пары ящиков пива, становясь друзьями заново, забыв все старые обиды. До сего дня клятву они соблюдали неукоснительно.

— Ой, да ладно! — поморщилась Татьяна. — Можно подумать, что если я нарушу эту клятву, меня предадут сожжению или начнут все хором презирать! Они небось и не заметят моего отсутствия...

— Так, тихо, девочки, тихо, — примирительным тоном заговорил Женька. — Тань, я уже понял, что у тебя плохое настроение, но наговаривать на своих друзей все же не стоит.

— Вот именно, — ввернула Ольга.

— Оль, вот что — ты сходи в ванную, водичку там отрегулируй, например, а я пока с Танюшей поговорю.

Та, вздохнув, ушла. Женька подошел к удрученной Татьяне и взял ее лицо в свои ладони, заставив смотреть ему в глаза.

— Что происходит, солнышко?

От глубокой нежности, звучащей в его голосе, девушке вдруг захотелось прижаться к его груди и разрыдаться. С трудом не сделав ни того, ни другого, она ответила:

— Ничего не происходит. Просто настроения нет.

— Настроение — будет, — пообещал ей парень. — Или ты мне не веришь? Не веришь, что я смогу тебя развеселить?

Татьяна невольно улыбнулась от такой самоуверенности. Женька-то сможет, это точно. Он любую Несмеяну способен заставить хохотать до упаду.

— Ну вот, дело уже пошло на лад! Еще доводы есть?

— Есть, — неожиданно для себя самой призналась девушка. — Злая я стала. Раздражительная. Боюсь, что только испорчу вам праздник.

— Ну, праздник ты нам никогда не испортишь, — серьезно сказал Женька. — По крайней мере, мне. Для меня смотреть на тебя — уже праздник.

Татьяна покраснела и опустила глаза.

— А все остальное, — тем же серьезным тоном продолжил парень, словно и не замечая смущения девушки, — злоба, раздражительность — это уже явный ПМС.

— Что-о?!

Девушка быстро схватила какую-то тряпку (кажется, полотенце) и хлестнула ею хохочущего Женьку по мягкому месту.

— Да ладно тебе, я же пошутил, — выставив руки, защищался тот. — Просто пошутил. Все-все, я больше так не буду.

— Я тебе покажу ПМС, — пообещала ему Татьяна, быстро скручивая волосы в узел и направляясь в ванную. — Я тебе сегодня такой ПМС устрою, сам рад не будешь!

И она ушла собираться, не заметив довольного взгляда Женьки, добившегося своего.

Несмотря на все опасения Татьяны, праздник удался. Энергия толпы быстро захватила ее, и через некоторое время она и думать забыла обо всех своих проблемах, и о Кирилле в том числе. Друзья веселились, пили пиво (а куда же без него?), танцевали на площади перед концертным центром, где выступали приглашенные звезды. Парни подарили каждой девушке по воздушному шару и по огромному облаку розовой сахарной ваты. В общем, было легко и весело.

Компания их быстро обростала знакомыми: друзьями, подругами, сокурсниками, и вскоре получилась эдакая толпа в миниатюре. посмотрев фейерверк (заключительную часть народных гуляний), стали думать, что делать дальше. Вернее, что делать, знали все — веселиться дальше, а вот где — тут мнения разошлись.

— Пойдемте к нам, — почти хором сказали Серега и Мишка. — На гитаре поиграем, песни попоем.

Они — братья, и оба здорово играют на гитаре.

— Нет, давайте пойдём на Брод, — предложила Ксюха. — Там посидим, пивка попьём.

— С парнями какими-нибудь познакомимся, — подхватила Ленка, озорно блеснув глазами.

Брод — Бродвей — это такая улица, имеющаяся, наверное, в каждом городе, на которой постоянно собирается молодежь.

— Нет, на Брод не надо, — сказала Татьяна. — Там по-любому уже все скамейки заняты, а у меня уже ноги болят. Да и прохладно уже.

Девушка наигранно вздрогнула от холода, и Женька, заметив это, подошел к ней сзади и обнял, согревая.

— Давайте так, — предложил он. — Сейчас пойдём к Сереге с Мишкой, но оставаться там не будем, больно уж у них бабушка злая, а возьмем с собой гитару. Потом пойдём на Брод и, если найдем пару свободных скамеек, немного посидим там.

— Немного — это сколько? — спросила Лена.

— А пока наши неугомонные сердцеедки с кем-нибудь не познакомятся, — рассмеялся Пашка.

— Точно, — подтвердил Женька. — Ну а потом пойдём ко мне — живу я один, скамейки свободные у меня есть, и у меня тепло. Все согласны?

Все были согласны и вскоре веселой гурьбой потянулись по направлению к улице, где жили братья.

Как ни странно, но скамейки на Броде они все-таки нашли. И началось! Мишка взял гитару и объявил:

— Начинаем концерт по заявкам!

Заявки посыпались, как из рога изобилия.

— Цоя давай!

— Не, лучше "Наутилус"!

— А давайте нашу, студенческую!

— "Фактор два".

Наконец, выбрали песню и запели. На звуки гитары к скамейкам потянулись любопытствующие. Мишка был счастлив. Ленка с Ксюхой были счастливы не меньше, потому что среди зевак были в основном парни. В общем, Женька, как всегда, угодил всем, предложив свой план.

Татьяна, пригревшись в объятиях друга, закрыла глаза. Несмотря на усталость, она тоже была рада, ей было хорошо и спокойно впервые за несколько дней. Свой шарик она до сих пор держала в руке, и теперь улыбающаяся рожица Микки-Мауса покачивалась совсем рядом с Женькиным лицом.

— Эй, подруга, не спи, — тихо прошептал парень, склонившись над ней.

Татьяна открыла глаза и увидела совсем рядом его смеющиеся глаза, которые вдруг посерьезнели.

— Ты похожа на спящего котенка, — прошептал Женька, проводя пальцами по ее щеке, наклоняясь к ней все ближе и ближе.

Девушка снова сомкнула ресницы и потянулась ему навстречу, бездумно, почти бессознательно, ища тепла и сочувствия. Она уже чувствовала тепло его дыхания на своих губах, как вдруг резко подскочила от вкрадчивого голоса, над самым ухом произнесшего:

— Привет.

Сначала девушка увидела пару больших золотистых глаз, потом блеск никелированных частей кресла-коляски, прежде чем поняла — перед ней ее кошмар во плоти. Кирилл собственной персоной.

Женька через силу улыбнулся соседу: было видно, что парень раздосадован таким грубым вмешательством.

— Привет, Кирюха. Ты что так незаметно подкрадываешься? Я чуть не поседел.

— Извини, — равнодушно ответил тот. — Просто заметил вас, решил поздороваться. Ну ладно, поеду дальше.

— Куда ты поедешь? Никуда ты не поедешь! — протестующее замахал руками уже оправившийся Женька. — Раз уж ты здесь, то оставайся с нами. Лови!

И парень ловко перебросил Змею бутылку из ящика, стоящего у его ног.

"Женька, конечно, человек очень гостеприимный, — подумала Татьяна, наблюдая за тем, как Кирилл сворачивает пробку и не торопясь прикладывается к бутылке, — но иногда его за его радушие хочется убить!"

— Спасибо, — пробасил Змей, разом высосав почти половину бутылки. — Я останусь.

И снова бросил этот нахальный взгляд на Татьяну, от которого она слегка поежилась.

— Ну ладно, — преувеличенно бодрым тоном сказала девушка. — Вы тут сидите, а я пока с Ольгой за сигаретами прогуляюсь.

Женька неохотно разомкнул объятия, и Татьяна встала.

— Только долго не ходите, а то я волноваться буду.

— Хорошо.

Девушка подхватила свою сумочку и, подойдя ко второй скамейке, похлопала увлеченно поющую подругу по плечу.

— Пойдем, за сигаретами сходим.

— А? Что?

— За сигаретами, говорю, пойдем.

— У тебя сигарет нет? Так у Котика возьми.

— Оля! — страшным шепотом сказала девушка. — Пойдем — со — мной — за — сигаретами!

— А-а-а, — понимающе протянула та. — Ну пойдем.

Когда они подошли к киоску, стоявшему в некотором отдалении от скамеек, сгорающая от любопытства Ольга выпалила:

— Что случилось?

Татьяна, не говоря ни слова, кивнула в сторону Женьки и Кирилла — не заметить пылающую шевелюру последнего было невозможно даже в темноте.

— Ясненько. Прикатил злосчастный инвалид, и ты тут же ринулась от него подальше.

— Ну да. А что мне было делать?

— Да ничего не делать. Сидит он с нами — ну и пусть сидит. От тебя же не убудет.

— Не убудет, — согласилась девушка. — Но мне с ним рядом как-то не по себе.

— И что, ты теперь так и будешь бегать от него?

Посмотрев на приунывшую подругу, Ольга смилостивилась.

— Ну хорошо, сделаем так. Я попрошу Котика сесть с Женькой — ну, там, поговорить о чем-нибудь, о компах, например, а ты сядешь рядом со мной и не будешь видеть своего Змея. Ладно?

— Ладно. Только это не мой Змей. Он свой собственный.

Так они и сделали.

Спустя некоторое количество пива и времени, Татьяна успокоилась от неожиданного вторжения Змея в их компанию. И действительно, чего это она так переполошилась? Это все нервы. Нервы и ее кошмары, которые мучат ее каждую ночь. Пора пить успокоительное. И снотворное заодно. Говорят, от него сны не снятся.

Девушка покосилась на соседнюю скамейку и увидела увлеченно разговаривающих Женьку, Кирилла и Вовку.

— Да что толку твоя "линейка"! — с необычной для него горячностью доказывал Змей. — "ВоВ" намного лучше и интересней!

— Зато у нас серв стабильно работает, — парировал Вовка, — а у вас лаги постоянные.

— А по мне — что "ВоВка", что "линейка", — отмахнулся от них Женька. — "Контра" рулит!

"Ну, все с ними ясно, — подумала Татьяна. — Они друг друга нашли. Будут доказывать преимущества одной игры перед другой, а потом все равно останутся каждый при своем мнении".

Что ее удивило, так это то, что Кирилл растерял все свое хладнокровие, все свое равнодушие.

Это словно совсем другой человек — живой, горячий.

Таня снова покосилась на спорщиков. Точнее, на Кирилла. Странно. Парень как парень. Обычные рыжие волосы. Обычные желто-зеленые глаза. Обычный человек. Только на инвалидном кресле. А так — ничего страшного.

Желая проверить свое впечатление, Татьяна (уже изрядно под пивом) вытащила сигарету и подошла к "геймерам".

— Хватит спорить, ребята. Дайте лучше прикурить.

Три зажигалки взметнулись к ней навстречу, но первым все-таки успел Кирилл.

— Благодарю, — глядя ему пристально в глаза, кокетливо произнесла девушка.

Глаза как глаза. Пьяные. Веселые.

— Всегда к вашим услугам, — улыбнулся Змей.

Приятная улыбка. Первая за время их знакомства.

И чего она боялась?

Дальнейшее Татьяна помнила смутно. После Брода пошли к Женьке, пили, танцевали, играли... Обессиленный Змей уснул раньше всех, вытянувшись на диване... Ольга с Котиком уединились в ванной... Серега порвал струну на гитаре и долго ругался с братом, после чего они выпили по стаканчику и успокоились. Ксюха решила станцевать на столе стриптиз, но упала; ее едва успели поймать и тут же уложили спать... Потихоньку толпа рассасывалась — кто уходил домой, кто уезжал на такси, а кто и оставался у гостеприимного хозяина, благо "спальных мест" хватало. Последнее, что запомнила Татьяна, — как она ползет куда-то на четвереньках, требуя, чтобы ей дали телефон — позвонить домой и предупредить, что она останется ночевать здесь; на что ей вполне резонно отвечали, что время уже — четвертый час ночи, и родители, наверно, все поняли и без звонка. А дальше — темнота...

ГЛАВА ПЯТАЯ

...Здравствуй, старая подружка Утренняя Головная Боль! "И зачем же нужно было вчера так много пить!" — в очередной раз спросила сама себя Татьяна. Этот вопрос она задавала себе каждый раз после какой-нибудь глобальной пьянки и никогда не находила на него ответа. Не нашла и сейчас.

Татьяна с трудом разлепила веки и... и замерла: на нее в упор смотрели немигающие золотистые глаза. Причем находились эти глаза буквально в паре сантиметров от ее собственных. И исходил от них мертвящий холод.

"Я сплю, — подумала девушка. — Я сплю, и мне снится тот самый кошмар. Ну все, пора просыпаться".

Она закрыла глаза, а когда открыла их снова — ничего не изменилось.

Какое-то время они со Змеем лежали, безмолвно глядя друг на друга, и Татьяна обнаружила, что ее рука обвивает шею Кирилла, а нога — его бессильные ноги.

— Оп-па, — выдохнула она. — Привет.

И совсем не удивилась молчанию в ответ.

Она почему-то сразу поняла — перед ней не Кирилл, веселый, живой, горячий, а Его Высочество Змей, равнодушный, холодный и безучастный.

— М-м... Ты давно проснулся? — не зная, что еще сказать, прошептала девушка.

— Давно, — в ответ прошептал он.

— А чего не встаешь?

— Не могу. Ты мне мешаешь.

— А-а... извини...

Девушка убрала свои руки-ноги и села, поправляя платье. Змей сел рядом. Неожиданно он поднял руку и медленно, словно нехотя, провел пальцем по ее щеке. Татьяна нервно отдернулась.

— У тебя след остался, — безжизненным голосом сообщил Змей.

Девушка непонимающе посмотрела на него.

— На щеке, — пояснил он.

Татьяна схватилась за щеку и обнаружила на ней рубец, извилистый и ребристый. Она взглянула на парня и поняла: ее голова лежала на его руке, на той, где запястье обвивала змейка. Она-то и оставила свой след. Змеиный.

— Дела, — только и смогла произнести девушка. Змейка, которая почти каждую ночь бросалась на нее, отгоняя от хозяина, теперь была вынуждена всю прошедшую ночь пролежать под щекой своего "врага"!

Татьяна неожиданно рассмеялась.

Змей удивленно приподнял брови, но девушка только махнула рукой — проехали, мол. Ну в самом деле, не объяснять же почти незнакомому парню, что он и его браслет сняты ей в кошмарах?

Вместе со смехом вдруг прошел и ее страх, словно очистил ее. Прошла и неловкость. Ну какая ей, в сущности, разница — Змей это или Кирилл? Никакой. И несмотря на дикую головную боль, она чувствовала себя отдохнувшей и выпавшейся, благо на этот раз ей ничего не снилось. Наверное, потому, что один герой ее снов спал рядом, а второй, вернее, вторая, всю ночь провела под ее щекой в полураздавленном состоянии.

— А как твоя рука? — спросила Татьяна.

— Что? — озадаченно переспросил Змей.

"В тупик поставила, — усмехнулась девушка. — И куда все равнодушные девались".

— Руку покажи. Левую.

Браслет глубоко впился в кожу, но Кирилл даже не поморщился, когда Татьяна осторожно

разгибала змейку, чтобы освободить руку.

— Не больно?

Змей замотал головой.

— Пить хочешь? Я принесу.

— Не отказался бы, — выдавил из себя явно удивленный такой заботливостью парень.

Осторожно переступая через спящие тела, девушка направилась на кухню, где и застала одиноко пьющего пиво Женьку.

— Привет. Уже встал? Ну ты ранняя пташка!

— Да я, можно сказать, и не ложился, — усмехнулся парень. — И вовсе не ранняя — время-то уже как-никак третий час.

Татьяна, не веря, взглянула на кухонные часы, которые с суровой неумолимостью подтвердили его слова.

— Обалдеть! — протянула она. — Вот это я разоспалась!

— И не ты одна, — заметил Женька.

Девушка, потирая лоб, потащилась к раковине налить воды.

— Как спалось? — с напускным равнодушием осведомился парень. — Выспалась?

— Вполне, — не оборачиваясь, весело ответила Таня. — Давно я так не высыпалась.

Поскольку она была спиной к Женьке, она не могла увидеть боли в его глазах, когда она ответила. Зато ее заметил Змей, неслышно подъехавший (и как умудрился?) на коляске. И скрестились два взгляда — золотистый и карий, и поняли друг друга без слов. Женька понял, что Змей помнит, как он пытался на руках унести пьяную Татьяну, чтобы уложить ее в спальне, а девушка отбивалась и бормотала, что ей и здесь хорошо, мертвой хваткой вцепившись в Кирилла; а Змей в свою очередь понял, куда именно Женька хотел отнести девушку и зачем. И еще Женька понял, что Змей это понял.

Не замечая этой безмолвной дуэли, происходящей у нее за спиной, девушка наконец-то утолила жажду и наполнила кружку для Кирилла. Обернувшись, она столкнулась с ним и вздрогнула:

— Ой, Кирилл! Ты почему так постоянно подкрадываешься?

— Извини, — равнодушно бросил тот, отводя взгляд от медленно багровеющего Женьки.

Татьяна вручила ему кружку и отошла к окну покурить.

— Пи-и-и-ить! — раздалось где-то совсем поблизости. — Ой, плохо мне, нехорошо-о-о-о...

— Узнаю родной загробный голос, — улыбнулась девушка и удивилась, что Женька не улыбнулся в ответ.

На кухню практически вползла Ольга, бледная, всклокоченная. Вежливый Змей тут же протянул ей свою кружку, так и не отпив ни глотка.

— Благодарю, — просипела девушка и надолго припала к живительной влаге — кружка-то была большая, пивная.

— Ну как самочувствие? — весело осведомилась у Ольги Татьяна, когда та уже могла более-менее внятно говорить.

— Издеваешься? — из-под нависших на глаза волос мрачно взглянула на нее подруга. — Голова ва-ва, во рту ка-ка, в карманах пусто. Вот какое у меня самочувствие. А ты чего с утра такая веселая? Уже тяпнула, что ли?

— Дурочка ты! — беззлобно ругнулась девушка. — Во-первых, уже не утро, а, скорее, обед; во-вторых, ничего я не тяпала; а в-третьих, веселая я, потому что день сегодня хороший.

Ольга подозрительно посмотрела на сияющую подругу, на угрюмого Женьку, на невозмутимого Кирилла и вздохнула, сдаваясь.

— Ладно. Все равно в таком состоянии мне эту загадку не разгадать. Пойду умоюсь, пока зеркало при виде меня не треснуло.

— Я с тобой.

Татьяна быстро потушила сигарету и спрыгнула с подоконника. Девушки удалились в ванную.

— Слушай, Оль, — спросила Татьяна, пока та, отфыркиваясь, плескала себе в лицо холодной водой. — Ты все помнишь, что было вчера? А то у меня провалы в памяти.

— Еще бы им не быть, когда ты еще на Броде так нахлесталась, что на ногах не стояла.

— Я?!

— Ну конечно ты. Вроде бы как ты из-за Кирюхи нервничала, оттого и вливала в себя как заправский алкоголик. А если учесть, что ты практически ничего не ела, нечего удивляться, что ты так назююкалась.

— М-да, дела... А что было после Брода? Я смутно помню.

— Да я и сама помню не очень четко. Пели, пили — ну это как обычно. Ксюха стриптиз танцевала...

— Ну это тоже как обычно, — улыбнулась Татьяна.

— Угу, — согласилась Ольга. — В "бутылочку", помню, играли...

— В "бутылочку"?!

— Но ты с нами не играла. У тебя была очень увлеченная беседа с тем, из-за кого ты так напилась.

— Я разговаривала с Кириллом?! — округлила глаза девушка. — А о чем?

— Не знаю, не прислушивалась. Но вам, по-моему, было очень весело. Ты мне потом сказала,

что ошиблась в нем, что, мол, Кирилл — отличный парень, просто душка и все в таком роде.

— Басяво. А я не помню...

— Потом мы с Котиком... ну... сама понимаешь.

— Понимаю.

— А когда мы вернулись, твой "душка" уже спал.

— Он не мой, — запротестовала девушка. — Он...

— Помню-помню. Свой собственный, — отмахнулась Ольга, вытираясь. — Все, можешь умываться. Эх, и почему я зубную щетку с собой не ношу?

— А у меня здесь давно уже своя собственная зубная щетка, — похвасталась Татьяна неизвестно перед кем.

— Кто б сомневался, — буркнула Ольга. — Была б твоя воля, тут бы все твое было.

— В смысле?

— В прямом. Думаешь, никто не замечает, как Женька на тебя смотрит?

— Ты сейчас наговоришь! Мы с ним просто друзья.

— Да уж, друзья. Разве ж друзья друг друга взглядами пожирают?

— Я его никогда не пожирала!

— А я не о тебе сейчас говорю.

— Оль, ну ты же помнишь, что у нас с ним ничего не вышло. Ну, еще на первом курсе. И мы решили остаться друзьями. Просто у него характер такой — то он меня "любит", а то и вовсе не замечает. Видела, как он на меня на кухне смотрел? Как на врага народа.

— Ну, тебе оно, конечно, виднее, — внезапно уступила Ольга.

— Конечно, виднее. А что было дальше?

— Потом ты ползала по полу в поисках телефона, но нашла только диван, куда ты благополучно и заползла, уютно свернувшись в объятиях спящего Кирилла.

Татьяна в этот момент чистила зубы, поэтому она ничего не сказала, только махнула рукой — мол, продолжай.

— Ну и все, — помявшись, закончила Ольга. — Мы с Котиком позже тоже легли спать, так что больше ничего я тебе рассказать не могу.

И уж тем более она не могла рассказать подруге о том, как Женька пытался перенести ее в спальню; о том, как девушка предпочла остаться со Змеем; о том, как напился обычно сдержанный Евгений, с ненавистью глядя в золотые глаза проснувшегося от этой суматохи Кирилла и о том, как он плакал потом пьяными слезами у нее на груди, а она утешала его, говоря, что Татьяна просто пьяна и потому не хочет трогаться с места, а вовсе не потому, что

вдруг вспыхнула страстью к его соседу... И о том, как Кирилл, проснувшись и обнаружив рядом с собой спящую девушку, осторожно привлек ее к себе и замер с глуповатым выражением блаженства на лице... Ни о чем она рассказывать не будет. Не ее это дело. Пускай сами разбираются.

— Весело погуляли, — произнесла наконец Татьяна. — Я и половины не помню. Представляешь мой шок, когда я увидела рядом с собой Кирилла?

— Нет уж, этого я представить не могу и пытаться не буду. Я надеюсь, ты хоть одетая проснулась? — не удержалась от подколки подруга.

— Ну конечно одетая! — возмутилась девушка.

— Почему это "конечно"? Ты ж как-никак с парнем спала, не с бревном.

— Так он же инвалид. Парализованный.

— И что? Насколько я вижу, парализованы у него только ноги. С руками точно все в порядке. Да и та часть тела, о которой ты подумала, тоже к ногам явно не относится.

— Хватит меня дразнить! Ничего не было.

— Откуда ты знаешь? Ты ж ничего не помнишь.

— Ну... я бы заметила..., - неуверенно пробормотала Татьяна.

— Ха! Заметила бы она! В твоём-то состоянии! Ларина, ты была мертвецки пьяна. С тобой могла забавляться хоть вся наша мужская компания, и ты не проснулась бы!

— Тьфу на тебя! Наши парни на такое не способны.

— Наши — да... а вот Змея пока никто в нашу компанию не зачислял.

"Скорее наоборот, — добавила она про себя. — Уж Женька об этом позаботится".

— Все равно, — упрямо буркнула Татьяна. — Ничего не было. Мы были одеты.

— Это ничего не доказывает. Долго ли одеться после... гм... акта соития?

Ольга сидела на краю ванны, вытянув ноги, и с удовольствием наблюдала, как медленно розовеет лицо подруги.

— Да ладно ты, не грузись. Пошутила я. Наверняка ничего не было. Просто я зашла на кухню, а ты цветешь и пахнешь.

— И ты решила испортить мне настроение, чтобы мне было так же плохо, как и тебе?

— Нет, просто подозрения зашевелились. Видишь ли, когда я вижу девушку, которая вся сияет после ночи, проведенной с парнем, я начинаю думать о том... ну, о чем бы подумал каждый нормальный человек.

— А по-моему, ты вообще всегда об этом думаешь, — проворчала Татьяна.

А сама невольно вспомнила свое пробуждение: немигающие глаза, смотрящие на нее в упор,

рука на ее щеке... "Нет! Все это чушь! Ничего не было! И быть не могло!"

— И вообще, — произнесла она вслух, — я ничего не хочу об этом знать. Пойдем лучше, там уже, наверное, все проснулись.

Зрелище, представшее перед их глазами, было душераздирающим, иначе и не скажешь. Опухшие бледные лица с красными глазами, трясущиеся руки и явно больные головы. В общем, болели все. Кроме, разве что, Женьки и Змея, которые выглядели достаточно свежими.

— Привет, народ! — бодро поприветствовала их Татьяна.

— Ой, Танька, тише, ты чего так орешь? — скривилась Ленка.

Остальной "народ" хмуро курил, почти не обратив внимания на приветствие. Оживились они лишь тогда, когда расторопные Мишка с Серегой принесли кому пиво, кому — минеральную воду. Змей, тихонько попивая кофе в своем углу, явно забавлялся, хотя выражение его лица было таким же, как тогда, на детской площадке — в глазах веселые искры, а на губах равнодушная усмешка. Словно он забыл, как это — улыбаться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На следующий день Татьяна проснулась в прекрасном настроении. Ей ничего не снилось, а если и снилось, она ничего не помнила. Проспала она до полудня и чувствовала себя отдохнувшей и посвежевшей.

Напевая, девушка пошла на кухню выпить кофе. поприветствовав мать и братьев, она схватила кофейник и закужилась с ним по комнате.

— Осторожней, кофе горячий, — предупредила ее мать. — Разольешь и обожжешься.

— Не разолью. Потому что у меня сегодня все будет хорошо!

— Ну слава тебе, Господи, ожила наконец! — с облегчением сказала женщина. — А то ведь две недели ходила, как в воду опущенная. Я уж думала, депрессия у тебя.

— Она, наверное, хахаля себе нашла, — выдвинул предположение Никита.

— Точно! На Дне молодежи и нашла, — поддержал его как две капли похожий на него Митька.

Татьяна обернулась и показала близнецам язык.

— Даже вы мне сегодня настроения не испортите. Так что и не старайтесь.

— Да не больно-то и хотелось, — разочарованно пробормотали братья.

Они-то привыкли, что сестра всегда очень болезненно реагирует на их шуточки. И вот те раз — ей все равно. Странно. Наверняка что-то действительно случилось. Ну ничего, они обязательно это выяснят.

Час спустя Татьяна вышла на улицу, ведя на поводке Вульфа. Огромный, серый, с волчьими глазами, он очень напоминал хищника, и за это его все боялись. Вульф был полукровкой. Его матерью была собака, а отцом — волк, но отцовские гены никак не сказались на его характере, только на внешности. На самом деле он был кротким, как овечка, хотя, конечно, и хозяйку мог защитить. Впрочем, увидев, как матерый зверюга беззвучно скалит длинные белоснежные

зубы, никто не решился бы обидеть девушку.

Выйдя из подъезда, Татьяна почему-то совсем не удивилась, увидев на качелях на детской площадке одиноко сидящего Кирилла. У нее даже возникло ощущение дежа вю. "Кажется, он меня преследует, — подумала она, направляясь в его сторону. — В последнее время я всегда и везде вижу только его. По-моему, я даже начинаю к этому привыкать". У девушки и мысли не возникло, что Змей пришел вовсе не к ней.

— Привет, — сказала она подходя, но вдруг резкий рывок поводка заставил ее остановиться. — Эй, Вульф, что с тобой?

Пес прижал уши, поджал хвост и вздернул верхнюю губу, обнажая сверкающие клыки. Его прищуренные глаза не отрывались от лица Кирилла. Парень сделал какое-то едва уловимое движение, и Вульф спрятался за хозяйку, жалобно скуля.

— Да что случилось? Вульфик, ты чего? — недоумевала Татьяна.

За пса ответил Змей.

— Все в порядке. Собаки меня не любят. Как и кошки, впрочем.

— Почему? — глупо спросила девушка.

— Понятия не имею. Если ты хочешь подойти поближе, тебе придется либо идти без него, либо тащить его на буксире.

Татьяна из чистого упрямства попыталась было приблизиться к Кириллу, но Вульф с громким воем начал упираться всеми четырьмя лапами, взрывая землю и пытаясь вывернуться из ошейника. После минутной борьбы девушка сдалась.

— Странно, — отдышавшись, сказала она. — Такого с ним раньше никогда не случалось.

— Все когда-то бывает в первый раз, — меланхолично произнес Кирилл.

И Татьяну снова посетило чувство дежа вю. "Все когда-то бывает в первый раз. Меня вот тоже обычно не приглашают". Так сказал Змей, так же сидя на качелях на детской площадке...

Тряхнув головой, девушка спросила Кирилла:

— А что ты здесь делаешь? Ты хотел со мной поговорить?

— Вообще-то, это ты хотела поговорить со мной. Впрочем, я и не думал, что ты помнишь. Так, на всякий случай заглянул.

— Я хотела с тобой поговорить? Не понимаю.

Змей невозмутимо достал из нагрудного кармана рубашки какую-то бумажку и протянул ее Татьяне. Она машинально двинулась к нему навстречу и снова ощутила рывок поводка. Девушка удивилась: ей казалось, что длины поводка должно было хватить до качелей. Но оказалось, что Вульф перехватил поводок зубами и теперь тянул хозяйку к себе, словно не хотел подпускать ее к Кириллу.

— Вульф, фу! Ну-ка отпусти! — прикрикнула на него Татьяна, но собака не унималась, косясь налитыми кровью глазами на Змея.

Тот скрестил руки на груди и с ледяным спокойствием наблюдал за растерянной девушкой. Вдруг он перевел взгляд куда-то за ее спину и приподнял брови. "Блин, привычка у него, что ли, такая", — подумала Татьяна и обернулась.

Из-за беседки, находившейся за ее спиной, выглядывали две одинаковых чумазых рожицы с прижатыми (чтобы не расхохотаться) ко рту ладонями.

Все ясно! Выследили таки! Вот разбойники!

Впрочем, сейчас ей это было только на руку.

— Никита, Митька, ну-ка идите сюда! — командным голосом приказала девушка. — Идите-идите, мы вас заметили.

Близнецы, ни капельки не смущаясь, подошли к ним и беззастенчиво уставились на Кирилла. Тот с той же бесцеремонностью в свою очередь разглядывал их.

— Мальчики, возьмите Вульфа и погуляйте с ним.

— Сама гуляй, — отрезал один из братьев. — Это твоя собака.

— Никита!

— И вовсе я не Никита. Я — Митя.

— Ой, да ладно тебе, не выпендривайся. Уж я-то вас различаю.

Никита довольно заулыбался.

— Мить, может, ты его прогуляешь? — с просящими интонациями спросила Татьяна.

— Неа, — незамедлительно ответил тот, поглядев на брата. — Вот сама со своим хахалем и прогуляй.

Близнецы гаденько захихикали, косясь в сторону Змея: как он отреагирует? Разозлится, покраснеет или будет все отрицать?

Татьяна почувствовала, как к щекам медленно приливает кровь, и хотела уже прикрикнуть на братьев, но ее остановил голос Кирилла.

— Да я бы и рад прогуляться с вашей сестрой, но не могу, — и парень кивнул в сторону своей коляски.

И — о чудо! — краснеть пришлось близнецам.

— Ну мы... это...

— Мы конечно...

— Конечно, прогуляем...

— Чего уж там...

— Ну... мы пошли?

— Идите, непути! — отпустила их девушка и облегченно вздохнула, избавившись от лишней обузы.

Наконец, братья скрылись, увлекаемые мчащимся впереди них Вульфом. Пес словно старался как можно быстрее убраться из этого места, и близнецам пришлось бежать, чтобы успеть за ним.

Татьяна повернулась к Кириллу и извиняющимся тоном произнесла:

— Дети. Чего с них взять? Поздние да избалованные. Никакого чувства такта.

Змей молча кивнул, глядя на нее с каким-то новым выражением в глазах.

— М-м... Так о чем ты хотел со мной поговорить?

— Не я. Ты.

Кирилл передал ей бумажку. Развернув ее, девушка с изумлением узнала свой собственный почерк; правда, буквы были корявыми и строчки налезали друг на друга. Вот что она гласила: "Кирюша! (подчеркнуто одной линией). Приходи, пожалуйста, послезавтра ко мне (адрес). Мне нужно поговорить с тобой о чем-то очень (подчеркнуто двумя жирными линиями) важном. Ты мне с... (зачеркнуто). В общем, приходи к часу дня, когда я буду собаку выгуливать. Буду очень ждать (смайлик и несколько маленьких сердечек). Целую (след от губной помады), Танюша". И размашистая подпись в конце.

Прочитав записку, Татьяна долго не поднимала с нее глаз, не зная, что делать дальше. "Это ж надо было так напиться! Обалдеть! Ну, хоть в любви не призналась, и то хорошо".

Она так долго и с таким вниманием изучала содержимое записки, что первым, наконец-то, не выдержал Змей.

— Ну ладно, я уже понял, что ты ничего не помнишь. Я, кстати, тоже. Стесняться тут нечего, с каждым бывает.

Девушка подняла голову и уставилась на него, не веря своим ушам. Кирилл утешал ее?! Грубовато, прямолинейно, по-своему, но все-таки утешал?! Невероятно!

— Я и сам эту записку случайно нашел. Вернее, мама нашла.

Выражение лица Змея не изменилось, но в глубине глаз что-то дрогнуло при упоминании о матери.

— Ну я и решил заглянуть на всякий случай, хотя и был уверен, что ты ничего не помнишь. Вот только объясни мне — так, ради любопытства: что значит "Ты мне с..."?

— Я... гм... не совсем уверена, — залепетала Татьяна, пытаясь потянуть время. О, уж она-то точно знала, что это означает! — Я думаю... наверное, я хотела написать "Ты мне сказал", но вот что конкретно — я не помню.

Мысленно девушка тут же дала себе зарок — больше не пить! Ну, или хотя бы не напиваться...

— Значит, сказал?

Татьяна с облегчением кивнула.

— Сказал..., - медленно протянул парень. — Интересно, что ж я такого сказал, что ты захотела со мной встретиться и поговорить?

Девушка беспомощно пожала плечами, демонстрируя полнейшую неосведомленность.

— Ну ладно, сказал так сказал.

Татьяна уже было расслабилась, но тут резкий, как удар хлыста, вопрос заставил ее посмотреть Змею в глаза.

— А может, все-таки "снился"?

Лицо девушки вспыхнуло все и сразу, говоря само за себя. отпираться не было смысла. Кирилл явно и так все понял.

— Ну да, снился, — сдавленным голосом подтвердила Татьяна и почти упала на качели рядом с ним.

— Я так и думал, — будничным тоном сказал парень. — И что, тебя это напугало?

Девушка кивнула, созерцая носки своих туфель.

— Почему? Что именно тебе снилось?

— Этот сон мне приснился, когда я... ну...

— Когда ты решила потанцевать со мной, — помог ей Кирилл.

— Да. В этом сне ты был весь опутан змеями. Их были сотни, если не тысячи.

Татьяна начала говорить все быстрее, словно пытаясь освободиться от своего кошмара, преследовавшего ее так много времени.

— А ты... ты звал меня к себе. Ты кричал и кричал, будто тебе было очень больно. Будто тебя резали на куски. Я пыталась как-то помочь тебе, но, стоило мне только приблизиться, как твой браслет оживал и бросался на меня. И я никак... никак не могла подойти к тебе. А ты все кричал и кричал... Это было... ужасно...

Голос девушки прервался, и она замолчала. Молчал и Змей. Покосившись на него, Татьяна заметила, что он неосознанно крутит в руках эту самую злосчастную змейку. В свете солнца ее глазки блестели, как живые, как будто она хотела сказать девушке: "Погоди! Еще доберусь я до тебя!" Татьяну передернуло.

Заметив это, Кирилл неожиданно протянул браслет ей.

— Вот. Возьми его. Он совсем не страшный.

Девушка осторожно взяла змейку, и глаза той тут же потухли, словно прикосновение Татьяны было ей неприятно. Или в этом было виновато облако, скрывшее за собой солнце?

— Говорят, если посмотреть своему страху в глаза, он перестанет властвовать над тобой, — продолжал Змей. — Посмотри на него. Он не причинит тебе вреда. Это всего лишь украшение, хотя и очень реалистично выполненное.

— Я понимаю, — чувствуя себя совсем по-дурацки, кивнула девушка.

— Если хочешь, можешь даже бросить его на землю и потоптаться по нему, если тебе станет от этого легче.

— Нет, я не могу, — испугалась такого предложения Татьяна. — Это же твой оберег.

— Я не хотел причинять тебе боли, — неожиданно заявил Кирилл.

Его тон оставался таким же ровным и бесстрастным, его глаза — холодными и отстраненными, но в их глубине, где-то совсем глубоко, что-то блестело. Блестело, как непролитые слезы.

"Ну, Танюха, что-то тебя нынче на лирику потянуло. То змеи подмигивающие, то слезы непролитые... Совсем по фазе сдвинулась!"

— О чем ты? Я не понимаю.

— Знаешь, — словно и не заметив вопроса девушки, сказал Кирилл, — я ведь тогда сказал тебе неправду. Ну, о том, что я назвал себя Змеем, потому что хочу, чтобы меня все боялись. Это совсем не так. Змеем меня прозвали в детстве, за то, что я не могу ходить и из-за этого браслета, который я постоянно ношу.

Татьяна с умным видом кивала головой, хотя совершенно не понимала этой исповеди.

— Это всего лишь детское прозвище. Так что не надо меня бояться, — неожиданно мягко закончил он.

— А я и не боюсь, — пробормотала девушка.

Змей промолчал. Его браслет потихоньку остывал, отдавая свое тепло прохладному воздуху.

Татьяна протянула змейку обратно Кириллу и спросила:

— А почему ты его постоянно носишь?

— Не знаю. Привык. Без него я чувствую себя раздетым.

— Ну, так одевайся поскорее, — попыталась пошутить девушка, но тут ладонь Змея, забирающего безделушку, коснулась ее руки, и у Татьяны перехватило дыхание.

Она взглянула в его глаза, и на нее снова хлынул теплый золотистый свет. Он окутал ее своим сиянием, согревая, успокаивая, очищая ее измученную кошмарами и сомнениями душу. Она потянулась к источнику этого целительного света, к Кириллу, из глаз которого струился этот невероятный золотой поток. Девушка положила ладони ему на плечи, будто собираясь окунуться в это сияние...

— Танька! Та-а-а-анька!

Она зажмурилась, ожидая, что открыв глаза, она снова увидит Ольгу, наполовину вылезшую из окна Женькиной квартиры. "И этого я не переживу! — подумала она. — Точно не переживу!"

Открыв глаза, она увидела одного из близнецов, бегущего к качелям. Переведя взгляд на Змея, она осознала, что сидит совсем рядом с ним, положив свои руки ему на плечи, словно собираясь обнять.

Значит, на этот раз все было по-настоящему! И этот свет — значит, он тоже был! Но как? И что же тогда было в прошлый раз?

— Не думай об этом, — шепнул Змей, снимая ее ладони со своих плеч.

— Танька! — задыхаясь, подбежал к ним "гонец". — Mamka велела передать, что тебя к телефону. Она тебя в окошко увидела и послала меня.

— Никита, — негромко сказал Кирилл, давая Татьяне время прийти в себя. — Тебя разве никто не учил, что нельзя мешать взрослым?

— А я чего? Я ничего. Мне мамка велела, — оправдываясь, забормотал мальчуган. — И вообще, я не вовсе не Никита, я...

— Врешь, — безапелляционным тоном отрезал парень. — Все ты врешь.

— Вру, — согласился Никита. — А ты откуда знаешь?

— Когда человек врет, у него зрачки расширяются, — сообщил Змей.

Никита поразмыслил об этом и убежал: торопился, наверное, проверить сказанное на брате.

Татьяна встала, чувствуя, как у нее подгибаются колени.

— Ну, я, наверное, пойду, — неуверенно сказала она. — Телефон.

Змей молча кивнул.

— Ну, пока. Увидимся.

"Конечно, увидимся", — пронеслось в голове девушки.

— Конечно, увидимся, — эхом отозвался Кирилл.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Оль, ты крем для загара взяла?

— Конечно взяла.

— А полотенце?

— И полотенце.

— А фотоаппарат?

— Да взяла, взяла. И даже купальник взяла, если тебя это так интересует. Ты чего так волнуешься?

— Ничего я не волнуюсь. Не люблю выяснять на месте, кто что забыл.

Девушки собирались на пляж. Татьяна упаковывала необходимые вещи, а Ольга, по своему обыкновению, валялась у нее на диване, болтая ногами и грызя яблоко.

— Слушай, Ларина, ну сегодня на пляже все парни будут твои, — с завистью сказала она,

разглядывая новый купальник подруги.

— Знаю, — кокетливо отозвалась та. — Три дня походов по магазинам — и вот результат.

— М-да. Похоже, придется мне сегодня приглядеть за Котиком. Ну там, челюсть ему на место вправить или еще что-нибудь в этом роде.

— Да ладно тебе, — отмахнулась от нее Татьяна. — Слушай, побудь здесь, я пока бутерброды загружу.

— Угу.

Ольга уже почти доела яблоко, когда в комнату со страшным криком влетел один из близнецов в маске Крюгера. Девушка поперхнулась и уронила фрукт.

— Тьфу ты, пропасть! Ну, Никимитька, щас ты у меня получишь! Щас ка-а-ак поцелую!

И Ольга сделала страшные глаза. Мальчуган, взвизгнув, умчался.

— Эй, что там у вас происходит? — донесся из кухни голос Татьяны.

— Братец твой решил меня до инфаркта довести, — ответила девушка, наклоняясь за упавшим яблоком.

— Который?

— А черт их разберет — который.

Из спальни близнецов раздался дикий гогот. Они обожали, когда Ольга так отвечала. Она и придумала им это обезличенное имя — Никимитька. Чтобы не путаться.

Подбирая яблоко, Ольга заметила на полу смятый лист бумаги. Не терзаясь угрызениями совести, она подняла его, расправила и начала читать написанное на нем. За этим занятием и застала ее вернувшаяся Татьяна.

— Эй, отдай сюда! — выронив пакет, бросилась она к подруге.

Та, смеясь, подняла листок над головой и запрыгнула на диван.

— Ну, Танюха, ты и пишешь! Прямо начинающий писатель.

— Отдай! Тебе разве не говорили, что невежливо читать чужое?

— Я нашла это на полу, значит, это мусор. А мусор — он ничейный! — хохоча, отбивалась Ольга. — Нет, ну ты слушай, здорово написано: "Его глаза подобны озерам, закованным в ледяную броню. Но этот лед прозрачен, и так же, как сквозь лед пруда можно разглядеть кипящую там, в глубине, жизнь, так и глубоко в его глазах можно увидеть отблески жизни, отзвуки чувств".

Девушка перескочила на тумбочку и продолжила читать:

— "Но как не дано разглядеть сквозь лед отдельных обитателей пруда, так и в его глазах невозможно прочесть, что он чувствует". Танюха, да ты просто романтик!

Ольга соскочила на пол и дочитала:

— "Мне кажется, что глаза — это самое живое, что есть в бесстрастном лице Кирилла". Так это что, про Кирюху?

Татьяна, наконец, выхватила у нее листок и спрятала его в стол.

— Да, про него, — буркнула она недовольно.

— Ты чего, обиделась, что ли? — удивилась подруга.

— А ты бы не обиделась, если бы увидела, что кто-то читает твой дневник?

— Так откуда ж я знала, что это дневник? Это же просто смятый клочок бумаги.

— Все равно, читать было необязательно.

— Да я же просто глянула. А там такое — ну просто невозможно оторваться!

— Я тебя просила отдать! Значит, я не хотела, чтобы ты это читала.

— А я думала, что ты из скромности делаешь вид, что стесняешься. Я же решила, что это какой-то любовный рассказ. Такие аллегории — закачаешься! И потом — какие могут быть секреты от лучшей подруги?

— Подлиза, — невольно улыбнулась Татьяна. — На все ответ найдешь.

— А ты что, во мне сомневалась?

— Даже и мысли такой в голове не было.

— Тань, я тут подумала — если ты о Змее такое пишешь, то что же, интересно, ты пишешь обо мне?

— Вот возьми мой дневник и прочитай, — буркнула еще не до конца успокоившаяся девушка.

— Правда? Ты мне разрешаешь?

— Нет! Ни за что! С тебя станется.

— Это точно, — довольно усмехнулась Ольга. — Так что давай, колись, что ты там пишешь про меня и мои глаза.

— Бирюзовоглазое чудо, — подумав, сказала Татьяна.

— Неплохо. А еще?

— С улыбкой, как солнце с утра.

— А, позволь уточнить, какое солнце? Чье? Если, например, взять мое Солнце, то с утра оно, знаешь ли, не очень — небритое и всклокоченное.

Татьяна рассмеялась.

— Оль, с тобой ну совсем невозможно серьезно разговаривать.

— Ну почему же невозможно? Очень даже возможно. Расскажи мне, например, с чего это ты вдруг глазами Кирилла заинтересовалась, и я вполне серьезно тебя выслушаю.

Ольга сделала серьезный вид и вся обратилась в слух.

— Вообще-то, нас парни ждут, — напомнила девушка.

— Ничего, подождут, им это полезно. Рассказывай.

Попробуй тут открутись! Насядет ведь и не слезет, пока все ей не выложишь. "И что это все в последнее время из меня вытянуть что-то пытаются? Змею про сон расскажи, Ольге — про Змея... Прямо хоть действительно бери и размножай дневник и каждому копию выдай. Или вообще, завести открытый блог в Интернете и ссылочку дать всем знакомым, чтобы секретов не было".

— Мне кажется, что Кирилл — очень странный парень, — начала Татьяна. — Есть в нем что-то... даже не знаю, как и сказать...

— Он тебе нравится? — напрямую спросила Ольга.

— Что? — запнувшись на полуслове, поглядела на подругу девушка.

— Он тебе нравится?

— Ну и вопросыки у тебя!

— Самый обычный вопрос. Не думаю, что можно ТАК писать о парне, который тебе абсолютно безразличен.

— Нет, ну конечно, он мне не безразличен, но это вовсе не значит, что он мне нравится. Просто он... не похож на остальных.

— А по мне — парень как парень. Один из многих.

— Возможно, это потому, что ты не видела его моими глазами.

— Знаешь что, подруга. Если бы ты взглянула на Котика моими глазами, он тоже показался бы тебе очень даже необыкновенным.

— Оль, на что ты намекаешь? — возмутилась Татьяна. — Я же его совсем не знаю.

— А ты, что же, не веришь в любовь с первого взгляда?

— Не верю!

— Правильно, — согласилась Ольга. — Я тоже. Но ты же знаешь: любовь — это химия. Вдруг у вас там феромоны совпали или еще что-нибудь эдакое. Нет, ну это ж надо было так написать: "Его глаза подобны озерам..." Я в nirване!

Больше всего на свете девушке хотелось запустить в подругу чем-нибудь потяжелее, но ту спас телефонный звонок.

Татьяна подняла трубку.

— Алло? Да, Жень, уже идем. Да-да, практически летим. Ага, на крыльях любви и счастья. Все, ждите. Ага, давай.

— Что, нас уже потеряли? — любопытствовала Ольга.

— Да. Так что руки в ноги — и побежали.

Побежали, естественно, к Женьке — во-первых, в большинстве случаев все встречались именно у него (его квартира была как бы перевалочным пунктом), а во-вторых, от его дома до моря было рукой подать.

День выдался чудесный: чистое небо, ласковое солнце, теплая вода и горячий песок. Татьяна лежала на животе и млела от осторожных прикосновений рук Женьки, втирающих ей в кожу крем для загара.

— Спасибо, — промурлыкала она, когда он закончил.

— Всегда пожалуйста, — вскочил на ноги тот. — Пойду я, пожалуй, искупаюсь.

Парень разбежался и с громким криком врезался в водную гладь.

— Разгорячился, бедненький, — прокомментировала Ольга, присаживаясь рядом с подругой. — Остывать побежал. Сразила ты его таки наповал своим символическим бикини, сразила... Смотри, Ларина, изведешь парня, что мы потом без него делать-то будем?

— Ай, отстань, зануда! Никого я изводить не собираюсь. Он ведь мой друг, а не мой парень, так чего ж ему изводиться-то?

— Понятно-понятно, вы просто друзья. А я-то почему зануда? — оскорбилась подруга.

— Потому что. То ты меня убеждаешь, что Женька в меня влюблен, то уверена, что я сама влюблена в Кирилла. Ты уже на чем-то одном остановись.

— Я вовсе не говорила, что ты влюблена в Кирилла, я просто имела в виду, что ты явно к нему равнодушна. Если уж он смог пробудить в тебе такие поэтические чувства... Котя, — поймала она за руку проходящего мимо Вовку, — я тебе когда-нибудь говорила, что твои глаза подобны озерам?

— В смысле, такие же большие и круглые?

— Дурень, в смысле, такие же глубокие, — расхохоталась Ольга.

— Тьфу на вас! Что б вы понимали в высокой поэзии!

Татьяна перевернулась на спину и надвинула на лицо бейсболку, отгородившись тем самым от внешнего мира.

Что толку слушать подругу? Она нафантазирует. Ее хлебом не корми — дай чего-нибудь придумать. Да к тому же она обожает сводить людей. Но в случае с Татьяной и Женькой она явно промахнулась.

Они с Женькой всегда были просто хорошими друзьями. После того как Татьяна поняла, что у них ничего не выходит и, по всей видимости, не выйдет, они решили ограничиться дружбой, не пересекая черту серьезных отношений. Это у них получилось достаточно легко, потому что их

чувства так и не успели перерасти во что-то большее, чем обычная привязанность. Лишь однажды они попытались выйти за рамки своей дружбы, только один раз...

Это было на прошлый Новый год. После семейного ужина, часа в два ночи, Татьяна пошла к Женьке, зная, что у него, как обычно, соберется молодежь, чтобы "культурно" отметить праздник. Веселье продолжалось три дня, причем днем все, как правило, отсыпались, а вечером оживали и снова начинали гулеванить.

Вот в один из таких вечеров это и произошло. В какой-то момент Женя и Татьяна остались одни — компания ушла за припасами. Девушке идти со всеми было лень, а парень остался "ее развлекать", как он выразился. Он начал рассказывать ей какую-то смешную историю, и взгляд Татьяны неожиданно сфокусировался на его губах — крупных, чувственных, красиво очерченных. И у девушки мелькнула шальная мысль: а почему бы не попробовать их вкус? Поддавшись импульсу, она слегка качнулась ему навстречу и коснулась губами его губ. Мимолетный такой, легкий поцелуй. Ошарашенный Женька замолчал, немного отстранился, заглянул Татьяне в глаза — и вдруг ответил ей с такой страстью, которой она в нем даже и не подозревала. Его губы были твердыми, но нежными, настойчивыми, но ласковыми.

Они целовались долго и страстно, позабыв обо всем. Внезапно девушка осознала, что она лежит на диване, а Женька нетерпеливыми пальцами расстегивает ей блузку, и это ее отрезвило. Она уперлась руками в его грудь, и парень недоуменно отстранился.

— Что такое? Что случилось, солнышко?

— Не надо, — тихо прошептала Татьяна.

— Но почему? — взмолился Женька и снова потянулся к ней. Девушка ощущала, как бьется под ее рукой его сердце, но она была непреклонна.

— Не надо, — повторила она. — Мы потом об этом пожалеем.

Мгновение парень смотрел на нее затуманенными страстью глазами, потом кивнул и встал.

— Извини, — пробормотал он хриплым голосом.

— Это ты меня извини. Не знаю, что на меня нашло. Давай забудем об этом, хорошо?

Женька снова кивнул, залпом выпил бокал шампанского и вышел из комнаты. К тому моменту, как вернулась шумная компания, оба уже успели прийти в себя, и никто ничего так и не заметил. Даже всегда проницательная Ольга.

В их отношениях эта мимолетная слабость ничего не изменила — по крайней мере, так думала Татьяна. Как считал Женька, она не знала, потому что он если и вспоминал о том вечере, то только для того, чтобы ее поддразнить. Казалось, ему нравилось смотреть, как девушка каждый раз заливается краской, стоит ему упомянуть о том злополучном празднике.

Татьяна никогда не жалела о том, что остановила парня. Что бы у них получилось, еще неизвестно, а вот друга бы она потеряла. Когда переходишь черту, вернуться обратно практически невозможно. Говорят же, что дружба — это бескрылая любовь. На такую любовь девушка была согласна. Но — не больше.

"А как же День молодежи? — прозвучал в голове Татьяны голос, очень похожий на голос Ольги. — Ведь если бы не Кирилл, кто знает, чем бы это закончилось".

Однако девушка не успела додумать эту мысль до конца, как вдруг поток ледяной воды, обрушившийся на ее разгоряченное солнцем тело, заставил ее громко завизжать и вскочить на ноги.

— Ты что делаешь, дурак! — накинулась она на хохочущего Женьку.

— Говорят, на мокрое тело загар лучше прилипает. Ну, я и решил тебе помочь.

— Вот щас как дам по лбу! Помощничек...

Смеющийся парень тряхнул мокрыми волосами, обдав девушку холодными брызгами. В ответ Татьяна метнула в него бейсболку, которую тот, поймав, незамедлительно надел себе на голову.

— Благодарю.

Он развалился на полотенце, блаженно прищурил глаза.

— Хорошо, — выдохнул он.

Девушка села рядом с ним, обняв свои колени.

— Жень, — позвала она.

— М-м?

— Как ты думаешь, могло бы у нас с тобой что-нибудь получиться? Ну, могли ли бы мы с тобой быть вместе? Так, чисто теоретически?

— Нет, — не задумываясь, ответил тот.

— Это почему же? — слегка обидевшись, спросила Татьяна.

— Понимаешь... уж больно человек ты несерьезный. Все тебе хиханьки да хаханьки. Повзрослеть уж давно пора, о душе подумать, а ты все дурачишься, как дите малое. Никакой серьезности. Какие уж тут могут быть отношения?

Ошарашенная, девушка не нашлась, что сказать. Искоса посмотрев на ее возмущенное лицо, Женька не выдержал и загоготал.

— Видела бы ты сейчас свое выражение лица, — задыхаясь, еле выговорил он. — Как будто тебя из-за угла пыльным мешком стукнули!

Рука Татьяны нащупала бутылку лимонада, стоящую рядом, и девушка опрокинула ее над лицом ржущего парня.

— Ой, — захлебнулся тот. — Ты почто продукт зазря переводишь? Лей лучше сюда.

И он широко раскрыл рот. Девушка оглянулась, схватила полотенце поменьше, затолкала его Женьке в указанное место и побежала к воде.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Возвращались с пляжа шумные, довольные, загорелые. Женька нес на плече бумбокс, из

колонок которого по всему микрорайону разносилась оглушительная музыка.

Компания уже подходила к дому, когда магнитофон вдруг, захлебнувшись, умолк, и в наступившей тишине особенно громко прозвучал вскрик Ксюхи:

— Змея! Змея!!!

Девушки дико завизжали, прячась за спины парней.

— Откуда здесь может взяться змея? — спросил не потерявший самообладания Котик.

— Да вот же она!

Ксюха указала дрожащей рукой в густую траву около детской площадки. Вовка двинулся было туда, но Ольга схватила его за руку.

— Котя, не ходи. Мало ли что там.

— Не бойся, дурочка. У нас же змеи не водятся. Я, по крайней мере, о таком не слышал.

— Ну, кто его знает. Вдруг кто-нибудь завел себе змею, а потом выкинул.

— Или она сбежала. В смысле, уползла, — поддержала ее Ленка.

— Глупости, — заявил Мишка.

Он решительно пошел в указанном Ксюхой направлении. Через пару секунд из травы донесся его голос.

— Вот она, ваша змея. Ловите!

В воздухе промелькнуло гибкое чешуйчатое тело, и девушки с визгом бросились врассыпную. Парни же, напротив, собрались около находки.

Женька поднял ее, и змея зашевелилась в его руках.

— Женька, а ну брось ее! — крикнула ему Ольга. — А вдруг она ядовитая!

— Я так не думаю.

Он погладил змею (так, во всяком случае, показалось девушкам, стоящим в отдалении), и та послушно обвилась вокруг его руки, превратившись в самый обыкновенный браслет.

— Впервые вижу девушек, которые боятся украшений, — смеясь, сказал парень. — Обычно вы их обожаете.

Татьяна первая подошла к другу, чтобы рассмотреть находку.

— Это же браслет Кирилла, — узнала змейку она.

— Или как у Кирилла, — поправил ее Женька. — Не думаешь же ты, что его браслет уникален?

— Все равно, надо у него спросить. Вдруг это он потерял.

— Спросим. Обязательно спросим. Как только увидим. Ну все, пойдемте.

Женька снял браслет и сунул его в карман.

Но на этом потрясения не закончились. Едва друзья вышли из лифта, подтрунивая над сконфуженной Ксюхой, снова раздался вскрик, правда, уже не такой громкий. На этот раз издала его Ленка.

— Ну что на этот раз?

Потерявший терпение Женька протиснулся между остолбеневшими друзьями и сам замер от неожиданности. Прямо возле лифта сидел на своей инвалидной коляске Кирилл и широко раскрытыми глазами смотрел на него.

— Ф-фу, Кирюха! Ты опять нас напугал! Ты чего здесь сидишь?

Змей безмолвно продолжал таращиться на него. Женька невольно отошел в сторону, и оказалось, что Кирилл смотрит вовсе не на него, а в ту точку, где только что стоял парень.

— Эй, Кирюха! Ты чего?

Ноль реакции.

Женька, с трудом преодолев непонятное отвращение, приблизился к соседу и потряс его за плечо. Оно было твердым, как камень. Змей продолжал все так же смотреть вдаль. Он сидел в кресле очень прямо, его руки спокойно лежали на подлокотниках.

— Кирюха, кончай придуриваться, — чувствуя, как в сердце вползает страх, почти прошептал парень.

— Слушай, а он живой вообще? — подала голос Ксюха.

— Наверное, живой, — неуверенно сказал Мишка. — Видишь, глаза открыты.

— Ну и что, что открыты. А почему тогда не моргает?

Котик помахал рукой перед незряче глядящими в одну точку глазами Кирилла, потом щелкнул пальцами.

— Не реагирует. Полный коматоз.

— Надо, наверное, ему пульс пощупать.

— Ну вот возьми и пощупай.

— А почему сразу я?

— Ну ты предложила, ты и щупай.

— Я боюсь. А вдруг он мертвый?

— Давайте я, — вызвалась Татьяна.

С внутренней дрожью она взяла руку Кирилла. Она была ледяной.

— Пульс вроде есть, — сообщила она. — Только очень слабый.

— Значит, живой, — с облегчением сказала Ксюха.

— Логично. Но что с ним?

— А фиг его знает. Может, ширнулся и теперь в нирване.

Татьяна осмотрела его руку, потом другую.

— Следов нет.

— Да эти наркоманы сейчас такие прошаренные стали, что колются в такие места, что и следов не видно.

— Это ж куда например?

— Ну, под коленку там или еще куда.

— Он же инвалид, как он может под коленку себе укол поставить?

Пока друзья совещались, подошел отлучавшийся Женька.

— Дома у него никого нет.

— И что теперь с ним делать?

— "Скорую" надо вызывать, — сказала Татьяна, с тревогой заметившая, как золотистые глаза Кирилла подернулись мутной пленкой.

— Так, закатывайте его ко мне, — распорядился Женька, открывая дверь. — Я вызову врачей.

Змея закатили в квартиру, перенесли на диван. За все это время он так и не пошевелился.

— Может, как-нибудь глаза ему прикрыть, — почему-то шепотом сказала Ленка. — А то жутко как-то.

— Он тебе не мертвец, глаза ему закрывать.

— Смотрите, — заметила Ксюха, — браслета-то на нем нет. Наверное, это все-таки он его потерял.

— Вовсе и необязательно, — возразил Мишка. — Может, он свой дома оставил.

— Нет, — вмешалась Татьяна. — Он всегда носит свой браслет.

— А ты откуда знаешь? — спросила Ольга.

— Ну... знаю и все, — смутилась девушка.

Подруга подозрительно посмотрела на нее, но ничего не сказала.

— Значит, это все-таки его пропажа.

— В таком состоянии и коляску можно потерять и не заметить.

Татьяна подошла к столику, на который Женька машинально выложил браслет вместе с

сигаретами и ключами, и подняла змейку. Она неприятно холодила руку. "Хочешь вернуться к хозяину? — мысленно спросила девушка, обращаясь к безделушке. — Конечно, хочешь. Сейчас я верну тебя на место".

Она села рядом с бесчувственным Кириллом на диван и осторожно обвила его левую руку браслетом.

— Зачем? — удивился Котик. — Ему сейчас этот браслет нужен, как собаке пятая лапа.

— Он как-то сказал мне, — задумчиво произнесла Татьяна, — что без него он чувствует себя раздетым. Не хочу, чтобы вы на него голого пялились.

— Нашла мне тоже время шутить, — фыркнула Ольга.

Девушка промолчала. Она не стала объяснять подруге, что вовсе не шутит. Вид отсутствующего, словно вдавшего в спячку Кирилла глубоко потряс ее, и она хотела хоть как-то уменьшить это потрясение. Вид змейки на ее привычном месте слегка успокоил Татьяну. Если бы еще у него были закрыты глаза, то можно было бы подумать, что Змей крепко спит. "И тогда я снова свернулась бы в его объятиях и уснула рядом с ним. А утром он бы открыл глаза и окутал меня своим золотистым сиянием". Мысль эта пришла откуда-то извне и совсем не показалась Татьяне странной. Напротив — она скорее всего так бы и сделала, если бы не друзья, сгрудившиеся вокруг бессознательного Кирилла.

В комнату вошел Женька.

— "Скорая" уже едет. Его родителям я оставил записку, чтобы они его не потеряли.

В прихожей вдруг оглушительно взревел всеми забытый бумбокс.

— А, чтоб тебя! — выругался парень и метнулся к нему.

Татьяне показалось, или действительно при звуке музыки глаза Змея слегка дрогнули? Девушка наклонилась над ним и всмотрелась в его лицо. Все оставалось без изменений. Значит, показалось.

Подавленные друзья один за другим стали прощаться и расходиться по домам, пока в квартире не остались только хозяин, Татьяна и Ольга с Котиком.

— Крысы бегут с тонущего корабля, — прокомментировала Ольга.

— Их можно понять, — возразил Женька. — Помочь они ничем не могут, а веселиться после такого им как-то не с руки.

— Тоже верно, — согласилась девушка. После минутной паузы она спросила: — И все-таки, что с ним?

Вопрос повис в воздухе. Наконец Татьяна встала и направилась на кухню.

— Пойду покурю. Что-то мне не по себе.

— Я с тобой, — бросилась за ней Ольга.

— А я без Олечки никуда, — пробасил Вовка.

— А я вам компанию составлю, — тут же сказал Женька.

— А как же Кирилл?

— Что с ним делается? Лежит — и пускай себе лежит.

Никто не хотел сознаться в том, что им просто страшновато оставаться рядом с неподвижным Змеем. Никто не хотел больше смотреть в его мертвые застывшие глаза.

Через несколько минут приехали врачи, и Женька проводил их к пациенту. Остальные так и остались на кухне, нервно дымя и почему-то стараясь не смотреть друг другу в глаза. Когда вернулся Евгений, они тут же устремили на него вопрошающие взгляды.

— Мне придется поехать с ним, — объявил парень. — Ну там, ответить на вопросы, узнать, что, где и почему и все такое. Вы оставайтесь здесь и ждите меня. Если вернутся его родители, позвоните мне на сотовый. Ну все, я поехал.

— Подожди! — воскликнула Татьяна. — Что говорят врачи? Что с ним?

— Насколько я понял, они сами в недоумении. Говорят, что он впал в состояние то ли кататонии, то ли каталепсии — я все время путаю. В общем, он в коме. По каким причинам — неизвестно. Сейчас его повезут на обследование и все узнают.

— В коме? Ни фиги себя, — сказал Вовка. — Ладно, мы будем здесь.

— Будем ждать, — согласилась Ольга.

— А что еще нам остается делать? — еле слышно пробормотала Татьяна.

— Ну все, давайте.

Друзья наблюдали в окно за тем, как Кирилла на носилках грузили в машину. Следом за ним туда залез Женька, и "скорая" уехала.

Время тянулось невыносимо медленно. Друзья почти не разговаривали, бесцельно слоняясь по квартире. Татьяна попробовала было почитать, но, обнаружив, что уже десять минут не может прочитать одну-единственную страницу, бросила это бесполезное занятие. Мысли ее постоянно возвращались к Кириллу. Смешно. Раньше она не могла думать о нем без содрогания, а теперь беспокоится о нем как о родном. Девушка даже знала, когда именно она стала относиться к нему без неприязни. Нет, не тогда, когда она проснулась в его объятиях, и не тогда, когда он вынудил ее рассказать о своем сне. Все изменилось в тот чудесный миг, когда сияние, исходящее из его глаз, очистило ее, избавило от кошмаров и успокоило. С того дня Татьяна почувствовала умиротворение... и еще — необычайно сильное желание снова окунуться в глубину его глаз. Глаз, подобных озерам...

Звонок в дверь вырвал ее из воспоминаний, заставив подпрыгнуть от неожиданности. Девушка почти бегом отправилась в прихожую.

В дверях стояли женщина с измученным лицом и озабоченно хмуривший брови мужчина, и Татьяна сразу поняла, что перед ней родители Кирилла.

— Здравствуйте, — поздоровалась она.

— Что с нашим сыном? — без всяких предисловий спросила женщина, нервно комкая в руке

Женькину записку. — Где он?

— Успокойтесь, пожалуйста. Проходите. Я вам сейчас все объясню.

А что она им, собственно, объяснит? — промелькнуло в голове девушки. Вы не беспокойтесь, ваш сын в коме?

Наконец, родители Змея вошли, и Ольга, Татьяна и Вовка общими усилиями смогли рассказать им, как они нашли Кирилла, как вызвали врачей и отправили его в больницу.

Мужчина и женщина растерянно переглянулись. В глазах матери Кирилла блеснули слезы, она прижала руку ко рту.

— Ты думаешь... ты думаешь — началось? — еле слышно произнесла она, обращаясь к мужу.

— Нет-нет-нет, — отрицательно замотал головой тот. — Я уверен, что все это из-за того, что...

Тут он заметил, что друзья с жадным любопытством впитывают его слова, и осекся.

— Я думаю, что это просто рецидив и все будет хорошо, — закончил он неловко.

— Пожалуйста, расскажите нам, что происходит, — попросила Татьяна. — Мы тоже переживаем за Кирилла. Что с ним? Вы знаете?

— Это... это трудно объяснить, — начала женщина, все так же комкая остатки записки. — Кирюша в детстве очень сильно... болел... Из-за этой болезни он и лишился подвижности. И теперь с ним иногда случаются рецидивы.

— Это опасно? — спросила девушка.

— Я уверен, что с ним все будет в порядке, — вмешался отец Кирилла. Татьяна подумала, что эти слова он произносит достаточно часто, повторяя их, как заклинание.

Внезапно зазвонил телефон. Вовка взял трубку и через пару минут, за которые его практически успели съесть глазами, сказал:

— Это Женька. Кирилл очнулся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— ...А потом позвонил Женька и сказал, что с Кириллом все в порядке, что он очнулся, но еще очень слаб. Его родители тут же уехали в больницу, так нам ничего, по сути, не объяснив, — рассказывала Татьяна на следующее утро матери, чистя вместе с ней на кухне картошку. — У меня создалось впечатление, что они что-то от нас скрывают.

— Даже если это и так, их вполне можно понять, — сказала женщина, бросая в кастрюлю очищенную картофелину и вытирая лоб. — Они ведь вас совсем не знают, так с какой стати им делиться с вами своим несчастьем?

— Ну так-то оно так, — согласилась девушка, — но все-таки интересно, что же с ним произошло? В смысле, что это за болезнь такая, из-за которой человек в кому впадает? Если бы ты его только видела — мурашки по коже. Живой труп, да и только.

— Если тебя это так интересует, съезди к нему в больницу и выясни все у него.

— Думаешь, Кирилл будет со мной откровеннее, чем его родители? Что-то я очень сомневаюсь.

— Что ж, в любом случае, ты этого не узнаешь, пока не попытаешься.

Татьяна положила нож, подняла кастрюлю и поставила ее на плиту. Потом повернулась к матери.

— Я думала об этом, но мне кажется это не очень удобным. Мы ведь с ним так мало знакомы. У меня нет оснований считать его своим другом.

— А разве в больницу ходят только к друзьям? — мягко спросила ее женщина. — Думаю, он будет рад тебя видеть. Когда человек болен, любое проявление сочувствия для него как бальзам на душу.

— А если ему плохо? Если он так плохо себя чувствует, что не хочет никого видеть?

— Тогда ему будет просто приятно узнать, что ты приходила его проведать.

Татьяна в задумчивости прошлась по кухне и выглянула в окно. На улице всюду светило веселое солнышко, во дворе, несмотря на сравнительно ранний час, гуляли дети, подростки и молодежь. Все-таки мама права: как, должно быть, тоскливо находиться в больнице в такой чудесный летний день. Но будет ли рад ей Кирилл? Татьяна с трудом могла представить его себе радующимся. Скорее всего он холодно кивнет ей и вопросительно приподнимет брови — чего, мол, приперлась? "Ну и пусть! — с внезапной решимостью подумала девушка. — Все равно, никто не должен проводить в полном одиночестве такой прекрасный день!" Она была почему-то абсолютно уверена, что, кроме родителей, никто не догадается навестить нелюдимого и угрюмого Змея.

— Наверное, я так и сделаю, — отвернувшись от окна, сказала Татьяна. — Сейчас позвоню Женьке и узнаю, где лежит Кирилл.

— А я положу тебе с собой фруктов. С пустыми руками в больницу обычно не ходят.

— Мамочка, ты — чудо! — воскликнула девушка и убежала к телефону.

Как она и предполагала, Женька был удивлен ее странным решением проведать Кирилла.

— Ларина, ты чего, решила заняться благотворительностью? — осведомился он. — Тогда помоги одному страждущему, принеси ему чего-нибудь освежающего, а то на улицу выходить в ломы.

— Жень, я серьезно.

— А если серьезно, зачем тебе это надо? Ты же его совсем не знаешь. Мы все и так в курсе, что ты у нас ангел во плоти, так что тебе не стоит это доказывать.

— Да не собираюсь я никому ничего доказывать. Просто... понимаешь, Жень, на улице так хорошо, так здорово, а он там совсем один, в больнице...

— Понятно. Женская жалостливость, — прокомментировал парень. — Эх, Танюха, Танюха! Тебе бы щенков беспризорных домой приносить, а ты к малознакомым парням, можно сказать, в гости напрашиваешься... Хочешь, я с тобой схожу? Ну, за компанию?

— Вот как раз из-за своей женской жалостливости мне придется отказаться от твоей

благородной жертвы.

— В смысле?

— Насколько я понимаю, ты — тот самый страждущий, которому даже за освежающим в ломы на улицу выйти. Так что сиди дома... мученик.

Женька вздохнул, но спорить не стал. На самом деле, у Татьяны имелись другие причины не брать друга с собой. Ей нужно было побыть с Кириллом наедине, попытаться понять причину своей внезапной привязанности к этому странному парню, угадать, что таится в глубине его чудесных глаз... Женька при этом явно лишний.

У Кирилла оказалась весьма романтическая фамилия — Любимов. В окошке справок девушку уведомили, что субъект с такой фамилией в данное время в палате отсутствует, следовательно, искать его нужно где-то в больничном парке. Чем Татьяна и занялась.

Обнаружить Змея ей удалось спустя десять минут блужданий по парку. Парень сидел в беседке, подальше от остальных больных. Его вид потряс Татьяну. Кирилл выглядел так, словно перенес тяжелую болезнь: он осунулся, скулы заострились, лицо было бледным и усталым, под глазами темнели круги. Змейка на этот раз обвивала его шею, переплетая хвост и голову между собой. Такое своеобразное змеиное кольцо.

Справившись со своим потрясением, девушка деланно веселым тоном произнесла:

— Привет, Кирилл!

— Татьяна?! Что ты здесь делаешь? — в голосе Змея звучало неприкрытое удивление.

— Ну, я пришла тебя навестить.

На несколько мгновений воцарилась тишина. Татьяна лучезарно улыбалась изумленному парню, глаза которого округлялись все больше и больше.

— Ну... э-э... я рад, — наконец, выдал из себя тот. — Вообще-то, честно говоря, я не совсем уверен, что следует говорить в таких случаях.

— Для начала можешь предложить мне сесть.

— Да-да... конечно... присаживайся, пожалуйста.

Змей торопливо подвинулся. "Что ж, — подумала девушка, — не знаю, что это за болезнь, но она явно благотворно подействовала на его характер... И манеры".

— Ну, рассказывай, — решительно сказала она.

— О чем?

— Как ты себя чувствуешь, что говорят врачи? Знаешь, ты так нас напугал вчера!

— Чувствую себя хорошо. Врачи ничего не говорят. Впрочем, этого и следовало ожидать.

— Почему?

— Да потому, что они не знают, что со мной. Никто не знает.

И тут Змея словно прорвало. Он как будто торопился высказать все то, что накопело на душе.

— Это ведь происходит не в первый раз. И всегда одно и то же. Я нахожусь дома, или на улице, или где-то еще — а в следующее мгновение очухиваюсь в больничной палате с таким ощущением, словно меня переехал каток. И я абсолютно ничего не помню. А врачи смотрят на меня так, будто я их обманываю, будто я симулянт. Потому что все мои показатели, все мои анализы в норме, да что там в норме — как у космонавта! И нет никаких причин для болезни. Значит — вру! Значит — здоров!

Кирилл замолчал и отвернулся.

— Твои родители сказали, что это рецидивы той давней болезни, которую ты перенес в детстве, — мягко сказала Татьяна.

— Болезни, из-за которой я не могу ходить? — горько усмехнулся Змей. Девушка кивнула. — А они случайно не сказали, что это за болезнь? Я же говорю — врачи ничего не знают. И никто не знает. Просто однажды что-то случилось — и мои ноги отказались мне служить. Меня обследовали сотни раз, но факт остается фактом: я абсолютно здоров, мне не ходить, мне бегать надо! А я не хожу и не бегаю. Хотя и очень хочется...

— Разве так бывает?

— Как видишь — бывает. Признаюсь тебе как на духу — я не симулянт. Да и на кой мне изображать из себя калеку?! Это же глупо!

— Прости. Это был действительно глупый вопрос.

— И ты прости, — немного успокоившись, сказал Кирилл. — За то, что выплеснул на тебя все это. Я не привык к посетителям.

— К тебе никто никогда не приходит?

— Только родители. А больше и приходиться-то, в принципе, некому. Поэтому я был удивлен, увидев тебя. Даже скажу больше: приятно удивлен.

Голос Змея стал ласкающим, бархатистым.

— Да ладно, — смутилась Татьяна. — Не такой уж это и подвиг — навестить друга в больнице.

— Друга?

Парень вдруг потянулся и взял ее за руку. Девушка подняла голову, и яркий солнечный день стал еще ярче, наполнившись золотом глаз Кирилла. Татьяна с радостью окунулась в это золото, зажмурив глаза и невольно выгнувшись всем телом навстречу Змею. Она нисколько не удивилась, почувствовав прикосновение его горячих губ к своим губам. Не раздумывая ни секунды, девушка обвила руками его шею, прижавшись к его груди. Они целовались долго — час? три? день? — прежде чем Татьяна оторвалась от Кирилла, заглянув в его глаза.

— А сейчас все это по-настоящему? — спросила она тихо.

— Еще как! — хрипло пробормотал он и вновь приник к ее губам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Расстались они только под вечер, расстались неохотно, пообещав друг другу непременно встретиться вновь. Татьяна вернулась домой счастливая, с блестящими глазами и припухшими губами. Она чувствовала такой подъем, что казалось — еще чуть-чуть, и она взлетит. Весь вечер она вспоминала подробности этой незабываемой встречи, и удивленно-радостная улыбка блуждала на ее губах.

Каждый день девушка навещала Змея, а когда его выписали, так и не узнав причины его странного состояния, они и вовсе стали неразлучны. И хотя парень снова стал таким же, как прежде, — хмурым и неразговорчивым, — Татьяну это не смущало, ведь стоило им только встретиться глазами, как они забывали обо всем на свете. И пусть он не говорил ей нежных слов и не творил всяких романтических глупостей, это было неважно. Удивительного света его глаз с лихвой хватало, чтобы девушка чувствовала себя счастливой.

— Все-таки, честно говоря, я тебя не понимаю, — как-то раз сказала ей Ольга. — И что ты нашла в своем Змее? То шарахалась от него, как от чумы, а то вдруг любовь такая неземная расцвела.

— А что ты нашла в своем Котике? — ответила вопросом на вопрос Татьяна.

— Ну, многое.

— Например?

— Например — он красивый.

— Да и мой Кирилл — не урод. Ты же сама говорила, что он симпатичный.

— Котя — ласковый.

— И Кирилл не хуже.

— Котя мне подарки дарит разные, цветы, например.

— А мой Кирилл дарит мне нечто большее.

— И что же это?

— Тебе не понять.

И девушка со смехом убежала к Змею, хмуро наблюдающему за их разговором. Ольга только покачала головой, удивляясь странному выбору подруги.

Дело это происходило на одной из Женькиных вечеринок. Такие мероприятия у него происходили частенько: приходили друзья, потом появлялось спиртное, и начиналось веселье. Общительный и приятный во всех отношениях Женька просто магнитом притягивал к себе людей, поэтому он никогда не бывал в одиночестве. Его квартира всегда была центром, здесь всегда была куча народу, музыки и веселья.

Когда Татьяна впервые пришла к Женьке в сопровождении Кирилла, первый попытался намекнуть ей, что ему не совсем приятно присутствие его соседа; но после того, как девушка ясно дала ему понять, что либо она останется здесь вместе со Змеем, либо вместе с ним уйдет, Евгению пришлось смириться. Терять подругу он не хотел. С тех пор на подобных вечеринках Кирилл неизменно восседал на своем излюбленном кресле. Вместе с Татьяной, разумеется.

К задумавшейся после описанного выше разговора Ольге подошел Женька.

— Тяжкие думы покоя не дают? — жизнерадостно осведомился он.

— Не дают, — согласилась та. — Пытаюсь понять, чем это твой сосед подругу нашу околдовал. Девку-то не узнать, совсем другая стала.

— Само собой. Люди, знаешь ли, в счастье меняются. А она явно счастлива.

— Так-то оно так, — в раздумье протянула девушка, — да только уж странно все это.

— Любовь — вообще странная штука.

— А кто тут говорит про любовь? Это больше похоже на наваждение. Любовь — это когда романтика, прогулки при луне, ужин при свечах, глупые записочки и тому подобная дребедень.

— Ну, то, что ты описала, — это скорее влюбленность, чем любовь. Причем детская.

— Да без разницы. В любом случае, это практически неперемненные атрибуты любых романтических отношений. А что эти двое? Либо сидят и в глаза друг другу смотрят, либо целуются. И все. Разве ж это любовь?

— Думаю, все-таки у каждого это происходит по-своему. И почему ты так беспокоишься? Радоваться надо за подругу.

— Да я радуюсь, радуюсь. Разве по мне не видно? Только не знаю, чему я радуюсь. Не нравится мне все это. Чует мое сердце — добром это не кончится. А ты? Ты радуешься?

— А я всегда радуюсь, — улыбнулся Женька. — Ладно, хватит уже чужие косточки перемывать. Пойдем, потанцуем.

В этот момент раздался звонок в дверь. Женька пошел открывать и вскоре вернулся с потрясающей длинноногой брюнеткой.

— Друзья мои, позвольте вам представить мою подругу, — объявил он. — Это Анечка, мой ангел-хранитель. Прошу любить и жаловать.

У Ольги едва не отвисла челюсть, в прямом смысле слова. Ну Женька! Ну тихушник! Завел себе тайком девушку, а теперь спокойно так об этом заявляет.

"Кажется, мир сходит с ума, — подумала она. — Танюха со Змеем этим нелюдимым, а Женька, столько лет сходявший по ней с ума, нашел себе новую любовь. Не понимаю".

Аня оказалась девушкой спокойной и рассудительной, прекрасно дополняя взбалмошного и порывистого Евгения. Она сразу всем понравилась и без особых проблем влилась в их компанию, да так, словно всегда там и была. Она с каждым нашла общий язык, кроме, разве что, Татьяны со Змеем, да и то только потому, что те были слишком поглощены друг другом, чтобы обращать еще на кого-либо свое внимание.

Когда Татьяна вышла на кухню покурить (Кирилл не курил), Ольга подошла к ней и как бы невзначай поинтересовалась:

— Ну, как тебе новая Женькина подруга?

— Ничего, симпатичная девушка, — спокойно ответила та, выпуская дым.

— И это все, что ты можешь сказать?

— А что еще? Мне с ней детей не крестить. В любом случае, я рада за Женьку. Ему давно пора было с кем-нибудь познакомиться. Я уж боялась, что он так бобылем и помрет.

— Какое же у вас царит согласие, — иронично сказала Ольга. — Он рад за тебя, ты рада за него. Все довольны и счастливы.

— Все, кроме тебя? — проницательно взглянула на подругу Татьяна. — Мне кажется, что ты чем-то недовольна, вот только не могу понять — чем.

— Вот и я не могу, — пригорюнилась та. — Казалось бы, все хорошо, все прекрасно. Но что-то не так. Что-то неправильно. И это меня мучит.

— Не парься, подруга! Все действительно хорошо и прекрасно! Расслабься и веселись!

И девушка, затушив сигарету, снова умчалась. Само собой, к Кириллу.

— Вся эта идиллия вызывает у меня скуку, — сказала сама себе Ольга. — И дикое желание что-нибудь разбить.

— Когда чего-то очень хочется, не стоит себе в этом отказывать, — раздался голос за ее спиной. — Можно к тебе присоединиться?

На кухню вошла Аня. Взяла сигарету, подкурила.

— Оль, я хотела тебя спросить... Ты ведь давно знакома с Женей?

— Ну да. Уже почти пять лет.

— А с той девушкой, которая только что вышла отсюда? Забыла, как ее зовут.

— С Танюхой? С ней мы знакомы еще дольше. А что?

— Ну, как тебе сказать... Конечно, это не совсем мое дело... хотя, с какой-то стороны, и мое... В общем, скажи мне, пожалуйста, только честно — между Женей и этой Татьяной что-нибудь было? Или есть?

— С чего ты так решила? — удивилась Ольга.

— Я ведь вижу, как он на нее смотрит. Этого ничем не скрыть. Мне нужно знать, есть ли у меня... м-м...

— Соперница?

— Что-то в этом роде.

— Могу тебя успокоить — ничего между ними не было, нет и не будет. Ты видела парня, с которым сидит Татьяна? Боюсь, что это ее навязчивая идея. Она жить без него не может. А у Женьки теперь есть ты. Я же говорю — полная идиллия.

Ольга зло ткнула окурком в пепельницу, затем хлопнула по плечу озадаченную Аню и

направилась к выходу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В этот день Змей, как обычно, проводил Татьяну до дома, и они еще долго целовались на детской площадке, сидя на качелях, не в силах оторваться друг от друга.

— Ну что, до завтра? — наконец прошептала девушка.

— До завтра, — согласился Кирилл.

— У Женьки?

— У Женьки.

Любовь эгоистична. Они вовсе не задумывались о том, что хозяину квартиры, может быть, не нравится их общество, или о том, что это просто некрасиво по отношению к нему. Они знали одно — там им удобно (Змей почему-то никогда не приглашал Татьяну к себе, а девушка, в свою очередь, боялась, что у нее им помешают близнецы, вечно сующие свой нос в дела сестры), к тому же уже все как-то привыкли, что если кому-то бывает некуда податься, подавались к Женьке. Там весело и приятно.

Они снова поцеловались, и тут Татьяна, глядя в чудесные глаза своего возлюбленного, внезапно решила сказать то, что давно хотела.

— Кирилл... я... я...

Его глаза стали вдруг глубокими и ясными.

— Кирилл, я люблю тебя, — прошептала девушка пересохшим ртом.

Она ждала каких-то слов в ответ, но Змей молчал. Он сидел, уставившись на свои руки, и просто молчал, как будто не знал, что ей сказать. Девушка чувствовала себя ужасно глупо. "Ну и с чего ты решила, что он ответит тебе тем же? — спросила она себя. — То, что вы часто встречаетесь и целуетесь, еще ни о чем не говорит. И как теперь себя вести? Делать вид, что ничего не произошло? Или обратить все в шутку?" Ей было до боли обидно. Она предложила ему свое сердце, а он его отверг. Ну, или, по крайней мере, не оценил.

Кирилл посмотрел на нее, и вся обида тут же растаяла в лучах его взгляда. Татьяна почувствовала, что она может ничего больше не говорить, что парень очень рад ее признанию, но сейчас у него просто нет слов, чтобы выразить все, что он чувствует. Сам Змей так ничего ей и не сказал, но девушка поняла его и так. Каким образом — она сама не знала, просто поняла — и все. Они расстались без слов, которые были им, в общем-то, и не нужны.

Однако наутро Татьяна все же чувствовала себя расстроенной. Конечно, не впервые она произносила эти слова, были у нее и раньше парни, но сейчас девушка решила, что то, что происходит теперь с ней, — настоящее. Все, что было до Кирилла, — это не в счет, это были всего лишь мимолетные увлечения, свойственные молодости. Теперь же она чувствовала себя такой счастливой, такой окрыленной, что у нее не было сомнений — это настоящая любовь. Такая, о которой пишут в книгах, которая бывает раз в жизни, да и то не у каждого.

И вдруг выясняется, что эти ее чувства не вызвали никакого отклика у Кирилла. Пока девушка была с ним, все ей казалось правильным — и его молчание, причиной которого, как она

считала, было волнение, и его холодный, отстраненный вид, который казался ей всего лишь маской... Теперь же Татьяну снова захлестнула волна обиды. Ну мог же он хоть как-то отреагировать, показать, приятны ему ее слова или нет! Когда она решила ему открыться, она ожидала всего, любой реакции, но только не такой. Как будто она ему не в любви призналась, а всего лишь заметила, что на улице хорошая погода. Наверное, она вовсе ему безразлична. Наверное, он просто с ней забавляется. Наверное...

От горьких дум девушку отвлек телефонный звонок.

— Привет, старушка, — как всегда жизнерадостно воскликнул Женька. — Как твои делици?

— Да не так уж, чтобы совсем хорошо, — уныло отозвалась Татьяна.

— А что такое? С Кирюхой, что ли, поссорилась? — участливо спросил парень.

Девушку вдруг охватило непреодолимое желание открыться другу, рассказать ему о своих сомнениях, о своей обиде, но ей было неловко об этом говорить. Да и как о таком можно рассказать?

— Да нет, просто настроение сегодня какое-то не такое, — уклончиво ответила она. — А ты что с утра такой довольный?

— А почему бы и нет? Жизнь прекрасна, впрочем, как всегда.

— Да уж, ты-то никогда не унываешь. Я тебе даже завидую. Ты просто неисправимый оптимист. Как у тебя дела на личном фронте? Тоже все безоблачно?

— А то! Анютка просто прелесть!

Но в бодром голосе Женьке Татьяне почему-то почудились какие-то фальшивые нотки. "Да брось ты! — тут же одернула себя девушка. — Просто ты расстроена, и тебе кажется, что у всех такие же проблемы, как и у тебя. У Женьки все хорошо, это сразу видно. Счастливчик!"

— Ты сегодня почтишь нас своим присутствием? — спросил парень.

— Ну не знаю. А что, сегодня что-то намечается?

Конечно, они договорились вчера с Кириллом встретиться у Женьки, но после вчерашнего Татьяна не была уверена, что хочет его видеть. Все так... неопределенно...

— Ага! Сегодня намечается грандиозная пьянка-гулянка!

— По поводу?

— По поводу отличного летнего дня! А с каких это пор тебе понадобился повод?

Девушка улыбнулась. Все-таки Женька неисправим.

— У тебя здоровья-то хватит отметить все отличные летние дни? — поддразнила она его.

— Обижаешь, старушка! От жизни надо брать все, особенно пока ты молод и хорош собой.

— Смерть от скромности тебе не грозит, — засмеялась Татьяна. — Разве что только от пьянства.

— Да ладно тебе, разве ж это пьянство? Так, немного пивца, немного винца — ну, для поднятия...

— Настроения?

— Точно! В самое яблочко! Так ты придешь?

— Наверное...

Девушка до сих пор не решила, идти или нет. Ведь придется как-то объясняться с Кириллом... делать вид, что ничего вчера не произошло... А может, он туда и не придет... "А я вот возьму и пойду! Если он не придет, значит, ему действительно на меня наплевать, и я буду, по крайней мере, знать, как он на самом деле ко мне относится. А если придет, то объясняться придется ему, потому что сама я не произнесу ни слова, пока он будет молчать!" Решившись, Татьяна почувствовала себя лучше.

— Да приду, конечно. Как же я могу пропустить такое событие, — пошутила она.

— А твой кавалер? Он тоже придет, ну, то есть, приедет?

— А вот этого я не знаю. Хотя, думаю, что если его не будет, никто особенно не огорчится.

— Тань, вы точно не поссорились? — серьезно спросил Женька. — У вас все в порядке?

— Ох, не знаю, Жень, — честно ответила девушка. — Просто не знаю...

Парень понял, что что-то все-таки произошло и что Татьяна не хочет сейчас об этом говорить, и решил не давить на нее. Он только сказал:

— Солнышко, ты знаешь, что если что, я всегда тебя выслушаю и постараюсь помочь. Ты только дай знать — и я тут же прилечу.

От этих слов у нее слезы навернулись на глаза. Она быстро смахнула их рукой и с улыбкой сказала:

— Спасибо, падре, я это учту.

— Моя исповедальня к вашим услугам, мадам. Ну ладно, в общем, я тебя жду.

— Хорошо, пока.

Кирилла у Женьки не было. Конечно, они не договаривались на какое-то определенное время, но Татьяне все равно было немного неприятно. Впрочем, в веселой атмосфере, присущей Женькиной квартире, девушка скоро развеялась и перестала думать об этом. Ведь все равно ничего изменить она не в силах. Как говорится, будь что будет.

Когда Татьяна весело болтала на кухне с Ольгой, туда неожиданно въехал Кирилл.

— Таня, нам нужно поговорить, — безо всяких предисловий начал он. — Наедине.

Подруга понимающе кивнула и пробормотала:

— Я, пожалуй, пойду.

Она обогнула коляску Змея и поспешно ретировалась.

Татьяна, как зачарованная, уставилась на парня. Его лицо покраснелось, глаза возбужденно сверкали, зрачки были неестественно расширены.

— Кирилл, ты что, пьяный? — изумилась она.

— Да, но это неважно. Только так я смогу сказать то, что должен сказать.

"Выпил для храбрости? — подумала девушка. — На него это непохоже". Впрочем, что она знает о том, что на него похоже, а что — нет. Кажется, только сейчас она осознала, что, несмотря на их отношения, она практически ничего не знала о Кирилле.

— Вчера ты сказала мне, что ты... что ты любишь меня, и наверняка очень обиделась, что я ничего не сказал тебе в ответ. Но я не мог ничего сказать. Прежде чем я отвечу на твои слова, мне нужно кое о чем тебе рассказать. Вчера я этого сделать не мог, а теперь... теперь я тебе обо всем расскажу, и ты решишь, стоит ли нам продолжать наши с тобой отношения.

"Интригующее начало. Сейчас он мне скажет, что никогда меня не любил, что ему просто было со мной хорошо, и все такое прочее", — упав духом, решила Татьяна.

— А может, и не надо ничего говорить? — малодушно сказала она. — Может, просто оставим все как есть?

— Нет, я должен, — с нажимом сказал Змей. — Хоть раз в жизни я должен сказать правду.

Он помолчал, словно собираясь с духом.

— Понимаешь, вчера, когда ты мне говорила, что любишь, ты... ты скорее всего не знала, что говоришь. Подожди, не перебивай, дай мне договорить, — пресек он ее попытку возмутиться. — На самом деле все не так просто. Ты думаешь, что любишь меня, но любишь ли на самом деле — это не факт. Все дело в том, что я... как бы тебе объяснить... У меня есть такая способность... дар, что ли... В общем, я умею подчинять людей своей воле.

Татьяна в изумлении воззрилась на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Я что-то вроде гипнотизера. Я понимаю, что это звучит смешно, но так оно и есть. Помнишь, когда мы в первый раз встретились? Мне стыдно это говорить, но после того, как ты... м-м... уронила меня на пол, я был так зол на тебя, что внушил тебе, что ты будешь видеть кошмары. Так оно и случилось, ты ведь сама мне об этом рассказывала. А потом, на следующий день, я спроецировал тебе в мозг иллюзию того, что мы с тобой целуемся. Я хотел помучить тебя, понимаешь!

Змей нервно отбросил волосы со лба и продолжал:

— На Дне молодежи я понял, что ошибался в тебе, что ты совсем не такая, какой я тебя себе представлял. Если бы ты знала, как я жалею о том, что натворил! Я не думал, что тот сон, который я наслал на тебя, будет так ужасен, что ты будешь так страдать, я этого вовсе не хотел, поверь мне! И когда ты рассказала мне о нем, я попытался исправить положение, я хотел успокоить тебя. А потом, в больнице, я... я не знаю, что произошло. Я потерял голову. И понял, что хочу быть с тобой. Все было так здорово, так хорошо, как никогда в жизни не было!

Но я не умею выражать свои чувства словами или поступками, кажется, я вообще на это неспособен, поэтому я все время пытался внушить тебе ту же радость, какую я ощущаю, глядя на тебя. Поэтому вчера, когда ты сказала мне, что любишь меня, я подумал, что ты принимаешь желаемое за действительное, что я сам каким-то образом внушил тебе эту мысль, и понял, что не могу тебя больше обманывать. Я решил рассказать тебе все и спросить: теперь, зная все это, ты все еще думаешь, что любишь меня?

Татьяна потрясла головой; в ее мыслях царила полнейшая неразбериха. С одной стороны, этот рассказ прояснил многое из того, что она не понимала; но с другой — он был слишком фантастичен, чтобы в него поверить.

— Я ничего не понимаю, — призналась она. — Скажи, ты ведь просто шутишь, да?

Кирилл с грустью посмотрел на нее.

— Нет, любимая, я вовсе не шучу. К моему огромному сожалению.

— Но ведь так не бывает! Не бывает!

Вздыхнув, Змей сказал:

— Хорошо, я докажу тебе.

Он открыл дверь, ведущую в зал, увидел там Ольгу, сидящую за столом, и спросил:

— Скажи мне, что из еды твоя подруга не любит больше всего на свете, просто на дух не переносит?

— Не поняла. А Ольга-то тут при чем?

Девушка находилась в полной прострации.

— Доверься мне.

— Ну... она никогда не ест сыр... говорит, что при одном его виде или запахе ее просто тошнит... но я все-таки не понимаю...

— Смотри.

Кирилл посмотрел на ничего не подозревающую Ольгу, и Татьяна заметила, что его глаза сузились, а зрачки слегка вытянулись, и ее пробрала дрожь. Тем временем ее подруга застыла на месте, словно что-то вспомнив, а потом сказала:

— Жень, а у тебя есть сыр? Что-то я его не вижу.

— Здравствуй! Ты ж его не любишь! — удивился парень.

— Вчера не любила, а сегодня люблю. Ты же знаешь нас, девушек, мы такие непостоянные.

— Оль, а ты часом не беременна? — пошутил Котик.

— Типун тебе на язык, — сказала та, уплетая поданный ей с другого конца стола сыр. — И два на попу!

Татьяна не верила своим глазам.

— И что, — спросила она, — теперь Ольга будет без ума от сыра?

— Нет, мое внушение действует только в моем присутствии. Как только я уйду, она снова станет ненавидеть сыр. Может, даже больше прежнего.

— А как же сон? — тупо спросила девушка. — Тебя же не было рядом, когда я его видела.

— Со снами у меня получается лучше, — признал Змей и закрыл дверь.

Получается, что все, что он рассказал, — правда! Это все его рук, то есть, глаз, дело! Все, что она пережила, все те сомнения, боль, все то, что сводило ее с ума, — это все из-за него?!

— Значит, вот так ты издеваешься над людьми, — закипая, сказала Татьяна. — Заставляешь их мучиться, гадать, не тронулись ли они рассудком, обманываешь их! И тебе это нравится?!

— Прости, — чуть слышно сказал он, опустив глаза.

О, как она ненавидела теперь эти глаза! Она с радостью бы их выцарапала!

— Почему, ну почему ты не рассказал мне этого раньше?!

— Я не мог! — с болью в голосе выкрикнул парень. — Я не хотел потерять тебя! И я знал, что ты никогда не останешься со мной с таким, какой я есть — не умеющим чувствовать, разговаривать, веселиться! Я не виноват, что я такой! И мой дар — это был единственный способ заставить тебя остаться со мной!

— Вот именно — заставить! Ты, видимо, только это и умеешь — заставлять! Но тебе нужно понять одно — любить заставить невозможно!

— Что ты хочешь этим сказать? — с затаенной надеждой спросил Кирилл.

— Я не знаю! — в смятении воскликнула девушка. — Я уже ничего не понимаю! Я... я ухожу.

— Таня, стой!

Но она больше не слушала его. Она выбежала из кухни, отмахнулась от друзей, встревоженных криками, доносившимися из кухни, и хлопнула дверью. Татьяна неслась по улице, почти ничего не видя сквозь пелену слез. Как он мог?! — крутилось у нее в мозгу. Как он мог так обманывать ее?! Как можно верить ему после всего этого? Все произошедшее казалось страшным, невероятным сном.

Этого не может быть, повторяла она снова и снова. Не может быть! И все-таки это было. Было...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Татьяне было так паршиво, как не было, наверное, никогда в жизни. Она никого не хотела видеть или слышать. Родители с близнецами как раз уехали на дачу, так что она без помех могла все обдумать. Она отключила телефон и не подходила к двери. Девушка просто лежала целыми днями в кровати и все вспоминала и вспоминала, пытаясь найти объяснение всем тем странностям, которые происходили с ней со времени знакомства с Кириллом.

Тот ее первый кошмар... ведь он действительно снился ей после неприятного инцидента с Кириллом. Конечно, его вполне можно было объяснить чувством вины, но Татьяна не могла забыть его взгляда, обжегшего ее злобой, взгляда, который, по его словам, и внушил ей этот кошмар. А поцелуй? Сколько нервов она потратила, пытаясь понять, что же случилось на самом деле! А оказалось, что это просто Змей решил ей так отомстить. Он ее загипнотизировал и внушил ей то, что она видела. Как такое может быть?

Но, вспоминая невероятный свет его глаз, свет, который всегда зачаровывал ее, она могла поверить во что угодно. Ведь именно благодаря ему она потянулась к Кириллу, а до этого она даже видеть его не могла. Значит, он прав, и Татьяна его вовсе не любит. Это все гипноз.

С другой стороны, Змей сказал, что его внушение действует только в его присутствии, а ведь девушка испытывала чувства к нему и тогда, когда они не были вместе. Правда, он сам сознался, что со снами у него получается лучше, значит, вполне возможно, что и с чувствами у него выходит не хуже.

Вообще, что она знает о гипнозе? Да почти ничего, только то, что почерпнула из книг и телевизора. Насколько Татьяна помнила, загипнотизированный человек подчиняется гипнотизеру, но только до определенных пределов. Его можно заставить лаять или кукарекать, но нельзя, например, внушить ему мысль убить человека — это просто противно человеческой природе. А можно ли заставить полюбить? Этого она не знала.

И в любом случае, обычный гипноз явно отличается от того, каким владеет Кирилл. Ведь он не делал никаких пассов руками или еще чего-нибудь того, что обычно делают гипнотизеры. Он просто смотрел в глаза. И этого было достаточно.

Чушь какая-то! Мистика!

Но от фактов не скроешься. А факты доказывали, что Змей не лжет.

Да и какая разница! Сейчас Татьяну больше всего интересовало, любит ли она Кирилла или он заставил ее так думать. А на этот вопрос ответить было не так-то просто. Ведь несмотря на то, что он ей рассказал, девушка чувствовала, что скучает по нему. Не только по его глазам и их ослепительному свету, она скучает именно по нему. И это буквально выводило ее из себя.

Однажды, выглянув в окно, она увидела Кирилла, сидящего на своем излюбленном месте. Он сидел, понурившись, и смотрел на свои руки, сложенные на коленях, а солнце золотило его рыжие волосы. "Ну и пусть сидит! — подумала девушка. — Мне все равно!" И она запретила себе смотреть на улицу.

Две недели пролетели в сомнениях и нерешительности. Иногда приезжал с дачи отец, но ненадолго, так что Татьяна была предоставлена самой себе. Наконец, она так измучилась от своих мыслей и своего добровольного отшельничества, что решила позвонить Женьке. Того дома не оказалось, и девушка позвонила ему на сотовый.

— О-о-о, кого я слышу! — воскликнул тот. — Ты куда потерялась? Мы тут уже все мозги себе сломали, испереживались. Что случилось?

— Да ничего особенного, просто захотелось побыть одной, — ответила Татьяна.

— Одной? На тебя это непохоже. Так уж и скажи, что нашла себе новых друзей, а нас решила бросить.

— Скажешь тоже! Как же я могу вас бросить, вы же — мое все!

— Я рад, что ты это понимаешь.

— А ты где сейчас?

— Я у Анютки. Сегодня месяц, как мы познакомились. Сидим, отмечаем, так сказать.

— Здорово! Поздравляю!

— Спасибо.

— Так приезжайте ко мне, вместе отметим. А то мне так грустно...

— Ну... я бы рад..., - замялся Женька. — Надо с Анюткой посоветоваться. Ну, понимаешь, мы собирались провести этот вечер вдвоем, в интимной, как говорится, обстановке.

— Конечно, понимаю. Извини, я об этом как-то не подумала. Вопрос снимается с повестки дня.

— А почему тебе грустно? Устала от одиночества?

— Мы с Кириллом расстались, — неожиданно призналась Татьяна.

— Как?!

— Вот так...

— Слушай, солнышко, подожди, я тебе перезвоню.

— Хорошо.

Девушка повесила трубку. Ей стало еще грустнее. Она так привыкла полагаться во всем на Женьку, привыкла, что он всегда рядом, что он всегда поможет, что была совсем не готова к тому, что он не придет. Нет, она вовсе не винила его в этом, она была искренне рада за друга, который наконец нашел себе девушку, которая ему подходит. И все же она так надеялась на его участие...

Татьяна упала на кровать и зарылась головой в подушки. Что ж, надо привыкать к изменениям. Нужно взять себя в руки и начать новую жизнь. Без Женькиной поддержки. Без Кирилла... Ей вдруг захотелось завывать от тоски.

Ведь даже если отбросить в сторону всю эту мистику, весь этот гипноз и все, с ним связанное, девушка не могла простить Кирилла. Он обманывал ее. Он использовал ее. Ему захотелось быть с ней, и он ее привязал к себе. Без всяких сомнений, не спрашивая ее мнения, он просто посмотрел на нее и приказал ей быть с ним. Разве так поступают с любимыми? Да, возможно, Татьяна и не захотела бы быть с ним с таким, какой он есть, без этого дара, но это еще не повод так поступать с ней. Насильно мил не будешь, не так ли?

Девушка не могла простить Змею его самоуверенности, того, что он не дал ей шанса самой сделать свой выбор. Он сделал его за нее. И теперь, даже если она все-таки любит его, она к нему не вернется. И это ЕЕ решение.

Зазвонил телефон. Сначала Татьяна не хотела отвечать, но потом вспомнила, что Женька обещал перезвонить.

— Я сейчас буду, — выпалил тот, едва она подняла трубку. — Жди.

— Хорошо, — растерянно ответила она и только хотела спросить его, почему он придет без Ани, как в трубке запищали короткие гудки.

Девушка положила трубку и задумалась.

* * *

Уже подходя к подъезду, Женька заметил понурую фигуру Кирилла, сидящего на качелях.

— Привет, Кирюха, — сказал он. — Ты чего тут делаешь?

— Ничего, — уныло ответил тот. — Сиж.

— Что у вас случилось с Татьяной?

Змей промолчал. Женька сел с ним рядом.

— Она сказала мне, что вы расстались. Это правда?

— Ну, раз она так сказала, видимо, правда, — медленно, словно нехотя, сказал Кирилл и сгорбился еще больше.

— Видимо? Значит, это не обоюдное решение? — удивился парень.

— Нет.

— Да что случилось-то? У вас же вроде все так хорошо было...

Внезапная догадка озарила его.

— Ты что, обидел ее?! Потому что если ты ее обидел...

— То что? Побьешь меня? Так бей, потому что хуже уже все равно не будет, — вяло отозвался Змей.

Вся его поникшая фигура выражала такое отчаяние, что привставший было Женька снова опустил рядом с ним.

— Что ты сделал?

— Да какая теперь разница? Она не хочет меня больше видеть, а остальное уже все неважно...

— Может быть, все еще можно исправить?

Не дождавшись ответа, парень встал.

— Я сейчас иду к ней. Мы с ней поговорим, и может быть окажется, что все не так уж плохо. Не отчаивайся.

Женька похлопал Кирилла по плечу и решительно направился к Татьяне.

Когда она открыла ему дверь, он поразился произошедшей в ней перемене. Девушка была бледной, измученной, но отважно пыталась скрыть свою грусть.

— Привет, Женечка! Спасибо, что пришел.

— Да не за что. Как же я мог оставить тебя одну в таком состоянии?

Он осторожно обнял ее.

— Но если ты меня не накормишь, я тут же уйду! — шутливо пригрозил он ей.

— Сей момент!

Татьяна умчалась на кухню. Вскоре они уже сидели в ее комнате, ели вареники и пили чай.

— А ты почему один? — спросила девушка. — Где Аня?

— Она не хотела идти сюда.

— И ты ее оставил? Зачем? Я бы это пережила.

— Понимаешь, я не могу оставить друга в беде. Аня этого не поняла. Что ж, это ее проблема.

— Женька! — с чувством сказала Татьяна. — Это все я виновата! Мне следовало понять, что у вас свои планы, в которые я явно не вписываюсь. Прости, пожалуйста.

— Да ладно ты, какие могут быть счеты между друзьями. Ты же меня знаешь. Я бы не смог потом себе простить, что оставил тебя одну, когда ты во мне так нуждалась. А что до Ани... она поймет. А если не поймет — не беда. В конце концов, ты мне дороже.

— Ее можно понять, — задумчиво произнесла девушка. — Она ведь тоже нуждается в тебе.

— Но на данный момент тебе я нужен больше. И вообще, хватит об этом. Рассказывай, что у вас там с Кирюхой произошло? Я его сейчас встретил около подъезда, на нем лица нет. Так ничего мне и не сказал.

— А может, не будем об этом? Просто поболтаем о том, о сем...

— Таня, не увливай, — строго сказал Женька. — Как я уже тебе говорил, моя исповедальня к твоим услугам. Так что давай, исповедуйся. И может, я отпущу тебе твои грехи.

Татьяна встала и подошла к окну, чтобы собраться с мыслями. Но это не помогло, потому что на улице она увидела Кирилла, тут же отвернулась и с несчастным видом посмотрела на друга.

— Я не могу тебе рассказать обо всем, это слишком сложно... и странно...

— Тогда давай самую суть. Что такого страшного сделал Кирюха, что ты решила его бросить?

— Он... обманул меня.

— В чем?

— Не знаю, как и объяснить... Я думала, что у нас с ним... отношения, а все это оказалось ложью.

— А поподробнее? Пока что я ничего не понял.

— Я и сама пока толком не разобралась, но одно несомненно — все то время, что мы были

вместе, он меня обманывал. Он использовал меня для своих целей. Я стала для него игрушкой. Я понравилась ему — и он заставил меня быть с ним.

— Подожди, как это? Никто не может заставить человека быть с тем, с кем он быть не хочет.

— Я же говорю, это все слишком сложно.

— Да с чего ты вообще взяла, что он тебя обманывал?

— Он сам мне об этом сказал.

— Сам?!

— Ну да. В тот день, когда мы были у тебя. За день до этого я сказала ему, что люблю его, а он мне не ответил. А потом, когда мы встретились у тебя, он сказал, что не может ответить на мои чувства, пока я не узнаю кое-что о нем. Сказал, что когда он все мне объяснит, я должна буду сделать выбор — быть нам с ним вместе или нет.

— И что он объяснил?

— Этого я сказать не могу. Это не моя тайна. Он рассказал мне все, и я поняла, что я не смогу простить ему эту ложь, которой он каждый день окружал меня.

Женька потер лоб.

— Не могу сказать, что я тебя понял, но кое-что до меня все же дошло. Ты не можешь простить ему его обман, так?

— Да.

— Но сама ты об этом обмане и не подозревала?

— Допустим.

— Зачем тогда он тебе во всем признался, как ты думаешь?

Над этим Татьяна сама ломала себе голову, но так и не придумала подходящего объяснения.

— А я тебе скажу — зачем. Он хотел, чтобы в ваших отношениях не было больше лжи, чтобы между вами все было честно. Он любит тебя.

— Почему же он не рассказал мне об этом раньше? Зачем вообще понадобился этот обман? Разве можно обманывать тех, кого любишь?

— В идеале — нельзя. Но разве жизнь идеальна? Неужели тебе никогда не доводилось обманывать?

— Жень, ты не знаешь всей истории целиком. Обман обману рознь. Он не просто лгал мне, он меня использовал!

— Знаешь, солнышко, ты права, в этой истории мне многое неясно, поэтому говорить о том, чего я не знаю, не стоит. Скажи мне лучше вот что: ты сделала свой выбор, ты решила его бросить, это твое право. Но любишь ли ты его?

— Я не знаю, — прошептала девушка. — Я уже ни в чем не уверена.

— Ты обижена на него, это понятно. Но если ты его любишь, может, стоит простить? Он сделал первый шаг, признавшись тебе во всем, — хотелось бы, правда, узнать, в чем именно, — ворчливо добавил Женька. — Вообще, ребята, у меня от вас голова идет кругом. Придумывают себе какие-то секреты, когда все так просто — он любит тебя, ты любишь его, чего вам еще надо?

Татьяна улыбнулась — грустная такая получилась улыбка, сквозь слезы.

— Когда ты так говоришь, все действительно становится очень просто. Но на самом деле...

— На самом деле все так и есть. Кирилл тебя в чем-то обманул, но он в этом признался. Дай ему еще шанс. Может, у вас еще все получится?

— Но я уже не уверена, что люблю его. Понимаешь, я полюбила его таким, каким на самом деле он не является.

— А ты попробуй полюбить его настоящего. Знаешь, как говорится — полюбите нас черненькими, а беленькими нас каждый полюбит.

Татьяна села рядом с другом и прижалась к нему, он обнял ее одной рукой и привлек к себе.

— Ох, Женька, Женька, что бы я без тебя делала, — пробормотала она, закрыв глаза. — С тобой так легко. Когда ты рядом, все так просто и понятно.

В глазах парня читалась борьба с самим собой. Он взял себя в руки и слегка отстранил от себя девушку.

— Эй, Ларина, не искушай святого отца, — пошутил он. — Мы же тоже люди. А я, между прочим, сейчас одинокий человек.

— Жень, вы обязательно помиритесь. Я не я буду, если не помиритесь. Это же из-за меня вы поссорились.

— Мы не ссорились, все нормально. Я же пошутил.

Татьяна посмотрела на него и вдруг засмеялась.

— Нормальный у нас с тобой получился вечерочек, — сказала она. — Пытаемся помирить друг друга со своими половинками. Причем в их отсутствие.

Женька тоже улыбнулся.

— Да уж, ситуация. Расскажи кому — не поверят.

— Честно говоря, я вообще не понимаю, почему ты выгораживаешь Кирилла. Вы мне не кажетесь друзьями.

— Дурочка ты, Ларина. Ты — мой друг. Я же вижу, как тебе без него плохо, поэтому я сделаю все, чтобы ты была счастлива. Если надо будет, я вас силой столкну вместе, чтобы вы разобрались во всем.

— Не, силой не надо.

- Тогда давайте сами разбирайтесь, а я проконтролирую.
- Звучит как угроза.
- Это угроза и есть. Так что давай, собирайся.
- Куда?! — изумилась девушка.
- Как куда — разбираться. Кирилл тут, под окошком сидит, так что ходить далеко не надо.
- Что, прямо сейчас?
- А чего тянуть-то?
- Нет, я не могу, — сопротивлялась Татьяна. — Я не хочу...
- Если ты не хочешь идти потому, что, по-твоему, он должен сделать первый шаг, то можешь свалить все на меня — мол, я тебя заставил.
- Дело не в этом.
- А в чем?

Девушка не нашлась, что ему ответить, и Женька заключил:

- Стало быть, причин для отказа нет. Пошли.
- Ты просто хочешь избавиться от меня, — жалобно сказала Татьяна. — Тебе просто надоело мое нытье, и ты решил: помирю-ка я их, и все будет в порядке.
- Ну что ж, ты раскусила мой коварный план. Идем же. Хватит себя жалеть, пора действовать.
- В этом был весь Женька — ему всегда нужно было все и сразу. И нечего тут рассусоливать.
- А если не пойдешь — потащу тебя на руках. Не веришь?
- Еще как верю.

Оба они знали, что это не так. Женька никогда не заставил бы ее что-либо делать против ее воли. Но Татьяне действительно надоело жалеть себя и гадать — любит, не любит. Просто ей нужен был толчок, и в этом друг ей помог, взяв на себя роль диктатора.

Друзья вышли из подъезда, и девушка нерешительно остановилась. А может, повернуть, пока не поздно? Женька понял ее сомнения и взял ее за руку.

— Вам нужно во всем разобраться, иначе вы оба так и будете мучиться. Поверь мне, так будет лучше.

Татьяна кивнула, и парень повел ее к Кириллу.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Змей был там же, где Женька его и оставил. Когда он увидел подходящих к нему друзей, он поднял голову и недоверчиво посмотрел на них. Остановившись около качелей, Евгений положил руки Татьяне на плечи и слегка подтолкнул ее к Кириллу.

— Вот, — сказал он. — Я ее привел. Думаю, вам необходимо поговорить и во всем разобраться. Я бы с удовольствием остался и проконтролировал бы это дело, как я и обещал, но, боюсь, вы будете меня стесняться. Так что давайте, налаживайте свои отношения, а я пошел. Будьте паиньками.

Парень помахал им рукой и ушел.

Кирилл даже не заметил его ухода, он во все глаза смотрел на девушку. Его глаза не светились, они оставались холодными и настороженными, словно он боялся, что Татьяна ударит его, лишь где-то в их глубине переливались искорки, так хорошо ей знакомые.

— Привет, — хрипло пробормотала девушка, не зная, как еще начать разговор.

— Привет, — ответил Змей. — Присядешь?

Он подвинулся, и Татьяна села рядом с ним. Они снова сидели на качелях, тихонько раскачиваясь, и молчали, как когда-то давно. "Хотя почему давно? — подумала девушка. — Прошло-то всего каких-то пара месяцев..."

Наконец, парень, словно переборов себя, робко взял ее за руку. Татьяна не возражала.

— Тань..., - начал было Кирилл и опять замолчал. Он явно не знал, что сказать. Его пальцы легонько поглаживали тыльную сторону ее ладони.

— Итак, у тебя есть дар, — решила помочь ему девушка. — И когда ты собирался мне об этом рассказать?

— Не знаю, — признался Змей. — Наверное, я вообще не собирался. Я не мог.

— Почему?

— Не так-то просто сказать об этом. Особенно тебе.

— А что же в этом такого сложного?

— А как бы я об этом сказал? Привет, я Кирилл и я могу гипнотизировать взглядом?

— Ну, типа того.

— И что бы из этого получилось? На меня все смотрели бы, как на какую-то диковинку. Не думаю, что людям приятно находиться рядом с человеком, зная, что он может использовать их в своих целях. И неважно, что на самом деле я никогда себе этого не позволю.

— Никогда? — ехидно переспросила Татьяна.

Парень сжался.

— Да, я виноват и признаю это. Но я вовсе не хотел тебя использовать. Сначала я хотел тебе отомстить, это было подло, но это так. Я не знал... я не думал, что это будет так жестоко. Раньше никто от этого так не страдал.

— Раньше? Ты хочешь сказать, что и до меня так делал?

— Ну да, — признался Кирилл и опустил глаза. — Знаешь, когда ты инвалид с детства и тебя

постоянно дразнят дети во дворе, а у тебя есть против них оружие, о котором они и не подозревают, рано или поздно тыпустишь его в ход. В любом случае, никто не пострадал. Так, пара-тройка ночных кошмаров.

Татьяна подумала, что парень прав. Обвинять его в том, что он, будучи еще ребенком, которого травят остальные дети, наслал на своих мучителей страшные сны, не стоит. Наоборот, можно только восхищаться его выдержке и самообладанию. Что касается лично ее, она бы этим извергам такое устроила!

— Ладно, пусть так, пусть ты не мог и не собирался рассказывать мне о своем даре. Меня интересует другое: почему ты с самого начала воспользовался им вместо того, чтобы попробовать построить обычные отношения, безо всякого там гипноза? Почему ты все решил за меня?

— Потому что я знал, что такие отношения заранее обречены.

— Но ты даже не пытался!

— Я пытался... однажды...

Змей посмотрел на девушку странным отрешенным взглядом.

— Из этого ничего не вышло. Эта девушка сказала мне, что я слишком инертный. Скучно со мной. Я ведь не умею разговаривать ни о чем, смеяться, шутить, говорить комплименты. Ее привлекло ко мне чувство жалости — девушки ведь любят жалеть несчастных, убогих и покалеченных, но потом она решила, что я неблагодарный тип, не оценивший ее жертву. С тех пор я не обращал внимания на противоположный пол. Пока... пока не появилась ты.

— И ты решил со мной не канителиться, а сразу, так сказать, взять быка за рога? — резко спросила Татьяна, пытаясь возродить в себе былой гнев, но безуспешно: она уже не могла злиться на него. Он казался таким несчастным, несмотря на свой обычный отстраненный вид.

— Нет. Ты можешь мне не верить, но на самом деле у меня не было таких намерений. Сначала я хотел отомстить, потом, после того, как я понял, что натворил, я просто пытался исправить причиненное тебе зло, успокоить твою боль. После этого я собирался никогда больше не показываться тебе на глаза, как и до этого.

— Что это значит?

Кирилл усмехнулся.

— Я ведь заметил тебя намного раньше нашей первой встречи. Ты же давно ходишь к Женьке, просто ты меня не замечала.

— Как я могла тебя не заметить? — удивилась девушка.

Конечно, она и до этого задумывалась о том, откуда же на ее голову взялся этот Змей, которого она прежде никогда не видела, несмотря на то, что он сосед Женьки. Но ей даже в голову не приходило, что он мог видеть ее и раньше.

— Очень просто. Обычно я сижу дома и редко куда выхожу. В основном только летом, да и то ненадолго. Тебя же я впервые заметил, когда смотрел в окно. Я люблю наблюдать за людьми, — немного смущенно сказал он, словно признавался в чем-то неприличном.

— Вот это поворот сюжета! И давно ты... гм... наблюдаешь за мной?

— Примерно года три, — поколебавшись, все же ответил парень. — Поэтому я был удивлен, когда в первую же нашу настоящую встречу Женька подвел тебя ко мне и сообщил, что ты мной заинтересовалась.

— Вот почему ты так сверлил меня глазами весь вечер? — догадалась Татьяна.

Змей кивнул. "Басяво! — подумала девушка. — А ведь когда мы разговаривали, он ничем не показал того, что я ему нравлюсь, несмотря на то, что он наблюдал за мной целых три года!"

— Но ты тогда не предпринял никаких шагов к сближению, — упрекнула она его.

— А зачем? В этом не было никакого смысла. Я был уверен, что у нас нет будущего. Я же говорю — я вовсе не собирался принуждать тебя к каким-либо отношениям. А уж тем более после того несостоявшегося танца.

На бесстрастном лице Кирилла появилось слабое подобие улыбки.

— Но тем не менее..., - упрямо не сворачивала в сторону Татьяна.

— Тем не менее, — подхватил парень, — когда ты появилась в больнице, я вдруг решил: а почему бы и нет? Ты пришла ко мне, несмотря на все то, что я сделал, пришла, потому что беспокоилась обо мне. Это было так... непривычно. Ты выслушала меня, пыталась как-то утешить, и я потерял контроль над собой. Я не думал, что все это заведет нас так далеко. Я хотел оставить все как есть.

— И все-таки ты признался.

— Так больше не могло продолжаться. После твоих слов я понял, что хочу знать правду. Я был почти уверен, что если я расскажу тебе все, как есть, то, скорее всего, потеряю тебя, но я должен был узнать: любишь ли ты меня на самом деле или это всего лишь мое внушение.

Татьяна встала, не в силах усидеть на месте, и нервно прошлась по площадке. Вот он сидит перед ней, с виду весь такой каменный, но после всего произошедшего она знала, что он ждет ее ответа: обреченно, ни на что не надеясь. А что она скажет ему в ответ, когда сама ничего не знает?

— Тань, — прервал Кирилл затянувшееся молчание, — я понимаю, что у нас уже не будет и не может быть все как прежде. Я хотел бы только одного: чтобы ты простила меня.

Вот так просто. Он хочет, чтобы она его простила. Простила то, что он обращался с ней, как с куклой, простила за все те мучения, через которые она прошла по его вине, простила за то, что он пытался подавить ее волю! Так думала девушка, упорно разжигая в себе пламя ненависти, но в глубине души она уже простила его. Забыла о своей обиде уже тогда, когда он робко прикоснулся к ее руке.

— Если ты хочешь, — продолжал парень, — я могу сделать так, чтобы ты обо всем забыла, и ты меня больше никогда не увидишь.

Нет, этого Татьяна точно не хотела!

— Так, давай для начала договоримся: больше никакого гипноза, никаких внушений, —

деланно суровым тоном сказала она. — По крайней мере, пока я сама тебя об этом не попрошу.

— Ладно, — сдержанно ответил Кирилл, но по тому, как расслабились его крепко стиснутые прежде руки было видно, что он испытывает огромное облегчение.

— Скажи, ты когда-нибудь прежде пытался... м-м... влюбить в себя кого-нибудь? Это вообще, в принципе, возможно?

— Не знаю, никогда не пробовал. Мне это было безразлично. А теперь... Теперь ответ на этот вопрос знаешь только ты.

В его голосе проскользнули лукавые нотки.

— Ничего я не знаю, — твердо заявила девушка.

— Но это можно выяснить.

— Как?

— Можно... можно попробовать начать все сначала.

"Ага, — подумала Татьяна. — Значит, только что он хотел только одного — чтобы я его простила, а теперь уже вот куда замахивается! Не слишком ли быстро?" Она заколебалась. Кирилл был прав: жутковато осознавать, что находящийся рядом с тобой человек может внушить тебе все, что угодно, причем ты об этом даже не узнаешь, если он сам тебе об этом не скажет. Но девушка верила ему. Верила, что он раскаивается и после всего этого никогда больше не попытается загипнотизировать ее против ее воли.

— Для меня остался невыясненным один вопрос, а я привыкла все выяснять до конца. Может быть, это пустое любопытство, но я все-таки хочу узнать, — сказала она, игнорируя его последние слова. — Я знаю, что такое гипноз — ты посмотрел на меня, велел мне видеть кошмары, и я их видела. Это понятно. Но вот что значит — ты спроецировал мне в мозг иллюзию поцелуя? Этого я, честно сказать, так и не поняла.

— Я не могу тебе этого объяснить. Могу только показать. А ты мне запретила.

Что это? Кирилл ее поддразнивает? Видимо, не такой уж он бесчувственный, как говорит.

Девушка не смогла устоять перед любопытством узнать, как он это делает. Да и чего греха таить — ей просто до ужаса захотелось вновь увидеть, как сияют его глаза.

— Хорошо, я тебе разрешаю. Но только сейчас.

Змей, поколебавшись, кивнул и посмотрел ей в глаза. Только когда ее окутало так хорошо ей знакомое золотое сияние, Татьяна поняла, как ей этого не хватало. И она поняла еще одно: этот дар — это часть Кирилла, одно невозможно без другого. Значит, она все-таки его любит!

Преобразившийся парень — красивый, величественный — неожиданно встал с качелей и шагнул к изумленной Татьяне.

— Я люблю тебя, — сказал он и приник к ее губам.

Девушка закрыла глаза... а когда открыла их, она увидела спокойно сидящего на своем прежнем месте Кирилла.

— Вау! — выдохнула она.

— Понравилось? — не без некоторого самодовольства осведомился парень. — Извини. Не смог удержаться. Решил поцеловать тебя напоследок хотя бы мысленно.

И осекся: такими сияющими глазами смотрела на него Татьяна. Она села рядом с ним, обвила его шею руками и прошептала:

— Ну почему же напоследок? Можешь поцеловать меня еще раз, и не только мысленно.

И Кирилл немедленно воспользовался данным ему разрешением.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Татьяна и Змей снова стали всюду показываться вместе. Они поблагодарили Женьку за то, что он подтолкнул их друг к другу — вернее, говорила одна девушка, а Кирилл сидел с ней рядом, держа ее за руку и не сводя с нее глаз, как будто боялся, что она исчезнет. Татьяна даже позвонила Ане и попросила у нее прощения за то, что похитила у нее Евгения (хотя тот и говорил, что это лишнее и вообще всячески отмахивался от выражений благодарности). Извинения были приняты, хотя и довольно холодно. На этом влюбленные решили, что выполнили свой долг, и занялись друг другом.

Они больше не сидели целыми днями у Женьки в квартире, глядя друг на друга и целуясь. Теперь они гуляли вместе, иногда ходили в кино, пару раз ходили на море. Однажды коляска увязла в песке, и Татьяна, взявшись за ручки, покатила ее, несмотря на все протесты Кирилла. Вообще, теперь инициативу в их отношениях девушка взяла в свои руки, словно отыгрываясь за то, что в первый раз Змей ей этого сделать не позволил. Тот безропотно повиновался.

Гуляя, они разговаривали, Татьяна хотела как можно больше узнать о своем любимом, хотя каждое слово из него приходилось вытягивать клещами. Парень был прав, когда сказал, что на самом деле с ним трудно — он был неразговорчивым, не умел поддержать беседу, отвечал только на прямо поставленные вопросы. Но девушка замечала, что он старался как мог, старался ради нее. К тому же она поняла — с ним трудно разговаривать, но очень легко молчать. А иногда это, что ни говори, очень ценное свойство.

Вот так, потихоньку, полегоньку, Татьяна узнала, что Кириллу двадцать четыре года (поразительно, но даже этого она не знала!), что его родители — биологи и раньше часто путешествовали по разным странам, но после его появления на свет бросили свои странствия и осели на одном месте. Сейчас они оба работали в экспертно-криминалистической лаборатории. Еще из родственников у парня имелся дядя — брат отца, который раньше всюду ездил вместе с ними, а теперь путешествует один, изучая разные дикие племена и присылая горячо любимому племяннику экзотические сувениры. О бабушках и дедушках он ничего не знал, впрочем, он, как обычно, этим и не интересовался. Казалось, что Змей напрочь лишен всякого любопытства и вообще интереса ко всему тому, что происходит вокруг него. Сам он дистанционно учился на программиста.

— Школы и институты — это не для меня, — сказал он. — Так мне проще. А программист — достаточно удобная для меня профессия. Надо же мне будет как-нибудь на жизнь себе зарабатывать.

— А как же пенсия по инвалидности? — спросила Татьяна.

— Как бы не так! Пенсия мне не полагается, — горько усмехнулся Кирилл.

— Как это?

— Юридически я не инвалид. Медкомиссия не нашла у меня никаких признаков болезни, если, конечно, не считать того, что я не могу ходить. Я уже говорил тебе — они считают меня симулянтом. Так что пенсия — не для меня. К тому же, на эти копейки все равно не проживешь.

Девушка, в свою очередь, хотя Змей почти ничего у нее не спрашивал, рассказала ему о себе: о своей семье, несносных близнецах, о Вульфе, о своей учебе, о своих планах и мечтах. Однажды она спросила его, есть ли у него мечта.

— Есть ли у меня мечта? — переспросил Кирилл. — Не знаю... Разве что только стать нормальным. Быть как все, ходить, смеяться, носить свою девушку на руках — ну, понимаешь, просто... жить... Ради этого я все бы отдал...

— Все? И даже свой дар?

— Его в первую очередь! А зачем он мне? Так, баловство одно...

Но Татьяна так не считала. Ей казалось, что природа, дав ему этот дар, словно бы компенсировала ему его, так сказать, бесчувственность. Нет, конечно, чувствовать он мог, но не умел эти чувства показать. Парень мог обнять ее, поцеловать, сказать, что любит, но по нему этого совсем не было видно. Если бы девушка не знала его, если бы никогда не видела сияния его необыкновенных глаз, то его холодность и отчужденность наверняка отпугнули бы ее. Та девушка, которая "обогастила" опыт Змея в общении с противоположным полом, сказала правду — он слишком инертный. Но Татьяну это не останавливало. Она знала главное — Кирилл вовсе не такой, каким кажется.

Однажды, когда Змей провожал девушку с прогулки, затянувшейся далеко за полночь, Татьяна вдруг сказала:

— Мне так не хочется домой. Давай устроим пикник у моря!

— Пикник? Ночью? — уточнил парень.

— А что? Возьмем с собой бутерброды, разведем костер и будем ждать восхода солнца, — воодушевленно предложила она.

Что оставалось делать Змею? Только подчиниться.

Это была волшебная ночь! Они грелись у костра, закутавшись в один на двоих плед и почти не разговаривая. Татьяна сидела рядом с Кириллом, чувствуя спиной тепло его тела, и как зачарованная смотрела на огонь, на лунные блики, танцующие на поверхности воды... Ей было хорошо. А когда начался восход, когда над морем появился краешек солнца и первый его луч осветил пляж, девушка вдруг повернулась к Змею и сказала:

— Я хочу, чтобы ты меня загипнотизировал!

— Сейчас? — удивился полусонный парень.

— Да! Я хочу почувствовать, как ты меня любишь. Здесь и сейчас, когда вокруг так хорошо...

И сияние, хлынувшее из его глаз, могло поспорить своим золотом с золотом первого луча

восходящего солнца...

...Домой они возвращались уставшие, сонные и голодные. Бутербродов, захваченных с собой, на всю ночь не хватило, поэтому предложение Кирилла зайти к нему домой и позавтракать выглядело весьма естественно. Но Татьяна все-таки смутилась.

— К тебе домой?

— Ну да.

— А это нормально? Ну, я имею в виду, там же все-таки твои родители, а тут мы — ни свет, ни заря...

Змей взглянул на свои наручные часы.

— Вообще-то они уже на работе, так что стесняться тебе некого.

— А может, я тебя стесняюсь? — кокетливо сказала Татьяна.

Но вид у Кирилла был такой непонимающий, что она не выдержала и рассмеялась.

— Ладно, Казанова, веди меня к себе в гости.

Идя следом за парнем, девушка невольно замедлила шаги возле Женькиной квартиры, представляя себе его лицо, если бы она сейчас позвонила ему в дверь. Но потом она выбросила все эти мысли из головы и вошла вслед за Кириллом в его владения.

Наверное, она все-таки воображала себе его обиталище темным и мрачным, как и сам Змей, поэтому была невольно восхищена, увидев просторную светлую квартиру и не менее светлую комнату Кирилла. Парень оставил ее там, велел "отдыхать и не беспокоиться, он со всем справится сам", и укатил на кухню, откуда вскоре донеслось звяканье посуды.

Татьяна прошлась по комнате, с любопытством осматриваясь. Компьютер у окна, роскошное кресло, шкаф и кровать, покрытая пушистым пледом — вот и вся немудреная обстановка. На стенах развешаны деревянные, грубо сработанные маски, изображающие то ли богов, то ли демонов — наверняка пресловутые дядины сувениры. В порядке, царящем здесь, чувствовалась заботливая женская рука.

Девушка, ожидая обещанного завтрака, опустилась на кровать, но та оказалась такой мягкой, она так и манила прилечь, отдохнуть, что Татьяна не устояла перед искушением. Стоило ее щеке прикоснуться к подушке, как девушка тут же провалилась в сон. Через какое-то время в комнату въехал Кирилл с подносом, уставленным всякой всячиной, и долго смотрел на спящую Татьяну. Потом он поставил завтрак на прикроватную тумбочку, осторожно, чтобы не разбудить девушку, перебрался из коляски на кровать, вытянулся рядом с любимой, обняв ее, и уснул.

Татьяна проснулась от поцелуя, легчайшего, как прикосновение крыльев бабочки. Она сонно перевернулась на спину, и те же невидимые бабочки запорхали по ее лицу: все еще закрытым глазам, щекам, губам, шее.

— Кирилл... — хрипло пробормотала она, обнимая парня.

Она открыла глаза. Вокруг было темно, комнату освещал лишь свет фонаря за окном. В этом

свете девушка увидела мерцающие глаза Змея, лежащего рядом.

Неожиданно до Татьяны дошло, где она находится, и она резко села на кровати.

— Ничего себе! — прошептала она. — Который сейчас час?

— Уже ночь, — ответил Кирилл.

— Это как же я уснула! — сокрушалась девушка. — Почему ты меня не разбудил?

— Я не мог. Ты так сладко спала.

— А как же твои родители? — холодея от ужаса, спросила Татьяна. — Что они сказали?

— Ничего. Они не знают, что ты здесь.

— Как это — не знают?

— Ну... Я им сказал, что здесь никого нет.

— Ты им сказал... Вернее, ты им внушил? — догадалась девушка.

Змей кивнул.

— Я хотел побыть с тобой наедине, — признался он. — Не хотел, чтобы они мешали, расспрашивали, будили тебя.

— Мне казалось, мы с тобой договорились, — с напускной строгостью, маскирующей ее смущение, начала было Татьяна, но Кирилл ее перебил:

— Мы договорились насчет тебя, а про других людей разговора не было.

— Поймал, — улыбнулась она. Потом встала, поправила волосы и сказала: — Ну, мне пора домой.

Змей взял ее за руку и тихо попросил:

— Останься... пожалуйста...

— Но я... я не могу...

— Почему? Ты боишься?

— Боюсь. Твои родители...

— Они спят. И будут спать до самого утра. Посиди со мной... хотя бы недолго... А потом я тебя провожу.

— Ну... хорошо, — сдалась девушка, и тут же сильные руки Кирилла притянули ее к себе.

Он обнял ее и прижал к себе. Его дыхание щекотало ей ухо, щекой она чувствовала учащенное биение его сердца. "А почему бы и нет?" — подумала вдруг Татьяна и подняла голову, подставляя губы для поцелуя.

Они целовались неистово, самозабвенно, будто пытались раствориться друг в друге. Когда Змей

увлек девушку обратно на кровать, она даже и не подумала остановить его. Наоборот, она просунула руки ему под рубашку, наслаждаясь ощущением твердых мышц под бархатистой кожей. Когда же он расстегнул ее блузку и коснулся губами ее груди, она вскрикнула и забилась в его руках от удовольствия. Внезапно что-то царапнуло ее кожу. Змейка!

— Подожди, — шепнула Татьяна. Она обхватила лицо Кирилла руками и спросила: — А у нас... получится?

— Мы будем очень стараться, — серьезно пообещал парень.

Они постарались, и у них получилось. В самый ответственный момент девушка широко открыла глаза и с тревогой заметила, как в глазах Змея разгорается хорошо знакомое ей пламя.

— Не смей! — вскрикнула она, пытаясь его остановить. — Не смей меня сейчас гипнотизировать!

— Прости, — задыхаясь, проговорил Кирилл, — но, боюсь, теперь мне это неподвластно.

Он вдруг издал протяжный, почти жалобный стон, и невероятный, ослепительный, нестерпимый пожар охватил их обоих...

Когда Татьяна очнулась, парень тихо лежал рядом с ней, уткнувшись носом ей в плечо. Она осторожно убрала с его шеи влажные завитки волос и глубоко вздохнула. Это был вздох удовлетворенной женщины.

— Ну вот, — вдруг раздался приглушенный голос Змея, — а ты оставаться не хотела.

Девушка фыркнула и затряслась от еле сдерживаемого смеха.

— Дурачок, — ласково сказала она.

Кирилл поднял голову и посмотрел на нее.

— Я люблю тебя, — прошептал он и закрыл ей рот поцелуем.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Змей был ненасытен. Они занимались любовью всю ночь, пока, наконец, утомленная Татьяна не уснула.

Проснувшись она утром и долго не могла понять, где находится. Прошедшая ночь казалась ей сном, но, увидев рядом с собой безмятежно посапывающего Кирилла, девушка осознала, что все произошедшее было явью. Жалела ли она об этом? Нет, нисколько. Она слышала, что большинство молодых людей после первой ночи, проведенной вместе, наутро чувствуют неловкость, но сама она подобных ощущений сейчас не испытывала. Наоборот — она была счастлива.

Татьяна с любовью посмотрела на спящего парня. Он казался таким беззащитным, таким уязвимым, что на нее накатила волна глубокой нежности. Девушка отвела спутанные волосы со лба Змея и осторожно погладила его по щеке. Тот застонал и потянулся к ней.

— Еще даже глаза не открыл, а уже на подвиги рвется, — с улыбкой констатировала Татьяна.

Кирилл открыл один глаз, с трудом сфокусировав его на девушке, и пробормотал:

— Такими подвигами можно заниматься и с закрытыми глазами.

— Ну уж нет, хватит, — ловко увернулась она от его рук и вскочила с кровати. — Боюсь, что я уже просто без сил.

Парень повернулся на бок, оперся головой на руку и не без удовольствия оглядел обнаженную фигуру Татьяны.

— Это можно легко проверить, — заявил он.

— Думаю, мы обойдемся без проверки. И вообще, насколько мне помнится, ты меня на завтрак пригласал. Я до смерти голодная.

— Между прочим, я тебе его приготовил. Еще вчера, — невозмутимо сказал Змей и покосился на поднос, до сих пор стоящий на тумбочке. — Но теперь уже от него мало проку.

Девушка подобрала с пола рубашку Кирилла и набросила ее себе на плечи.

— Вставай, лежебока, — сказала она. — Корми скорее свою гостью, а то она больше к тебе не придет.

Тот неохотно сел. Его широкая голая грудь, взлохмаченные волосы, даже хмурое заспанное лицо — все это выглядело настолько привлекательно, что Татьяна с трудом подавила в себе желание вернуться в кровать и не вылезать оттуда по крайней мере до следующего утра.

Вскоре они сидели на кухне и уплетали приготовленный общими усилиями завтрак.

— Уф, больше не могу, — пропыхтела девушка, отодвигая от себя тарелку. — Все было очень-очень вкусно. Спасибо. У вас тут курить можно?

— Кури, — равнодушно отозвался Змей. — Только форточку открой.

— Хорошо.

Татьяна отошла к окну, открыла форточку и с наслаждением закурила. Взгляд ее упал на блюдце, стоящее на полу около мойки.

— Что это? Молоко? — удивилась она. — У вас есть кошка? Ты же вроде говорил, что кошки тебя не любят.

— Нет, это не для кошки. Это для домового.

— Для домового? Шутить? — подозрительно посмотрела на Кирилла девушка, хотя прекрасно знала, что он шутить, в принципе, не умеет.

— Это правда. Моя мама верит в то, что в нашей квартире обитает домовый, вот она и пытается задобрить его молоком.

— И что, помогает?

— Не знаю, — серьезно ответил Змей. — По крайней мере, он нас не тревожит.

— Из-за молока? — невинно осведомилась Татьяна.

— Наверное.

Девушка не выдержала и засмеялась.

— "Домовой, домовой, домовой, — пропела она, — проводил бы лучше девушек домой..."
Кстати...

— Понял, понял, — мгновенно отреагировал Кирилл. — Я вообще-то уже почти готов, если ты, конечно, вернешь мне рубашку. Впрочем, если ты намереваешься идти в ней, я, так уж и быть, одену другую.

— А что, можно? — спросила Татьяна, кокетливо выставив ножку. — Мне идет?

— Очень. Только, думаю, так мы далеко не уйдем.

— Ладно уж.

Девушка убежала в ванную переодеваться.

По дороге к дому Татьяны они почти не разговаривали. Им было хорошо, и они понимали друг друга без слов. Поцеловав Змея на прощание, девушка взбежала на свой этаж, вошла в пустую квартиру, нырнула в кровать и мгновенно уснула, крепко и без сновидений.

Вечером к ней пришла Ольга. Когда Татьяна открыла ей дверь, подруга вместо приветствия пробурчала:

— Ну наконец-то! Неужели я тебя застала?!

— И тебе тоже привет.

— Слушай, неуловимая ты наша, ты куда пропала? — спросила девушка, проходя в комнату. — То у тебя депрессняк, и ты ни с кем общаться не желаешь, то целыми днями дома не появляешься. Совсем забыла своих друзей. А мы, между прочим, за тебя переживаем.

— А чего за меня переживать? — беззаботно откликнулась Татьяна. — У меня все отлично, просто замечательно.

— Я за тебя, конечно, рада, но ты могла бы хоть изредка и меня посвящать в свои дела. Так, мол, и так, у меня все хорошо, я о тебе помню, просто сейчас мне совершенно некогда, любовь-морковь и все такое.

— Да ладно тебе, не ворчи. Ясное дело, я о тебе не забыла.

— А что ж тогда не звонишь, не пишешь?

— Ну... все как-то некогда...

— Разумеется, некогда. Ты ж у нас вся такая деловая... Ну ладно, — сменила Ольга гнев на милость. — Рассказывай. Как у тебя дела? Как отношения с твоим Змеем?

Татьяна счастливо вздохнула.

- Отношения у нас лучше некуда, — промурлыкала она.
- Подожди-ка, подожди. Ты сейчас говоришь о том, о чем я подумала?
- Я, конечно, не ясновидящая, но, поскольку ты обычно думаешь всегда об одном и том же, то... да, именно об этом я и говорю.
- У вас все так серьезно? — любопытствовала подруга.
- Ага, — ответила девушка и, не в силах сдержаться, призналась Ольге. — Я эту ночь провела у него дома.
- Да ты что?! Ну и как?
- Я же говорю — лучше некуда.
- А поподробнее? Давай, я жажду узнать все грязные подробности.
- Обойдешься, — сказала Татьяна и улыбнулась, увидев явное разочарование на лице подруги.
- Эх ты, — горестно вздохнула та. — А раньше, помнится, у нас не было секретов друг от друга.
- Ничего подобного, — парировала девушка. — Я и раньше не делилась с тобой грязными подробностями.
- Что да, то да. А так хотелось бы...
- Харитоновна, ты неисправима.
- А ты как хотела! Мне же интересно, как у вас все прошло. Ну, он же...
- Инвалид? Ну и что? Помнится, как-то ты сама мне говорила, что у него парализованы только ноги, а та часть тела, о которой ты подумала, к ним явно не относится, — процитировала Татьяна.
- Ну и ладно, не хочешь — не рассказывай. Твой вид говорит сам за себя. Судя по тому, как ты цветешь и пахнешь, твой Кирилл явно знает толк в этом деле. Правильно, должно же в нем быть хоть что-то, что оправдывало бы твой интерес к нему.
- А ты все никак не успокоишься?
- Никогда не успокоюсь. Променять нас, твоих закадычных друзей, на парня, который и улыбается-то раз в столетие, — это не в твоём стиле.
- Ну сколько раз еще мне придется повторить — я вас ни на кого не меняла. И вообще, хватит об этом. Расскажи-ка мне лучше о твоей проснувшейся вдруг любви к сыру, — лукаво сказала девушка.
- А ты откуда знаешь? — удивилась подруга.
- Да видела, как ты его уплетаешь за обе щеки.
- Ой, даже не напоминай. Как вспомню — так вздрогну. Я ведь даже — веришь, нет? — на

следующий день в аптеку за тестом побежала. Ну все, думаю, хана котенку Васе. Коли уж начались такие заскоки в плане еды, пиши пропало.

— Ну и как?

— Все нормально, ложная тревога.

— Какое облегчение, — сыронизировала девушка.

— А то! Мой Котик аж с лица спал, пока я ему не сказала, что все в порядке.

— Я рада, что у вас с Котиком все хорошо, — искренне сказала Татьяна. — А как там Женька? Как у него с Анютой? Я его, кажется, тысячу лет не видела.

— Вот-вот, и я о том же. У них тоже, кажется, все нормально, хотя она еще долго на него злилась из-за того, что он, вроде как, предпочел тебя ей.

— Я такая дурочка! — с чувством воскликнула девушка. — Чуть не испортила другу всю его личную жизнь.

— А я тебе о чем постоянно твержу? — пошутила Ольга. — Знаешь, ведь Аня в первый же день меня расспрашивала о тебе.

— Обо мне? Почему?

— Выясняла, какие отношения у вас с Женькой. Заподозрила в тебе соперницу.

— Странная она какая. Вот уж не подумала бы, что я похожа на разрушительницу чужих отношений.

— Ну, ей виднее. А тут ты звонишь, и Женька убегает к тебе, тем более в тот день, когда они отмечают месяц своей... гм... дружбы.

— Просто мне в тот момент было так плохо, так одиноко, что я как-то даже не сообразила, что ему не до меня.

— А почему ты мне не позвонила?

— Ну я же говорю — я вообще ничего не соображала, — уклончиво ответила Татьяна.

Не могла же она признаться подруге, что она просто не хотела ей звонить, потому что Ольга, несмотря на то, что они лучшие подруги, начала бы у нее выпытывать все подробности их ссоры с Кириллом и уж только потом — утешать. Конечно, у Ольги масса достоинств, но уж очень она любопытна...

Вот и сейчас, стоило только упомянуть о том дне, как тут же посыпались вопросы.

— А что у вас с Кириллом в тот день произошло? Мы слышали какие-то крики на кухне, но ничего не поняли.

— Мы просто поссорились. Можем же мы иногда ругаться? Знаешь, влюбленные бранятся...

— Ага, и из-за простой ссоры ты впала в депрессию чуть ли не на месяц?

— Оль, — умоляюще сказала Татьяна, — давай не будем об этом.

— Вот так всегда, — возмутилась та. — Ты ничего говорить не хочешь, Женька тоже как воды в рот набрал... Издеваетесь вы над моей тонкой, чувствительной натурой...

Сделав страдальческое лицо, Ольга отвернулась к окну.

— О! — тут же воскликнула она. — А вот и твой ухажер, тут как тут!

Татьяна подбежала к окну и увидела на улице Кирилла, сидящего на своем любимом месте.

— Странно, что это он тут делает? — удивилась она.

— Тебя дожидается, что же непонятного.

— А почему не позвонил?

— А может, он телефоном пользоваться не умеет?

— Тьфу на тебя!

Девушка быстро начала переодеваться. Ольга села на диван и пригорюнилась.

— Ну вот, — вздохнула она. — Только мы начали разговаривать, а он снова все портит.

— И ничего он не портит, — возмутилась Татьяна. — Сейчас мы спустимся к нему и поболтаем все вместе.

— Поболтаем? С ним? Ты сама-то поняла, что сейчас сказала? По-моему, мне легче его коляску разговорить, чем его.

— А ты пробовала?

— А о чем мне с ним разговаривать?

— Чтоб ты, да не нашла о чем поговорить с парнем? В жизни не поверю!

— Я, конечно, рада, что ты такого похвального обо мне мнения, — сухо сказала Ольга, — но поверь мне, твой Кирилл не из тех парней, с которыми можно разговаривать о всяких пустяках.

Подруга была права. Девушка только сейчас задумалась о том, что ей нелегко будет добиться того, чтобы Змея принял в их компании. Да и хочет ли она этого? Поразмыслив над этим, она решила, что все-таки хочет. Иначе ей придется всегда делить свое внимание между любимым и своими друзьями. А это нелегко.

До сих пор Кирилл ее друзья терпели лишь потому, что он был ее парнем. А что будет дальше? Неужели ей суждено отдалиться от них? Раньше Татьяна не думала об этом, потому что Змей не дал ей такой возможности, постоянно гипнотизируя ее, отчего девушка все время находилась в состоянии эйфории. Теперь же она взглянула на эту ситуацию совсем другими глазами. И увиденное ей совсем не понравилось.

— Ладно, — встряхнула головой она, решив подумать об этом позже. — Куда пойдем?

— Я, вообще-то, собиралась к Женке. У него какая-то новая игрушка появилась на компьютере, гонки, и они с Котиком сегодня с самого утра полностью ею поглощены.

— Хорошо, мы тебя проводим.

Девушки вышли на улицу и подошли к ожидающему их Кириллу.

— Привет, — сказала Татьяна, целуя его. — Что ты здесь делаешь?

— Я соскучился, — признался он, возвращая поцелуй.

— А почему тогда не позвонил? Я же могла тебя и не заметить.

— Я боялся тебя разбудить, а дома мне не сиделось, вот и я приехал.

— Привет, Кирилл, — поздоровалась с ним Ольга. — Как дела? Как настроение? Хорошо выглядишь.

— Привет. Хорошо. Спасибо, — машинально ответил Змей.

— Ты просто удивительно разговорчив, — фыркнула та. — Впрочем, как всегда.

И девушка, не дожидаясь ответа, которого, разумеется, и не последовало, пошла вперед. Татьяна с Кириллом двинулись за ней.

— Давай загнипнотизируем ее, — вдруг предложила Таня.

— Кого? Ольгу? Зачем? — удивился Змей.

— Ну да. Хочу ее проучить.

— Моими руками?

— Твоими глазами, — уточнила девушка.

— А что, того происшествия с сыром тебе показалось мало?

— Что это значит?

Татьяна даже остановилась от озарившей ее догадки.

— Ты хочешь сказать, что ты не случайно выбрал именно Ольгу для того "эксперимента"?

— Ага, — ни капельки не смущаясь, ответил Кирилл. — Я знаю, что я ей не нравлюсь. Она считает, что я тебе не подхожу. Ну, я и решил совместить полезное с приятным: доказать тебе, что у меня действительно есть дар, и немного проучить твою подругу.

— Изобретательно, ничего не скажешь. И все-таки я хочу, чтобы ты ее загнипнотизировал еще раз.

— Да зачем?

— Чтобы она увидела, что ты совсем не такой, как она о тебе думает.

— Но ведь на самом деле я именно такой, — возразил Змей.

— Неправда, — с жаром воскликнула девушка и тут же, опомнившись, снова понизила голос: — Неправда. Твой дар — это твой способ выражать свои чувства. Другие люди показывают их с помощью мимики, жестов, слов, но ты другой.

— Я все равно не думаю, что это хорошая идея, — помолчав, сказал Кирилл. — Сейчас ты хочешь, чтобы я показал твоей подруге, что я вовсе не каменный истукан, каким она меня считает. Допустим, я соглашусь. А что потом? Мне придется постоянно гипнотизировать всех твоих друзей, чтобы им понравиться? Ничего из этого не выйдет. Как бы ты не старалась, тебе придется смириться с этим.

Конечно, парень был прав, и Татьяна замолчала, пристыженная.

— О чем вы там шепчетесь? — обернувшись, подозрительно спросила их Ольга.

— Да так, о своем, — быстро ответила девушка.

— Ну что ж, на моей памяти это самая долгая из всех ваших бесед, — съязвила подруга и пошла дальше.

— Впрочем, один раз можно и попробовать, — прищурившись, процедил Кирилл. — Просто чтобы сделать тебе приятное.

— Ну да, конечно, — едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, ответила Татьяна.

— Оль, — окликнул девушку Змей.

Та обернулась и замерла, не сводя с парня глаз, ставших вдруг пустыми, как у сомнамбулы.

— Давно хотел тебе сказать, что ты очень привлекательная девушка, — мягким, как бархат, вкрадчивым голосом заговорил он.

— Ты, правда, так считаешь? — пискнула Ольга.

— Разумеется. Ты вторая после Танюши красавица из всех, кого я знал. Я бы хотел с тобой подружиться.

— Конечно, конечно, — пролепетала явно потрясенная девушка.

— Ну что, мир?

— Мир.

Кирилл повернулся к Татьяне, с любопытством наблюдающей за ними.

— Готово. Я показал ей улыбчивого обаяшку, которого не существует на свете. Теперь она будет идти и думать о том, какой я замечательный парень. Вся беда в том, что как только мы расстанемся, она начнет недоумевать, с чего это она вдруг так решила. И вполне возможно, станет относиться ко мне еще хуже. Начнет избегать, как избегала меня когда-то ты. С помощью гипноза друзей себе не наживешь, как ни старайся.

Он откинулся на спинку кресла и устало опустил плечи.

— Но со мной же у тебя получилось, — ободряюще сказала девушка.

— Ты — другое дело. Я сам до сих пор так и не понял, что у нас с тобой произошло и как все это получилось. Но если ты хочешь как-то примирить своих друзей с моим существованием, тебе придется придумать что-то другое.

— Но тебе же удавалось найти с ними общий язык, — в отчаянии воскликнула Татьяна. — Помнишь, на Дне молодежи? Вы тогда еще с Котиком и Женькой об играх спорили.

— Это не считается. Я тогда пьяный был, — сообщил ей парень. — Я, когда пьяный, совсем другим становлюсь. Почти нормальным. Так что, чтобы стать таким, как все, мне придется превратиться в алкоголика.

— Что это? Ты шутишь? Это что-то новенькое. Похоже, ты идешь на поправку, — улыбнулась она, но на душе скребли кошки. "Ну вот, только начали налаживаться отношения — настоящие отношения, — думала девушка, — и тут же такие проблемы..."

В это время Ольга встряхнула головой, словно просыпаясь, и весело сказала:

— Ну, чего стоим, пошли. Нас Женька с Котиком ждут. Кстати, Кирилл, ты знаешь, что именно благодаря мне вы с Танюхой сошлись?

— Правда? — безразлично спросил тот.

— Ну да. Она же после вашей первой встречи вообще к Женьке ходить не хотела, — тараторила девушка, шагая рядом с коляской и словно совсем забыв о своей неприязни к человеку, в ней сидящему. — Это я ее заставила. Вперед, говорю, Ларина, хватит трусить...

Ольга шла и говорила, говорила, говорила, не замечая, что ее никто не слушает. Кирилл и Татьяна молча следовали за ней, задумавшись каждый о своем.

Возле двери Женькиной квартиры Змей сказал:

— Ладно, девочки, вы идите туда, а я ненадолго отлучусь домой. Я скоро.

Лицо Женьки, открывшего им дверь, просияло.

— Вау, какие люди! Проходите-проходите.

В зале перед компьютером сидел Вовка и сосредоточенно барабанил по клавиатуре.

— Привет, Котик, — хором сказали девушки.

— О, Танька, привет! Давно не виделись! — отвлекся он от монитора.

— А как же я? — обиженно спросила Ольга. — Неужели я хуже собаки?

— Прости, любимая, — сказал Котик и звучно чмокнул ее в губы. — Просто я давно не видел нашу "пропажу".

— Вот-вот, — согласился с ним Женька. — Пропажа и есть.

Он обнял Татьяну и закружил.

— Я так рад тебя видеть! — объявил он. — А где твой кавалер?

— Сейчас придет. У него какие-то дела дома.

— Как у вас дела?

— Все хорошо, — ответила девушка, не вдаваясь в подробности. — А что тут у вас новенького? Все у компа пропадаете?

— Ага. Я тут новую игрушку приобрел — закачаешься.

Они с Вовкой наперебой начали рассказывать ей об игре и демонстрировать свои в ней успехи. Ольга тут же потребовала, чтобы ей показали, какие кнопки надо нажимать, и вскоре они с Татьяной уже сидели перед компьютером, носясь наперегонки. Через пару минут вернулся Кирилл и обосновался в своем излюбленном кресле, наблюдая за подругами. Когда Женька с Вовкой отбыли на кухню покурить, Ольга шепнула Татьяне:

— Знаешь, я ошибалась в Кирилле, признаю. Он потрясающий парень. Не понимаю, почему он мне раньше не нравился. Наверное, я просто ревную.

— Ревнуешь? Почему?

— Потому что с ним ты проводишь почти все свое время. Мы все скучаем по тебе.

Татьяна растроганно прошептала:

— Я тоже по вам скучаю.

— Хотя теперь я знаю, почему ты выбрала его. А чего это он опять такой хмурый? Может, я что-то не так сказала?

— Нет, Оль, все нормально.

Вечер прошел приятно во всех отношениях. Друзья веселились, болтали, шутили. Единственное, что огорчало Татьяну, это то, что Кирилл сидел особняком и почти не принимал участия в общем разговоре, несмотря на все попытки девушки и примкнувшей к ней Ольги вовлечь его в беседу. Когда Татьяна собралась домой, Женька взял с нее и Змея обещание заходить почаще.

Уже дома девушка обнаружила в своем кармане какую-то бумажку. Это была записка от Кирилла.

"Таня! Я пишу тебе, потому что не знаю, как с тобой об этом говорить. Я прекрасно понял, для чего тебе понадобилось, чтобы я загипнотизировал твою подругу. Тебе тяжело со мной. Я далеко не душа компании, а ты привыкла быть в обществе, привыкла всегда быть с друзьями. Ты не можешь быть в одиночестве, как я, а я не могу заменить тебе твоих друзей. И не смогу. Так же, как и не смогу стать своим в твоей компании.

Я вовсе не предлагаю тебе выбирать между нами. Это было бы глупо. Я просто хочу, чтобы ты еще раз подумала, выдержишь ли ты. Я не хочу тебя терять, но еще меньше я хочу, чтобы ты потеряла СЕБЯ. Ты разрываешься на части между двумя половинами своей жизни, но тебе вряд ли удастся их совместить. Может, не стоит и пытаться? Если ты решишь порвать со мной, я пойму. Я не хочу, чтобы ты мучилась". Без подписи.

Татьяна плакала, читая это послание. Она тут же подбежала к телефону и набрала номер

Кирилла. Ей ответил приятный женский голос.

— Алло, здравствуйте, — дрожащим от слез голосом сказала девушка. — Могу я услышать Кирилла?

— А кто его спрашивает? — явно удивился голос.

— Это Татьяна.

— Сейчас позову.

— Кирюша, прости меня, пожалуйста, прости, — заговорила девушка, едва услышав в трубке голос Змея. — Мне так стыдно за эту выходку! Прости! Я дурочка!

— Таня, перестань, — словно испугавшись ее волнения, сказал парень. — Все нормально.

— Нет, не нормально. Я прочитала твою записку. Ты прав, ты на все сто процентов прав, я пытаюсь примирить тебя с моими друзьями и моих друзей с тобой. Но я не думала, что ты так на это отреагируешь. Кажется, я вообще ни о чем не думала. Прости меня, я так больше не буду, — пообещала она, как маленький ребенок.

— Мне не за что тебя прощать. Просто я должен был предложить тебе этот выбор. Я же вижу, как тебе трудно.

— Я не хочу выбирать, — сквозь слезы прокричала Татьяна. — И не буду! Я что-нибудь придумаю, и тогда мы будем все вместе — и ты, и я, и мои друзья.

— Конечно, придумаешь. Я в тебя верю.

Но верила ли она сама в то, что говорила?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Шло время, а Татьяна так и смогла ничего придумать. Трещина между двумя половинками ее жизни становилась все больше и больше. Они с Кириллом еще несколько раз приходили к Женьке, и результатом этого стала очевидность тщетности ее попыток сделать Змея частью компании ее друзей. Но вовсе не от недостатка усилий. Старались все: друзья, пытавшиеся вовлечь парня в свои разговоры, игры, в свой круг интересов; сам Кирилл, который изо всех сил хотел сбросить с себя свою скованность и кажущееся безразличие. Они старались ради нее. Но все было бесполезно.

Девушка все равно замечала косые взгляды, бросаемые украдкой на ее невозмутимого кавалера, замечала неловкость, которую испытывал Змей, когда отвечал на обращенные к нему вопросы; она видела, что несмотря на все попытки обеих сторон примириться друг с другом, Кирилл по-прежнему остается как бы отделенным от всех остальных непроницаемой стеной. Он явно не располагал к общению, он не мог принимать участия в их забавах, в основном подвижных, с ним нельзя было сходить на дискотеку или попеть под гитару. Змей был слишком непохож на друзей Татьяны, и они это прекрасно понимали.

Кирилл никогда не жаловался и никогда не отказывался, когда девушка звала его с собой к друзьям, но она понимала, что ему нелегко. Поэтому в конце концов ей пришлось отказаться от попыток вовлечь любимого в свой круг общения. Это было явное фиаско.

Осознав это, Татьяна снова стала проводить больше времени с Кириллом. Она мудро (как ей самой казалось) рассудила, что приближается осень, начало учебы, когда она будет меньше видеться со Змеем и больше — с друзьями, которые почти все являлись ее однокурсниками. Таким образом девушка думала восстановить некий баланс.

Влюбленные опять вместе гуляли, целовались, иногда занимались любовью... В общем, делали все то, что делают все влюбленные испокон веков.

Татьяна познакомилась с родителями Кирилла. Его мать, Ирина Генриховна, и его отец, Сергей Алексеевич, были несказанно удивлены и обрадованы наличию у их странного сына подружки. Сначала они относились к ней настороженно, как будто боялись, что она просто посмеется над парнем и уйдет, но потом оттаяли, хотя девушке все равно казалось, что они присматривают за ней.

Несколько раз Кирилл ночевал у нее дома, ведь ее родители с близнецами до сих пор были на даче. Порой девушка с тревогой замечала, что ночью парень впадает в какой-то странный, цепенящий сон. В такие моменты она никак не могла его добудиться, он лежал, не шевелясь и ни на что не реагируя. Тогда Татьяна вспоминала о его загадочной болезни, из-за которой он впал в кому, и очень пугалась, но утром Змей просыпался свежий и бодрый, как ни в чем не бывало, и все ее страхи развеивались, как дым.

Однажды, гуляя, влюбленные встретили Женьку и всю честную компанию. Они сидели в летнем кафе и пили пиво.

— О-о, привет, неразлучники! — поприветствовал их Евгений.

— Привет-привет, — ответила Татьяна. Кирилл молча кивнул. — Что за праздник? Очередной прекрасный летний день?

— Да нет, на этот раз горе.

— Что случилось?

— У Женьки комп гекнул, — сообщил Серега. — Вот и решили устроить, так сказать, поминки.

— Что, все так серьезно?

— Без понятия, — весело сказал неунывающий хозяин компьютера. — Как выяснилось, никто из нас в этих делах особо не разбирается. Придется вызывать специалистов.

— А чего ж вы тогда ему поминки устроили? — присаживаясь на поданный ей Женькой стул, спросила девушка. — Может, его еще починят.

— Ага, после того как в нем "немного" пошарился Мишка, я что-то в этом сильно сомневаюсь.

— Ну дык кто ж знал, что там все так тонко устроено, — покраснев, заявил виновник поломки.

— Точно! — иронично сказала Ольга. — В конце концов, что такое компьютер? Так, просто ящик с детальками. Причем некоторые из них явно лишние.

На это Мишке возразить было нечего, и он с несчастным видом уткнулся в стакан.

— Да ладно тебе, — примирительно произнес Котик. — Вызовем за общий счет техников, и они

мигом все наладят. Вот увидишь.

— А почему это за общий? — возмутился уже изрядно захмелевший Леха. — Вот Мишка сломал, пускай за свой счет и чинит.

— Ну ничего себе! Кто это сказал, что именно я его сломал?! Вообще-то, им пользовались все, а это, между прочим, компьютер тоже новее не делает!

— Но мы-то не лазили куда не надо!

— Вот-вот, вы ничего и сделать-то не пытались. А я пытался его починить.

— Прежде чем что-то чинить, надо этому научиться. А просто тупо разобрать системник и что-то там поковырять каждый сможет!

— Что ж никто не разобрал?

— Да потому что, не зная причины, и разбирать смысла нет!

— Я могу попробовать, — тихо сказал Кирилл, мгновенно остановив назревающую ссору. Спорщики замолчали и уставились на него.

— Что попробовать? — уточнил Женька.

— Компьютер починить.

— Ты в этом разбираешься?

— Немного.

— Конечно, разбирается, — подхватила Татьяна. — Он же у нас будущий программист.

— Да ты что?! — восхитился Евгений. — Тогда нам тебя сам Бог послал! Ну что, народ, допиваем пиво и вперед! Будем спасать компьютер... и бедного Мишку от угрызений совести.

Но оказалось, что ремонт компьютера — дело долгое, нудное, скучное и понятное только Кириллу. Поначалу его постоянно спрашивали, что конкретно он делает, но поскольку ответы из него приходилось буквально вытягивать, и отделиваясь он односложными фразами, любопытствующие скоро отстали. Осознав, что это надолго, друзья начали потихоньку исчезать, и к вечеру в квартире остались только Змей, Татьяна и Женька, причем последние двое уже откровенно зевали. Они пошли на кухню пить кофе, оставив Кирилла колдовать над сломавшейся техникой, поставив предназначавшуюся ему чашку перед монитором.

— Да уж, никогда бы не подумала, что у тебя может быть скучно, — потягиваясь, пошутила Татьяна. — Прямо сейчас засну.

— И не говори. Сам поражаюсь. Хотя, может быть, все дело в Кирюхе? Ладно, ладно, все, молчу, — засмеялся Женька, увидев ее возмущенное лицо. Потом продолжил: — А если честно, тебе самой никогда не бывает скучно с ним?

— Нет, — отрезала девушка. — Можешь мне поверить — нам с ним есть, чем заняться, чтобы спастись от скуки.

— Охотно верю. Только давай без подробностей, лады?

Татьяна усмехнулась.

— Слышала бы тебя сейчас Ольга. Ей-то как раз, наоборот, всегда подавай подробности, причем желательно грязные.

— Это на нее похоже, — согласился Женька.

Зазвонил телефон, и парень поднял трубку.

— Алло? А-а, привет, любимая. Чем занимаюсь? Да комп чиню. Ну то есть, конечно, не я его чиню, а Кирюха. Ну да, сосед мой. Конечно, с Татьяной. А что? Встретиться? Легко! Сейчас?

Женька вопросительно посмотрел на девушку, и та отчаянно закивала головой.

— Хорошо, скоро буду. Ну все, пока, целую.

Он повесил трубку и спросил Татьяну:

— Вы с Кирюхой здесь останетесь?

— Можем остаться и тебя подождать, а можем доделать все потом. Нам без разницы.

— Оставайтесь. Как доделаете, дверь захлопнете. Я, скорее всего, сегодня уже домой не вернусь, — подмигнул он девушке.

— Ого! Шалунишка, — улыбнулась она. — Ну ладно, иди, развлекайся. Желаю тебе приятного вечера. Ну и ночи, конечно.

— О да, — выпятив грудь, сказал Женька. — Можешь в этом даже и не сомневаться. Я такой! Ух, я какой!

Они рассмеялись.

— Топай уже, маленький гигант большого секса, — подтолкнула его Татьяна. — Нельзя заставлять девушку ждать.

— Ну все, чао, дети мои! Не балуйте тут.

Женька ушел. Девушка еще немного понаблюдала за сосредоточенно работающим Змеем, а потом, не в силах сдержать сонливость, прилегла в спальне на кровать и задремала.

Закончив починку компьютера далеко за полночь, Кирилл въехал в спальню и несколько минут любовался спящей. Раскинувшаяся во сне Татьяна была так прекрасна, так соблазнительна, что у парня перехватило дыхание. Он взял ее руку, свесившуюся с кровати, и осторожно поднес к своим губам. Девушка проснулась и сонно потянулась к нему.

— Пойдем, — прошептал он. — Я закончил. Нам пора.

— А может, останемся еще ненадолго? — промурлыкала Татьяна, нежно проведя рукой по щеке Кирилла.

— Здесь?

— А почему бы нет? Женька сказал, что ушел на всю ночь, а мы уже достаточно давно не были

вместе. Я так по тебе соскучилась, — призналась девушка, между делом потихоньку расстегивая пуговицы на рубашке Змея.

— Пойдем ко мне, — неуверенно предложил тот, чувствуя, как у него кружится голова от ее прикосновений.

— Нет, я хочу здесь и сейчас, — капризно сказала Татьяна, и парень сдался.

И ночь наполнилась нежными стонами...

* * *

Женька, пошатываясь, брел по улице. Он был мертвецки пьян. В его ушах до сих пор звучали обидные слова Ани. Что и говорить, она была безусловно права. И от этого становилось еще хуже...

А вечер так хорошо начинался! Позвонив, девушка намекнула, что сегодня ночью ее родителей не будет дома, и им никто не помешает провести эту ночь вдвоем. Музыка, свечи, вино... В общем, сплошная романтика.

Целуя полуобнаженное тело Анюты, парень в забытьи пробормотал:

— Танечка, Танюша... любимая...

Девушка резко оттолкнула его и села.

— Что такое? — встревоженно спросил Женька. — Что случилось, солнышко?

— Ты назвал меня Таней! — обвиняющим тоном воскликнула она.

— Тебе показалось.

— Ничего мне не показалось! Назвал!

— Да нет же, — успокаивающе проговорил парень, пытаясь увлечь ее обратно в постель. — Тебе послышалось. Я сказал — Анечка.

— Ты, конечно, мог назвать меня Анечкой, — сбрасывая его руку со своего плеча, резко сказала та. — Но вот Анюшей меня еще никто не называл.

— Ну, значит, я буду первым, — попытался обратить все в шутку Евгений, но девушка его не поддержала.

Она встала и гневно произнесла:

— Я так и знала! Я с самого начала подозревала, что ты равнодушен к своей подруге!

— Это не так!

— Да это и слепому ясно! Ты же смотришь на нее и буквально слюни пускаешь, как восторженный идиот!

— Анюта, не надо так, — тихо сказал Женька, сев в кровати и безвольно уронив руки между коленей.

— А как надо?! Ты что, думал, что я буду с этим мириться? Так вот — я не буду!

Она подняла с пола его вещи и швырнула в него.

— Выметайся отсюда! Иди к своей ненаглядной! Я не собираюсь быть твоим утешением!

Растерянный парень встал, и Аня начала яростно выталкивать его из квартиры.

— Проваливай! — кричала она. — Чтоб ноги твоей здесь не было! Вали к своей Танюше, и я надеюсь, что ты сдохнешь от своей неразделенной любви!

Она вытолкнула его за дверь и захлопнула ее у него перед носом. Ошарашенный парень стоял, не зная, что делать. Он слышал, как девушка разрыдалась, и тихонько постучал.

— Ань, — позвал он.

— Уходи, — сквозь слезы вымученно сказала она. — Я не хочу тебя больше видеть.

И Женька ушел. В ближайшем же баре он напился. Напился, как свинья, пытаясь заглушить звучащие в голове слова Ани. "И ведь все, что она говорила, — правда! — думал он, бездумно вливая в себя рюмку за рюмкой. — Это правда, черт побери, и никуда от этого не денешься!"

Конечно, он любил Татьяну. Любил уже давно и безнадежно, стараясь ничем этого не показывать. Видимо, не очень-то у него это получалось. Аня вот все поняла. Да и Ольга явно догадывается. А Таня... Парень вздохнул.

Он просидел в баре до закрытия и пошел к себе. Он даже и не подозревал, что его там ожидает.

Когда Женька вошел в спальню и увидел там спящих в обнимку Татьяну и Кирилла, слепящая вспышка безумной ярости пронзила его голову. "Как она могла?! — билась в мозгу одна-единственная мысль. — Как она могла так со мной поступить?! Как она посмела?!"

* * *

Татьяна проснулась от какого-то шороха и, открыв глаза, столкнулась со взглядом горящих глаз взбешенного Евгения. Прежде чем она успела вымолвить хотя бы слово, он схватил ее за руку, вытащил из постели и вцепился ей в плечи.

— Да как ты могла?! — прошипел он и встряхнул девушку. — Как ты посмела?! С ним! В моей постели!

От парня несло перегаром. Перепуганная Татьяна попыталась прикрыться одеялом, но парень снова встряхнул ее, как куклу.

— Я долго терпел! — яростно шептал он, мертвой хваткой держа ее за плечи. — Я делал все, чтобы ты была счастлива! А что же ты?! Ты спишь с ним в моей — в моей! — постели! За что ты так со мной?!

— Женья... — потрясенно пискнула она. — Перестань...

— Что перестать?! — взревел тот. — Что?!

Девушка заплакала.

— Ты делаешь мне больно...

— Я делаю тебе больно?! — изумился тот. — А как же я? Ты, значит, можешь делать больно мне?! А мне больно! Ты даже не представляешь себе — как!

Татьяна в поисках защиты оглянулась на Кирилла, но тот снова провалился в свой странный сон и ничем не мог ей помочь. Он ничего не слышал.

— Я ведь старался для тебя, как мог, — продолжал Женька, его пальцы, стальной хваткой впившиеся в ее плечи, терзали ее нежную кожу, оставляя на ней синяки. — Черт возьми, я горы был готов ради тебя перевернуть! Я утешал тебя, когда ты страдала из-за своих парней! Все эти Вани, Илюши, Андреи — где они все?! А я — я остался. Я всегда был рядом с тобой. А что ты?! Ты предала меня!

— Женья... пожалуйста... отпусти меня...

— Отпустить тебя?! Как я могу отпустить тебя? Ведь я же тебя люблю.

В голосе парня зазвучала глубокая нежность. Он отпустил ее плечи и начал осторожно вытирать ее слезы. Внезапно его глаза переместились с лица девушки на ее фигуру, и он, казалось, только сейчас осознал, что Татьяна стоит перед ним в чем мать родила.

— Ох, Таня, — пробормотал Женька, окончательно потеряв голову. Он сжал ее грудь и начал торопливо покрывать ее тело мокрыми, неумелыми поцелуями. Татьяна отбивалась, как могла, но парень был сильнее, он заломил руки девушки и впился губами в ее шею.

— Женья, не надо, — вскрикнула Татьяна и зарыдала в голос.

— Успокойся, солнышко, — бубнил тот. — Все будет хорошо...

— Стой! — вдруг резко и мощно прозвучал ясный голос Кирилла.

Женька дернулся, обернулся и обмяк. Глаза Змея сверкали изумрудным блеском, и под их беспощадным взглядом парень застыл и медленно опустился на пол.

Кирилл осторожно взял истерически рыдающую девушку за руку и привлек к себе, укутав одеялом. Ее тело сотрясала крупная дрожь. Парень обнял ее и прижал к себе.

На полу зашевелился Женька. Он сел, тряся головой, как оглушенный бык, и простонал:

— Что я...

Он осекся, увидев дрожащую Татьяну. Его взгляд прояснился.

— Я... я же мог... я мог... О, Господи!

Парень вскочил и выбежал из комнаты. Вскоре хлопнула входная дверь.

Татьяна долго не могла успокоиться. Она плакала и плакала, прижавшись к Кириллу и дрожа всем телом. Потом вдруг прошептала:

— Я хочу домой. Пожалуйста, увези меня домой.

— Может, лучше пойдём ко мне?

— Нет, я хочу домой, — всхлипнула она.

Змей одел ее, как маленького ребенка, усадил к себе на колени, и вскоре они уже подъезжали к дому девушки. Та, как замороженная, пошла было к подъезду, но потом вдруг вернулась и посмотрела на парня.

— Кирюша, милый, — горячо зашептала она, — ты же можешь сделать так, чтобы мы об этом забыли — и я, и он, в общем, мы оба? Можешь?

— Я-то могу, — помолчав, сказал тот. — Но подумай сама, нужно ли тебе это? Забыв о проблеме, ее не решишь. А Женька... он любит тебя. Заставить его забыть об ЭТОМ я не в силах.

— Да, ты прав... Прав...

Татьяна повернулась и медленно вошла в дом, а Змей еще долго сидел и смотрел ей вслед.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

За всю ночь девушка не сомкнула глаз. Ей было мучительно стыдно и больно. Слез больше не было, осталась только пустота в душе, от которой щемило сердце. Ей никогда не забыть Женькиных яростно горящих глаз, его наполненных неподдельной злобы слов, ощущения его рук, похотливо шарящих по ее телу.

А ведь она считала его другом. Самым лучшим своим другом, которому можно доверить все свои тайны, переживания, все то, что накипело на душе. Татьяна никогда не воспринимала всерьез слова Ольги, когда та говорила, что Женька влюблен в нее. А теперь...

Утром ей позвонил Кирилл. Он попытался подбодрить ее, как-то утешить, но ей это мало помогло. Его слова, вроде бы и правильные, и сочувственные, были произнесены ровным, спокойным тоном, что никак не могло прибавить ей оптимизма. Ах, как ей сейчас хотелось от него сочувствия! Нормального, человеческого сочувствия, теплых слов, сказанных с чувством, которое придало бы ей сил перенести этот ужас прошлой ночи! Но она знала, что парень на это не способен. В этом никто не был виноват, но все-таки... Все-таки она чувствовала горечь.

Потом, чуть позже, позвонила мама и сообщила, что сегодня они всем семейством возвращаются домой. Татьяна обрадовалась и, наверное, только сейчас поняла, как она по всем ним соскучилась. Она произвела ревизию холодильника и кухонных полок и решила сходить в магазин, чтобы вечером накормить свое приехавшее, голодное после долгой дороги семейство.

Открыв дверь квартиры, Татьяна остолбенела: перед ней на ступеньках сидел Женька, опустив голову на сложенные на коленях руки. Она подумала, что он спит, и уже хотела отступить обратно, в спасительное одиночество своего дома, но парень поднял глаза, увидел ее и умоляюще произнес:

— Тань, подожди! Нам надо поговорить.

Девушке не оставалось ничего другого, как с несчастным видом повернуться к другу и пробормотать:

— Хорошо.

— Что ж тут хорошего, — горько усмехнулся Женька. Он был небрит, волосы всклокочены,

глаза красны от слез. — Натворил я вчера дел.

Татьяна промолчала. Кажется, она заразилась этим от своего неразговорчивого Змея... или ей просто нечего было сказать?

Парень вдруг, к ее ужасу, встал перед ней на колени.

— Танечка, солнышко, прости меня, пожалуйста. Вчера я вел себя, как последняя скотина, и этому не оправдания. Но я не могу без тебя! Прости меня, дурака! Прости, прости, прости...

— Женя, встань, — проговорила потрясенная девушка. — Не надо... пожалуйста...

"Женя, не надо... пожалуйста", — эхом отозвались у нее в голове ее вчерашние слова, и Татьяна, безвольно опустившись на колени рядом с Женькой и закрыв лицо руками, разрыдалась.

Тот рванулся было к ней, чтобы, как обычно, обнять ее, утешить, как он делал это уже на протяжении многих лет, но огромным усилием воли остановил себя, понимая, что сейчас это неуместно.

— Танюша, солнышко, не плачь, не стоит. Этого больше никогда не повторится. Просто вчера я... я напился в стельку, и когда я увидел вас с Кирюхой, меня как будто закоротило.

Девушка молча слушала его, всхлипывая и не отнимая рук от лица. Так ей было легче.

— Может, мы просто забудем о том, что произошло, и снова будем друзьями? — с надеждой спросил Женька. — Я клянусь тебе, что брошу пить, я уже бросил! Пусть у нас будет все по-прежнему.

Татьяна, наконец, убрала руки и взглянула на друга, медленно покачав головой.

— Все уже никогда не будет по-прежнему. Никогда. И ты, я думаю, сам прекрасно это понимаешь.

Парень обреченно кивнул головой и опустил глаза.

— Но мы же можем остаться друзьями, — тихо сказал он.

— Я не знаю, Жень, — честно ответила девушка. — Но я не думаю, что такое возможно.

Она встала, посмотрела на друга долгим, словно бы прощальным взглядом, и скользнула обратно в квартиру.

* * *

Следующие дни были очень тяжелыми. Разрыв с Женькой Татьяна переживала гораздо болезненнее, чем могла себе предположить. Она словно отрывала от себя часть своей души, отрезала по живому все те нити, которые связывали их так долго. Ей казалось, что иначе нельзя. Переступив черту, невозможно вернуться назад. Они же ее переступили...

"Да что ж за лето выдалось такое... полосатое! — в отчаянии думала девушка. — То боль, то радость... А за нею — снова боль". Ей казалось, что жизнь рушится у нее на глазах.

Она даже поссорилась с Кириллом. Это была их первая ссора с тех пор, как он рассказал ей о

своим даром.

В тот день, после разговора с Женькой, вечером Татьяна встретила Змея. Ей было так плохо, так больно, что, увидев Кирилла, девушка подбежала к нему, обняла и заплакала. Тот прижал ее к себе и стал осторожно поглаживать ее волосы, успокаивая.

Не в силах сдержаться, Татьяна рассказала ему все, что произошло, пока он спал. Змей молча слушал ее.

— Ну что ты молчишь! — наконец, не выдержала девушка. — Скажи же хоть что-нибудь.

— Мне очень жаль, что так случилось, — бесстрастно сказал тот.

— Тебе очень жаль? И это все, что ты можешь мне сказать? Я друга потеряла, понимаешь? Лучшего друга!

Она вскочила и стала нервно ходить туда-сюда.

— Я понимаю, — произнес Кирилл.

— Понимаешь? Как ты можешь меня понять? У тебя и друзей-то никогда не было!

Ее несло, она это чувствовала, но никак не могла остановиться.

— Вот ты сидишь здесь, такой весь невозмутимый, непробиваемый, как скала, а мне сочувствия хочется! Понимаешь — сочувствия, от тебя! Я хочу видеть, что тебе не все равно, что со мной происходит! Ну почему ты такой каменный?! Весь мой мир распадается на куски, а ты просто сидишь и молча наблюдаешь за этим! Тебе плевать, что я просто с ума схожу от тоски!

— Это не так, — заметил Змей.

— Ты уверен, что не так? — зло выкрикнула Татьяна. — Почему же я этого не вижу? Почему ты так холоден, так неприступен? Почему ты такой бесчувственный?!

— Ты знаешь, почему.

— Что я знаю? Да ничего! Только то, что ты мне сказал — что, мол, ты весь такой несчастный, чувств своих показать не можешь... Это же полная чушь! Люди такими не бывают! Просто у тебя нет их — этих чувств! Ты просто... просто ледышка!

Парень поймал ее за руку и дернул, заставляя посмотреть на него. Его глаза вспыхнули, и он показал ей, показал все то, о чем она просила: как он ей сочувствует, как ему жаль, что она лишилась друга, и как ему больно, что девушка ему не верит. И волна любви, чистой, как любовь ребенка, омыла ее душу.

— Прости, — сказал он, выпуская ее руку из своих пальцев. — Но только так я могу дать тебе то, что ты хочешь.

И он еще просит у нее прощения?! Татьяна села рядом с ним, чувствуя себя последней сволочью.

— Кирюш, это ты прости меня, — прошептала она. — Не знаю, что на меня нашло. Хотя нет, знаю. Это...

— Я понимаю, — перебил ее Кирилл. — Можешь мне не верить, но я действительно тебя понимаю. Пусть у меня никогда не было друзей, но я видел, как тебе хорошо с ними, с твоими друзьями. И я знаю, что Женька был лучшим из них. Но он любит тебя, и рано или поздно это вырвалось бы наружу. Может, не таким грубым способом, но ваша дружба все равно была бы разрушена. И мне очень жаль, что все так произошло.

Он не сердился на нее. Несмотря на все, что она тут наговорила, он на нее все-таки не сердился. Но Татьяне казалось, что в глубине его глаз она видит боль, вызванную ее несправедливыми словами.

На следующий день пришла Ольга.

— Я все знаю, — с порога заявила она и обняла подругу.

— Да? — безучастно ответила та. — И кто тебе рассказал?

— Женька, кто же еще. Мы же друзья.

— И что же ты знаешь? — высунулся из кухни один из близнецов.

— Да, расскажи нам, — поддержал его второй. — Нам тоже очень интересно.

— А ну-ка брысь, бесенята! — прикрикнула на них Ольга и повела безразличную Татьяну в комнату.

Усадив ее на диван, подруга встревоженно спросила:

— Что с тобой? Ты вся какая-то заторможенная.

— Что со мной? Ничего. Просто мой лучший друг увидел меня с моим парнем в своей спальне, накричал на меня, признался мне в любви и едва не изнасиловал. А так все нормально. Все как всегда.

— Таня, перестань, — снова обняла ее Ольга. — Не надо так убиваться. Все еще наладится.

Девушка рассмеялась — коротко, зло.

— Да уж, наладится. Мы все сотрем из памяти этот малозначительный эпизод и снова заживем дружной семьей.

— Зря ты так. Я ж к тебе со всей душой.

— Прости.

Татьяна устало посмотрела на подругу.

— Кажется, я уже шагу не могу ступить, не попросив у кого-нибудь прощения. Так что заранее предупреждаю — я за себя не ручаюсь. Могу наговорить гадостей ни с того, ни с сего. Могу накричать. Могу даже начать швырять в стену тяжелые предметы. Хотя больше всего мне хочется разбить себе голову обо что-нибудь.

Она измученно вздохнула.

— Если бы ты знала, как мне сейчас тяжело.

— Представляю.

— Вряд ли. Но все равно спасибо за сочувствие.

— Тань, рано или поздно это все равно бы произошло, — почти в точности повторила Ольга слова Кирилла. — Ну, скорее всего не так, но произошло бы. Все уже давно прекрасно понимали, что Женька испытывает к тебе отнюдь не дружеские чувства.

— Все, кроме меня. Я никогда в это не верила. Я не прислушивалась к твоим словам, и вот результат.

— Ну вот видишь. Я же тебе говорила — я всегда права.

Татьяна слабо улыбнулась.

— Это точно. Но я не понимаю — почему, почему он не сказал мне этого раньше? Зачем было строить из себя друга, когда на самом деле ему хотелось большего?

— Думаю, потому, что он понимал, что ты-то большего не хочешь.

— Раньше хотела, — призналась девушка.

— Раньше все было по-другому. Наверное, вы друг друга не поняли. Женька — он же шут. Он привык всегда дурачиться и делать несерьезный вид. Иначе он не может. Это что-то вроде защитной маски. Как-то он рассказал мне, что в детстве он был очень толстым. И он рано понял, что если ты не хочешь, чтобы смеялись над тобой, нужно сделать так, чтобы смеялись вместе с тобой. Он смешил людей, чтобы люди не насмеялись над ним. И это вошло в привычку.

— А мне он об этом не рассказывал...

— А стоило бы. Может, тогда бы у вас все наладилось.

— Но если он меня любит, почему тогда он всегда помогал мне, когда у меня были проблемы с моими парнями? Почему он помирил меня с Кириллом? И как же Аня?

— Эх, Ларина, Ларина, — вздохнула Ольга. — Так ты ничего и не поняла. Ты что же думаешь, что Женька мог воспользоваться твоими этими самыми проблемами, чтобы попытаться наладить ваши с ним отношения? Он делал это ради тебя, чтобы ты была счастлива... Ну, блин, — вдруг сказала подруга. — Говорю, прямо как в каком-то романе. Аж мурашки по коже. Повезло же тебе, подруга, такие чувства в парне пробудила. А я всегда была уверена, что таких нынче не осталось. Рыцарь в сверкающих доспехах, не иначе. А что до Ани... Женька же все-таки здоровый парень с обычными потребностями. Правда, она его тоже достаточно быстро раскусила. Он рассказал мне, что в тот день она выставила его из дома, сказав, что не хочет быть его утешением в несчастной любви. Вот он и напился. А тут еще вдобавок такое зрелище...

Татьяна покраснела.

— Это я виновата, — покаянно сказала она. — Кирилл хотел, чтобы мы пошли к нему, а мне вдруг захотелось всего и сразу. Я же была уверена, что Женька дома уже не покажется до завтра. Он сам мне так сказал.

Ольга кивнула.

— Нелепое стечение обстоятельств. Так всегда и бывает. И что ты теперь намерена делать?

— А что я могу? Сделать вид, что ничего не было?

— Ты хочешь его бросить?

— Я не знаю, — простонала девушка. — Я ему после всего этого и в глаза-то смотреть не могу. Как вспомню, что я стояла перед ним голышом, а он тискал меня, и от него несло перегаром... Мне просто умереть хочется! Это все так... противоестественно.

— Ситуация, — протянула подруга. — А может, вам стоит не видеться какое-то время? Потом все поутихнет, уляжется, вы успокоитесь и сможете разумно рассуждать.

— И как ты себе это представляешь? Если ты забыла, то я тебе напомню: мой парень, Кирилл, — Женькин сосед. Мы по-любому будем с ним встречаться. Этого просто не избежать.

Как всегда при упоминании о Змее, лицо Ольги сморщилось, как будто от отвращения. Как и предсказывал Кирилл, после того сеанса гипноза девушка стала его избегать. Она долго недоумевала по поводу теплых чувств, вдруг проснувшихся у нее к этому странному парню, которые прошли так же внезапно, как и возникли. Это ей совсем не нравилось.

— И потом — скоро начнется учеба, а мы с ним вообще-то однокурсники. Так что же нам теперь, всю жизнь бегать друг от друга? — продолжала Татьяна. — Это не выход.

— Другого все равно нет. Впрочем, Женька как-то упоминал, что может в любой момент вернуться в свой родной город, домой. Ты этого хочешь?

Парень на самом деле был нездешним. Он приехал сюда учиться, и когда он сообщил своим родителям, что собирается остаться здесь и после учебы, они купили ему квартиру.

— Чтобы Женька навсегда уехал отсюда? Нет, этого я не хочу.

— В общем, ты сама не знаешь, чего ты хочешь, — подытожила Ольга.

— А я тебе сразу об этом сказала. Что я ничего не знаю.

Девушки помолчали. Потом Татьяна робко спросила:

— Оль... А о том, что между нами произошло... уже все знают?

— Да за кого ты нас принимаешь?! — негодуяще воскликнула подруга. — Женька поделился этим только со мной. Остальные думают, что вы просто поссорились.

Этого и следовало ожидать. Друзей было много, но только Женька, Ольга, Котик и Татьяна были связаны друг с другом более тесными узами, чем с остальными. По крайней мере, раньше были связаны.

— Как он там? Он сказал мне, что больше не пьет.

— Угу, — пробурчала девушка. — Не пьет. И не ест. И почти не спит. От человека одни глаза остались. А все равно смеется. Делает все, чтобы никто ничего не заметил. Потрясающий парень!

— Он всегда им был, — задумчиво сказала Татьяна. — Помню, когда мы с ним познакомились, он сразу же сказал мне: "Как хорошо, что ты не блондинка!" А когда я поинтересовалась, почему, он ответил, что блондинки не в его вкусе.

— Тань, ну что ты его как будто хоронишь? — возмутилась Ольга. — У вас еще все утрясется. Вот увидишь.

— Конечно, утрясется, — согласилась девушка, но в глазах ее было сомнение. — Обязательно.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Время беспощадно. Ему нет дела до наших радостей и горестей, оно просто идет, ни на секунду не замедляя свой бег.

Татьяна сидела перед зеркалом, невидяще уставившись в него, когда в комнату вошла ее мать. Она села на диван и некоторое время наблюдала за ничего не замечающей девушкой.

— Тань, — наконец, сказала она. — Что происходит?

— А? — очнулась от своих невеселых мыслей та. — Ой, мам, я не слышала, как ты вошла.

— У тебя что-то случилось? — участливо спросила женщина. — Ты в последнее время вообще мало что замечаешь.

— Все нормально. У меня все хорошо.

— Раньше ты меня никогда не обманывала, — укоризненно произнесла ее мать. — Всегда делилась со мной своими проблемами. Я же вижу, что у тебя далеко не все в порядке.

— О чем ты?

— Ты все время ходишь какая-то грустная, ничего мне не рассказываешь. Женька больше не звонит и не приходит. Ты даже не хочешь познакомить меня со своим молодым человеком, с которым сейчас встречаешься.

— Я грущу, потому что мы с Женькой поссорились. А мой молодой человек... он... немного странный...

— Это из-за того, что он инвалид? Я много раз видела вас в окошко, надеялась, что ты сама мне о нем расскажешь, но так и не дождалась. Если я не ошибаюсь, это тот самый Кирилл, о котором ты мне тогда говорила? Ну, к которому ты ходила в больницу?

— Да, это он. Но он странный не потому, что он инвалид. Он просто... странный.

— И в чем выражается его странность?

— Ну... он неразговорчивый, необщительный, замкнутый. Можно даже сказать, угрюмый.

— И поэтому ты не хочешь нас с ним знакомить? Ты его стесняешься?

— Нет. Думаю, он сам будет вас стесняться.

— Конечно. Все молодые люди стесняются родителей своих девушек. В этом нет ничего особенного. Так что давай, приводи его к нам, а мы уже решим, странный он или нет.

— Зачем?

— Ну, должны же мы знать, с кем встречается наша дочь. Кстати, давно вы вместе?

— Почти с самого начала лета. Но боюсь, вы будете разочарованы знакомством с ним.

— Из-за его угрюмости? Это не страшно. Тебя же это не пугает?

— Меня — нет. Просто я знаю, какой он на самом деле.

— И какой же?

— Он..., - девушка замялась, пытаясь подобрать подходящие слова. — Он другой. Я не могу этого объяснить.

— Что ж, ты меня вконец заинтриговала. Мне уже не терпится с ним познакомиться.

— Я скажу ему об этом.

— Непременно скажи. А что у тебя случилось с Женькой? Насколько я помню, вы с ним никогда не ссорились.

— Ну, мы не совсем чтобы поссорились, просто...

— Что?

Татьяна посмотрела в ласковые, все понимающие глаза матери и решила сказать правду. Точнее, самую ее суть.

— Понимаешь, оказалось, что Женька... любит меня.

— Не могу сказать, что ты открыла мне страшную тайну, — спокойно сказала женщина.

— Ты знала об этом?

— Ну, не знала, но догадывалась. Стоило только взглянуть на его счастливую физиономию, когда вы рядом, и все становилось ясно.

— Похоже, об этом знали абсолютно все, — пробормотала девушка. — Одна я была слепа, как крот.

— Такое сплошь и рядом встречается, — согласно кивнула женщина. — В любви ведь как бывает: кто-то любит, а кто-то позволяет себя любить. И кто ж тебя просветил насчет Женьки?

— Он сам и просветил.

— Сам? Он что, признался тебе в любви?

— Ну, что-то типа того, — уклончиво ответила Татьяна. В самом деле, не рассказывать же матери обо всех подробностях этого признания?

— Значит, решился все-таки. И что, это повергло тебя в такое отчаяние?

— Ну да. Я же не знаю теперь, как себя с ним вести.

— Как-как... Да как обычно.

— Мам, ты не понимаешь! Мы же с ним всегда были лучшими друзьями, я могла рассказать ему все, даже то, чего не могла рассказать Ольге. А теперь...

— А теперь ты чувствуешь себя рядом с ним некомфортно?

— Ага, — с несчастным видом подтвердила девушка.

— Он просил тебя дать ему шанс?

— Нет. Он хочет, чтобы все было как прежде, чтобы мы оставались друзьями.

— Но ты больше не можешь считать его другом?

— Конечно, не могу. Я же знаю, что он чувствует.

— А ты? Что ты сама чувствуешь?

— Грусть. Сожаление. Наверное, даже обиду. Ведь если бы он сказал об этом раньше, у нас, быть может, все сложилось бы по-другому.

— А сейчас этого не может произойти?

— Нет, — твердо сказала Татьяна. — Не может. Я люблю Кирилла. И поэтому не могу больше встречаться с Женькой.

— Не слишком ли ты категорична, дочь моя? Ты же сама сказала, что Женька ничего не требует от тебя.

— Не требует. Но он хочет этого, хочет, чтобы мы были вместе. Встретаться с ним — значит давать ему ложные надежды. Я так не могу.

— Он все эти годы питал в отношении тебя ложные надежды. И ничего.

— Но я-то тогда об этом не знала. А сейчас знаю. Я не хочу заставлять его страдать еще больше. Он ведь явно из-за меня настрадался, — тихо призналась девушка. — Сколько всего я ему рассказывала, ты даже представить себе не можешь. Когда я ссорилась со своим парнем, к кому я бежала за утешением? К Женьке. Когда мне было плохо, в чью жилетку я плакала? В Женькину. Чье плечо всегда поддерживало меня в тяжелую минуту? Женькино. И я ни разу не задумывалась над тем, что ему, быть может, неприятно выслушивать все то, что я ему говорила. А он, в свою очередь, ни разу этого не показал. И теперь я чувствую себя эгоисткой.

— Ну, это ты зря. Разве Женька сам никогда тебе ничего не рассказывал, разве ты его никогда не выслушивала, не утешала, не поддерживала?

— Поверь мне, это случалось гораздо реже. Женька, он ведь такой. Неунывающий.

— Ты думаешь, ему станет легче, если ты перестанешь обращаться к нему за помощью? Если ты совсем перестанешь к нему обращаться?

— Мам, я не знаю. Но другого выхода я не вижу.

— Что ж, это твоя жизнь, и решение принимать тебе. Но я на твоём месте не стала бы

принимать такие отчаянные меры. Подумай об этом.

Женщина встала.

— А что до твоего Кирилла, не забудь, мы ждем случая с ним познакомиться. Например, завтра. Приводи его к нам на обед. Кстати, и папа будет дома.

— Я поговорю с Кириллом.

— Обязательно поговори. И не грусти. Все будет хорошо.

В этот же день Татьяна рассказала Змею о приглашении матери.

— Придти завтра к вам на обед? Зачем? — тут же последовал вопрос.

— Родители хотят с тобой познакомиться. Я понимаю, тебе, наверное, неловко...

— Да нет, почему же. Я приду.

Девушка удивленно воззрилась на невозмутимого Змея.

— Вот так просто?

— Ну да. А что? Может, ты сама не хочешь, чтобы я пришел?

— Хочу, конечно, о чем речь. Но предупреждаю сразу — тебя завалят вопросами. Они захотят узнать о тебе все, всю твою подноготную. От моих родных так просто не отвертись. Особенно от близнецов. Те вообще невыносимы.

— Я помню.

— Боюсь, мне придется за них краснеть. Причем не раз.

— Думаю, я это как-нибудь выдержу.

— Ты-то выдержишь, а вот я...

Кирилл взял ее лицо в свои ладони, внимательно взгляделся в ее глаза и тихо спросил:

— Таня, почему ты так нервничаешь?

Девушка помолчала, а потом призналась:

— Понимаешь, мои родители... Они же не знают тебя так, как я.

— Ты боишься, что они разочаруются во мне?

Татьяна кивнула.

— Тебе так важно их мнение? — холодно осведомился Змей.

— Конечно, оно важно для меня, но...

— И что, если я им не понравлюсь, они запретят тебе видиться со мной?

— Да нет же!

— А в чем тогда дело?

— Я боюсь, что тебе это будет неприятно.

— Таня, ты слишком много думаешь о других. Тебе страшно, что я не понравлюсь твоим родителям, и ты боишься, что это, в свою очередь, не понравится мне.

— Ну да. А как же мне не думать об этом? Ведь вы же все мне очень дороги...

Вздыхнув, Кирилл привлек девушку к себе и поцеловал. Потом сказал:

— Не думай об этом. Пусть все идет своим чередом. Я только могу пообещать, что постараюсь показать себя твоим родителям с лучшей стороны.

— Только давай без..., - тут же встревоженно вскинулась Татьяна.

— ...Без гипноза. Я понял. Я, в принципе, и не собирался.

— Вот и хорошо.

— Ты, главное, не волнуйся.

— Ладно, не буду, — пообещала девушка.

Однако внутри у нее все сжималось от волнения, когда на следующий день Змей въехал в их квартиру.

— Привет, — неестественно высоким голосом сказала Татьяна. — Знакомьтесь. Это Кирилл, а это моя мама, Юлия Викторовна.

— Здравствуйте, очень приятно, — негромко сказал он и протянул женщине большой букет цветов, лежавший у него на коленях. — Это вам.

— Ой, какая прелесть! Спасибо большое! — восхитилась та. — Пойду поставлю их в воду, а вы пока проходите на кухню. Там вас все ждут.

Она ушла.

— А мне, между прочим, ты цветов никогда не дарил, — прошептала девушка Змею.

— Прости, я об этом как-то не думал, — признался тот.

— А сейчас подумал?

— Это все моя мама. Впрочем, ты можешь быть спокойна — она уже высказала мне все, что думает о нынешних мужчинах, лишенных всякой романтики. Но я обещаю исправиться.

— Я очень на это надеюсь.

Они пришли на кухню, где их уже ожидало остальное семейство Лариных.

— Ну, вот и мы, — объявила Татьяна. — Знакомьтесь. Это мой папа, Александр Васильевич.

— Кирилл, — коротко представился Змей.

Они пожали друг другу руки.

— А это мои братья.

— Эти рожицы я помню. Это — Никита, а это — Митька.

Близнецы от изумления раскрыли рты: парень не ошибся.

— И вовсе я не Никита, — завел было свою шарманку один из них, но Кирилл его перебил:

— Никита, я же тебе уже объяснял, что могу по глазам понять, когда ты врешь.

— Ага, ты говорил, что у меня зрачки расширяются. Ничего подобного, — с обидой заявил тот. — Я все лето пробовал, но у меня так и не получилось.

— У меня же получается. Просто надо очень много тренироваться.

— Очень много?

— Очень-очень много.

— Мне десять лет. Сейчас я вру?

— Врешь.

— Врет, — согласился Митька и с восхищением посмотрел на Змея. — Все он врет, нам одиннадцать.

— Вот это правда, — кивнул Кирилл. — Вам меня не обмануть, даже и не пытайтесь.

— Не будем, — клятвенно заверили его близнецы.

Татьяна улыбнулась. Вот так, с легкостью парню удалось завоевать авторитет у ее зловерных братьев. А ведь этого не удалось сделать даже Женьке!

Обед прошел более-менее нормально. Конечно, не считая случая с близнецами, Кирилл не блистал, но и не замыкался в себе; он мало говорил, но ответил на все интересующие родителей девушки вопросы; он не смеялся и не шутил, но держался спокойно и сдержанно. В общем, кажется, все были довольны, и Татьяна, наконец, расслабилась.

После обеда мужчины перешли в зал, а женщины остались на кухне, чтобы помыть посуду.

— Ну и как он тебе? — с замиранием сердца спросила девушка мать.

— Не заметила в нем решительно ничего странного. Даже немного разочаровалась, — пошутила она.

— Он пообещал мне, что постарается предстать перед вами в своем лучшем виде, — сказала Татьяна. — И, как я понимаю, у него получилось.

— А что, обычно он не такой?

— Обычно он более... гм... холоден.

— Ну, конечно, он далеко не весельчак, а по сравнению с некоторыми так еще и просто молчун, но я не считаю это недостатком. По всему видно, что он серьезный парень.

— Значит, одобряешь? — весело поинтересовалась девушка.

— Целиком и полностью, — торжественно ответила ее мать.

У Татьяны отлегло от сердца.

Близнецы в это время решили проверить, действительно ли Змей их различает, или ему просто повезло. Они выходили из комнаты, бегали друг вокруг друга и вокруг коляски Кирилла, чтобы его запутать, даже переодевались, но все было без толку. Парень безошибочно определял, кто есть кто. И пока Татьяна вытирала посуду, до нее доносилось монотонное:

— Никита... Митька... Митька... Никита... Митька...

Наконец, девушка вызволила Змея из плена братьев, уведя его в свою комнату.

— Ну как? — полюбопытствовал парень. — Я произвел впечатление?

— Неизгладимое, — засмеялась Татьяна. — Особенно на мальчишек.

— А ты боялась.

— Я же не знала, что ты можешь быть таким... обходительным.

— Наверное, это ты на меня так благотворно влияешь.

Кирилл обнял девушку и усадил к себе на колени.

— Раньше мне было безразлично всё и вся, — откровенно сказал он. — А теперь я чувствую, что это не так. Жаль, что я не могу этого показать, но это правда.

— Сегодня ты это показал, — с благодарностью признала Татьяна и поцеловала его.

— Смотри-ка, целуются, — донесся до них шепот.

Девушка обернулась. В приоткрытую дверь за ними наблюдали смеющиеся близнецы.

В другое время она бы засмушалась, покраснела, накричала бы на братьев, чего они от нее и ожидали. Сейчас же она преспокойно повернулась обратно к Кириллу и снова приникла к его губам. Никита и Митька еще некоторое время ошеломленно глазели на них, но потом им это надоело, и они ушли.

Оторвавшись от Змея, Татьяна тихонько засмеялась.

— Похоже, ты тоже благотворно влияешь на меня.

— О чем ты?

— Я стала спокойнее. Более безразличной — в хорошем смысле этого слова.

— А что, в том, чтобы быть безразличным, есть и хорошие стороны?

— С моими братьями — да.

— Что ж, я рад, что смог помочь тебе.

— О да, еще как, — пробормотала девушка и вернулась к своему прерванному занятию.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Приближалась осень, а вместе с ней — начало занятий, поэтому влюбленные старались по максимуму использовать оставшееся время. Они прекрасно сознавали, что во время учебы будут видеться гораздо реже, и стали почти неразлучны. Парень, верный своему обещанию, теперь, что ни день, дарил ей цветы и разные безделушки, так что комната девушки напоминала цветочный магазин. Мать Татьяны была в полном восторге.

В этот день Татьяна пришла к Кириллу. К ее удивлению, Ирина Генриховна была дома. Оказалось, что сегодня должен приехать брат Сергея Алексеевича, поэтому она отпросилась с работы, чтобы его встретить.

— Это тот самый пресловутый дядюшка, который подарил тебе все это? — спросила девушка, обводя рукой комнату, завешанную "сувенирами".

— Угу, — ответил Змей, потирая лоб.

— Что с тобой? Ты не очень хорошо выглядишь.

— Я себя и чувствую не очень хорошо, — признался тот. — Голова болит.

— Выпей каких-нибудь таблеток.

— Пробовал — бесполезно.

— Давай я тебе виски помассирую, — предложила Татьяна. — Говорят — помогает.

— Хорошо.

Парень откинул голову и замер, наслаждаясь, пока девушка осторожно массировала ему голову.

— Чем сегодня займемся? — спросила она.

— Любовью, — последовал незамедлительный ответ.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Но ведь здесь твоя мама, а потом еще и дядя приедет. А у меня — близнецы.

— Как же меня все это достало! — внезапно зло воскликнул Кирилл.

Татьяна даже вздрогнула от неожиданности.

— О чем ты говоришь?

— О невозможности заняться со своей девушкой любовью тогда, когда мне этого захочется!

— Тише, не надо так кричать.

— Я, вообще-то, в своем доме! Хочу — и буду кричать!

— Да что с тобой такое?

Парень вдруг обмяк.

— Прости, — сказал он устало. — Не знаю, что на меня нашло. Эта боль просто сводит меня с ума.

— Бедненький, — погладила его по голове девушка. — Может, вызвать врача?

— О нет! Только не врача. Я им не доверяю. Толку от них никакого.

— Хорошо-хорошо, — быстро сказала Татьяна, опасаясь новой вспышки гнева.

"Что это с ним происходит? — подумала она. — Всегда такой невозмутимый, а тут... Странно".

— Давай тогда пойдем погуляем, — предложила она. — Свежий воздух всегда полезен, особенно когда голова болит.

— У меня нет сегодня настроения гулять.

Разочарованная девушка села в кресло. Змей повернулся к ней. Он и правда выглядел больным: покрасневшие, измученные глаза, дрожащие руки, блуждающий взгляд.

— Давно ты плохо себя чувствуешь?

— С утра. Как проснулся, так и заболел.

— И что же теперь делать? Таблетки не помогают, массаж тоже, гулять ты не хочешь, от врачей отказываешься. Даже и не знаю, что еще можно предложить.

— А ты попробуй...

Обычно бесстрастное лицо Кирилла вдруг исказилось судорогой невыносимой боли; не закончив фразы, он схватился за голову.

— О Боже, — простонал он. — Я сейчас умру.

— Не надо, не умирай! Может, мне позвать твою маму? — вскочила Татьяна.

— Нет... не надо... мне уже лучше...

Он поднял лицо.

— Уже почти все прошло.

Змей взял ее за руку и приложил ее ладонь к своему лбу, который, к ее удивлению, оказался прохладным.

— Сейчас все пройдет, — сказал он и улыбнулся, так, по крайней мере, сначала показалось Татьяне. Потом она поняла, что приняла за улыбку хищный оскал, превративший лицо Кирилла в одну из тех масок, что украшали стены его комнаты. — Сейчас все будет в порядке.

— Ты уверен? Может, все-таки позвать Ирину Генриховну?

— Я же сказал! Все хорошо! — выкрикнул парень. — Ты что, русских слов не понимаешь?!

Девушка выхватила свою руку и попятилась.

— Думаю, мне лучше уйти, — потрясенно пробормотала она. — Ты явно не в себе.

— Нет, нет, пожалуйста, не уходи, — умоляюще сказал тот и снова взял ее за руку. — Не надо. Прости. Я больше не буду.

Татьяне показалось, что в Кирилле происходит какая-то борьба, и победу попеременно одерживают то он сам, прежний, тот, кого она так хорошо знала, то нечто темное, страшное, что-то, чего она знать не желала.

— Голова просто раскалывается, — прошептал парень и облизнул губы. И еще. И еще.

Девушка зачарованно наблюдала, как его язык быстро мелькает между белыми, невероятно острыми зубами. "Ну Змей и есть, — пронеслось у нее в голове. — Странно, я раньше никогда не замечала, какие острые у него зубы..."

Раздался звонок в дверь.

— А вот и твой дядя пришел, — с облегчением сказала она. — Ну что, пойдём его встречать?

— Ага, — снова оскалившись, согласился Кирилл и вдруг резко вывернул ей руку.

Раздался хруст ломающихся костей. Мгновение Татьяна смотрела на ухмыляющегося Змея, словно не веря, а потом страшно закричала. От дикой боли потемнело в глазах. Дальнейшее она воспринимала отрывочно, почти теряя сознание от болевого шока.

В комнату ввалился русоволосый великан и оторвал торжествующего Кирилла от девушки... Темнота... Грохот перевернувшейся коляски... Шум борьбы и барахтающихся на полу тел... Женский крик:

— Да держи его! Держи!

Шипение в ответ. "Это Кирилл шипит, — отстраненно подумала Татьяна, корчась от боли. — Ну правильно, он же Змей..."

Она, видимо, потеряла сознание. Очнувшись она от прикосновения чего-то влажного к сломанной руке. Не в силах открыть глаза, она застонала.

— Тише, девочка моя, тише, — раздался успокаивающий голос Ирины Генриховны. — Сейчас боль прекратится.

Ее что-то кольнуло. Кажется, ей поставили укол.

— Ну как там он? — обратилась женщина к кому-то еще.

— Плохо, — ответил ей мужской голос. — У него весь организм этой дрянью пропитался.

— Помоги ему. Пожалуйста!

— Я стараюсь, стараюсь. Только не смотри ему в глаза!

Татьяна снова потеряла сознание.

В следующий раз она очнулась от того, что кто-то пытался ее перенести. Ее опустили на что-то мягкое. Наверное, на кровать.

— Давай, действуй, — приказал все тот же мужской голос.

— Я не могу... — задыхающийся голос Кирилла. — Я обещал ей... что не буду... больше этого делать... без ее разрешения...

— Сейчас не время думать об обещаниях! — сердито сказал мужчина. — Она пострадала по твоей вине! Так что вперед! Пусть она забудет обо всем!

Девушка открыла глаза и попыталась сфокусировать взгляд. Она увидела перед собой красное, потное лицо Змея.

— Что..., - просипела она. — Я...

— Прости, — прошептал парень.

Золотой свет окутал ее и унес в небытие, туда, где не было больше боли. Туда, где не было больше ничего... Только свет...

* * *

Проснулась Татьяна от звуков плача. Плакала женщина, причем, судя по всему, где-то поблизости. Девушка с трудом открыла глаза и некоторое время смотрела в потолок, не в силах понять, где она находится.

Повернув голову, она обнаружила, что лежит на кровати в комнате Кирилла, который неподвижно лежал рядом с ней. Татьяна попыталась было встать, опираясь на руки, и тут же вскрикнула от неожиданной боли. Ее правая рука оказалась перевязанной и зафиксированной какими-то деревяшками. Девушка поднесла ее к лицу, не веря своим глазам.

Рыдающая женщина при звуке ее голоса тут же вскочила с кресла и подбежала к ней. Это была Ирина Генриховна.

— Танюша, солнышко, как ты себя чувствуешь? — ласково спросила она, вытирая слезы.

— Пока еще не поняла, — призналась Татьяна. — Что со мной? Что случилось?

— У тебя, по-видимому, сломана рука. Я сделала тебе обезболивающий укол и фиксирующую повязку. Скоро приедет "скорая".

— Сломана рука?! Как это получилось?

— Кирюша... Ему стало плохо, и он упал с коляски, придавив тебя своим телом. Вот рука и не выдержала.

Девушка посмотрела на Змея. Тот лежал на спине рядом с ней, его лицо было мокрым от пота, влажные волосы прилипли к шее. Он был без сознания.

— Ты разве не помнишь? — спросила Ирина Генриховна.

— Смутно... Я пришла к вам, и Кирилл сказал, что сегодня приезжает брат вашего мужа...

— Все верно, он уже приехал, — подтвердила женщина.

— А потом... потом...

Татьяна силилась вспомнить.

— У Кирилла, кажется, болела голова, — наконец, сказала она.

— Да, все верно. У него с утра была дикая головная боль, и в конце концов он потерял сознание и упал. К несчастью, ты стояла прямо перед ним, и он упал на тебя.

Этого девушка не помнила. Впрочем, что-то такое... грохот упавшей коляски... а потом... Нет, ничего не получается. Дальше был только сплошной золотистый туман, надежно укрывший память своей тонкой, но непроницаемой дымкой.

— Как он? — спросила Татьяна.

— С ним все будет хорошо. Я дала ему сильное лекарство. Он какое-то время проспит, а потом все будет в порядке.

— Может, ему тоже надо в больницу?

— Нет-нет. С ним такое уже случалось. Я знаю, что надо делать, — поспешно ответила Ирина Генриховна.

Девушка кивнула и обессиленно прислонилась головой к стене. Действие укола начинало спадать, и к руке возвращалась чувствительность. Это было неприятно, но пока терпимо.

— "Скорая" сейчас приедет, — заметив болезненную гримасу на лице Татьяны, сказала женщина. — Потерпи немного. На вот, выпей пока.

Она подала девушке кружку с каким-то напитком. Татьяна сделала глоток. Напиток оказался немного терпким, но ощутимо взбодрил ее.

— Спасибо, — сказала она, возвращая кружку. — Мне надо позвонить родителям. Они будут волноваться.

— Я сама хотела им позвонить, но не знала твоего номера. Кирюша, он ведь никогда ничего не записывает, все держит в памяти, поэтому я обратилась к парнишке по соседству. Вы ведь с ним, кажется, друзья?

— Друзья, — согласилась девушка. — Были...

— Он позвонил твоим родителям, а сам сейчас стоит под дверями, волнуется. Сказал, что будет врачей встречать.

Женька, Женька... Как на него это похоже...

Скоро приехали врачи, но к Татьяне за это время вернулась боль, поэтому она все воспринимала как в тумане. Обеспокоенное лицо Женьки, когда она спускалась в машину "скорой помощи"... Больница, регистратура, где ее уже дожидались встревоженные родители... Какие-то процедуры, которые проделывали врачи с ее бедной рукой... Наверное, ей опять дали

обезболивающее, потому что когда девушка вошла в свою палату, она рухнула на койку и тут же провалилась в беспокойный сон.

* * *

Татьяне пришлось на некоторое время остаться в больнице. Ей был предписан полный покой. Молоденькая врач, пришедшая на осмотр, сказала, что им нужно проследить за тем, чтобы рука срасталась правильно. Как только они решат, что все идет нормально, девушку отпустят домой. Выяснилось, что у нее сложный перелом запястья.

Как оказалось, лежать в больнице не так уж и плохо. К ней каждый день наведывались друзья, они натаскали ей огромную кучу фруктов, а Женька даже принес ей цветы и маленький телевизор, чтобы было не так скучно. Они с Татьяной почти не разговаривали, потому что парень никогда не приходил один, но даже в такие минуты она видела, как трудно ему сохранять в разговоре все тот же непринужденный тон, что и раньше. Впрочем, ей было не легче.

Однако первым к ней, конечно же, приехал Кирилл. Как только настало время для свиданий, Татьяна тут же увидела в толпе посетителей его коляску. Змей был очень взволнован, хотя, как обычно, ничем этого не показывал. Они сели на скамейку в приемном покое, и парень тут же прижал ее к себе.

— Господи, солнышко, как же ты меня напугала! — пробормотал он. — Это все из-за меня. Прости, прости меня, пожалуйста.

— Кирюш, перестань. Ты ни в чем не виноват, — утешала его Татьяна.

— Да как же не виноват! Мама сказала мне, что я грохнулся на тебя, когда упал с коляски.

— А ты сам этого не помнишь?

— Нет. Я вообще тот день плохо помню.

— Вот и я не помню, — улыбнулась девушка. — Нас с тобой поразила общая амнезия.

— Боже мой, ты еще и шутишь!

— А что мне еще остается делать? Не рыдать же теперь постоянно над моей сломанной рукой. Рука что, срастется.

— Но ведь я мог тебя покалечить.

— Это каким же образом? Ты же не шкаф.

— Ну, не шкаф, конечно, — согласился Кирилл, — но и не пушинка.

— А сколько ты вешишь? — заинтересовалась Татьяна.

— Примерно 90 кгэ живого веса, не считая коляски.

— Ого! Слушай, а какой у тебя рост? По сидящему человеку очень трудно определить, насколько он высок.

— Метр девяносто восемь, — почти застенчиво признался Змей.

— Ничего себе громадина! — поразилась девушка. — А ведь так сразу и не поймешь. Нет, я, конечно, предполагала, что ты высокий, но чтоб настолько!

— Вот я и говорю, что вполне мог тебя покалечить.

— Ой, да ладно ты! Несмотря на твои габариты, ты же не конь, в конце концов. Так что не стоит и думать об этом.

— Как я могу не думать?

— Вот так. Я же не думаю.

— Твоя рука... как она? Болит?

— Болит, конечно, но терпимо. Бывало и хуже.

— Я могу помочь, — тихо сказал Кирилл, осторожно беря ее за гипсованную руку.

— Как? — удивилась девушка.

— Могу сделать так, чтобы ты о ней не думала. А когда человек забывает о боли, она притупляется.

— Хорошо, давай попробуем.

И парень действительно помог ей. Едва свет его глаз озарил все вокруг, она забыла не только о боли, Татьяна позабыла обо всем, купаясь в этих золотых лучах.

— Здорово! — выдохнула она, едва вернувшись к реальности. — Вот так бы всю жизнь и сидела. Спасибо.

— Не за что. Это меньшее, что я могу сделать.

Но что-то не давало девушке покоя. Что-то, связанное с этим самым светом.

— Кирилл, а ты правда не помнишь тот день? — вдруг спросила она.

— Нет. А что?

— А с тобой вообще такое часто бывает?

— Ну... бывает иногда.

— И ты никогда ничего не помнишь?

— Ну да. А что такое?

— Понимаешь... когда я пытаюсь вспомнить этот день, мне как будто что-то мешает. Как будто кто-то заставил меня...

— ...все забыть? — закончил за нее Змей. — Ты думаешь, что это я?

— Я не хочу тебя обидеть, но из всех моих знакомых только ты обладаешь таким даром.

Кирилл пристально посмотрел на нее, и Татьяне стало неловко за свои подозрения.

— Тань, я клянусь тебе, что ничего такого не делал. Я обещал тебе, что никогда больше не буду гипнотизировать тебя без твоего на то согласия. А я никогда не нарушаю своих обещаний. Я не помню, что случилось в тот злополучный день, я знаю о произошедшем лишь со слов своей матери. Ты мне веришь?

Его глаза настойчиво искали ее взгляда, словно пытаюсь прочесть в ее глазах ответ на заданный вопрос.

— Конечно, верю, — ответила девушка. — Прости. Конечно же, я верю тебе.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Да ладно тебе, пойдем, — уговаривала Ольга Татьяну. — Это же последняя возможность поколбаситься перед началом учебного года! Потом уткнемся в свои учебники, и будет уже не до вечеринок.

— Так оно так, — с сомнением протянула девушка, — но что-то настроения нет.

— Зато когда оно появится, шанс будет упущен, — упорствовала подруга. — Хватит уже кукситься, пойдем, встряхнемся!

— Но я же только-только с больницы выписалась. Мне, вообще-то, полный покой прописали.

— У тебя же рука сломана, а не ноги. Посидим, выпьем, потанцуем. Неужели тебе не надоело в четырех стенах сидеть? Или ты из-за своего Змея идти не хочешь? Ну так бери его с собой, никто ж не против.

— Кирилл здесь вовсе ни при чем. Просто...

— Что просто? Ты пойми, там же все наши будут. Пашка Сирота с Маринкой из Египта вернулись. Настюха Маркова — из Питера. Ленка Бабенко, Гоча, Надька с Миловановой, Серега Трушин... Короче, все придут. А ты у нас одна, как королева, решила не идти.

— А Женька?

— Что — Женька? — не поняла Ольга. — Естественно, он тоже будет. Без него и праздник — не праздник. А-а-а, ты его все еще избегаешь? Странно, я думала, вы помирились в больнице.

— Да мы как бы и не ссорились. Мне просто неловко теперь рядом с ним находиться.

— Ой, насмешила. Неловко ей! Там будет почти тридцать человек! Я думаю, ты уж как-нибудь сможешь сделать так, чтобы между тобой и ним находилось как минимум пятнадцать из них. Ну так что, ты пойдешь? Учти, я уже на грани того, чтобы рассердиться. А в гневе я страшна.

— Уж кому это знать, как не мне. Хорошо, я скажу Кирюше.

— А что, он может быть против?

— Не знаю. Обычно он всегда за. Но ведь могут же у человека быть свои планы. А без него я, скорее всего, не пойду.

— Ох уж этот Кирилл! — воскликнула Ольга. — Из-за него одни неприятности!

— Эй, полегче! Ты все-таки о моем парне сейчас говоришь, — возмутилась Татьяна.

— Мне никто не запретит говорить правду. Ведь так оно и есть — с тех пор, как появился этот Змей, у нас одни неприятности.

— Например?

— Пример? Да сколько угодно. Во-первых, из-за него ты половину лета провела в депрессии. То тебе стыдно из-за того дурацкого случая, когда ты пригласила его на танец, то ты с ним поссорилась, то ты с Женькой из-за него поссорилась...

— Я с Женькой не ссорилась! И уж тем более из-за Кирилла!

— Ладно, не ссорилась. Просто перестала общаться. Но почему? Потому что Женька пьяный обнаружил тебя с Кириллом в собственной постели и наломал дров. Опять Кирилл!

— Можно подумать, что если бы я в постели была одна, ничего бы не произошло, — пробурчала девушка.

— Может, и произошло бы, но совсем другое, — лукаво сказала подруга.

— Тьфу на тебя!

— А на тебя три раза, — парировала Ольга и продолжала: — На чем я закончила? Ага! Из-за своего разлюбезного Змея ты почти перестала общаться со всеми своими друзьями, включая и меня. Раньше такого не случалось. Даже когда у тебя появлялся парень, ты просто приводила его к нам, и мы тусили все вместе. А теперь ты явно предпочитаешь проводить время с ним!

— А вы без меня прямо жить не можете, — съязвила Татьяна, которую уже начал раздражать этот перечень "недостатков" Кирилла.

— Можем. И живем. Но сейчас речь не об этом. А о том, сколько бед нам принесло появление Змея в нашей жизни. И вообще, не перебивай меня. И вот мы подошли к самому главному — из-за Кирилла ты даже загремела в больницу!

— Оль, да ладно тебе! Ну стало человеку плохо, ну упал он на меня, так что ж, теперь винить его в этом?

— Плохо ему стало! — не успокаивалась подруга. — То у него коматоз, то обморок. Чего ж он у тебя такой болезный? С виду — так скала скалой, а на деле — чихнешь на него, он и скопытится.

— Харитоновна, ты испытываешь мое терпение! — угрожающе воскликнула девушка.

— Ну вот, — плачущим тоном сказала Ольга, — из-за него и мы сейчас с тобой поссоримся. Откуда он вообще взялся на нашу голову? Раньше ведь никто о нем ничего не знал.

— Если мы и поссоримся, то уж точно не из-за него, а из-за тебя. А откуда он взялся — так он всегда в этом доме жил. Просто раньше он почти все время сидел дома.

— И чего бы ему и сейчас не продолжать так делать? Ладно-ладно, все, молчу.

— Оль, ну чего ты так завелась? Кирилл тебе не нравится, это я уже давно поняла, но...

— Не нравится? — перебила ее девушка. — Это еще мягко сказано. Да я от него просто в ужасе! Да и кому он вообще может нравиться, такой нелюдим? Вот смотри. Эй, Никимитька! —

позвала она пробегающего мимо Никитку. — Иди-ка сюда.

— Чего надо? — шмыгнув носом, с подозрением спросил тот.

— Скажи мне, как тебе новый хахаль твоей сестры?

— Кирилл-то? Классный парень.

— Да? — удивилась Ольга. — И чем же это он такой классный?

— Он нас различает, — с благоговением ответил мальчуган и умчался.

Татьяна с улыбкой наблюдала за выражением лица подруги. Та подняла руки.

— Всё, я сдаюсь. Я поняла. Кирилл — черный маг, и он вас всех заколдовал. К счастью, на меня его чары не действуют.

— Как это не действуют? — со смехом переспросила девушка. — А помнишь тот день, когда мы все вместе пошли к Женьке? Насколько я помню, ты мне тогда сказала, что ошибалась в Кирилле.

— Ну точно! Я ж говорю — маг! Прочистил мне мозги, но я быстро его раскусила и вернула себе способность здраво рассуждать.

— Фантазия у тебя, Харитоновна, — прямо хоть сейчас садись книги писать.

— Другого объяснения я просто не могу найти. Ты его любишь, близнецы от него в восторге... Я не удивлюсь, если и твоим родителям он нравится.

— Именно так, — спокойно подтвердила Татьяна. — Он приходил с ними знакомиться и произвел на них благоприятное впечатление.

— Мир сошел с ума, не иначе, — сокрушенно прошептала Ольга. — Я умываю руки. Ну так что, ты идешь на вечеринку? — мгновением позже спросила она своим обычным голосом.

— Иду, если ты обещаешь мне больше не цепляться к Кириллу.

— Думаю, у меня на этом мероприятии будет масса куда более приятных занятий.

— Язва. Так во сколько намечается сие событие?

— В восемь. На старом месте. И просьба не опаздывать.

Ольга встала.

— Ладно, я пойду. Мне еще надо сделать кучу дел: ну там, маникюр, педикюр и все такое...

— А смысл? — поддразнила ее подруга.

— Да так, чтобы время убить, — со смехом ответила та и ушла.

* * *

Кирилл ничуть не удивился сообщению Татьяны, что она сегодня идет в ночной клуб на студенческую вечеринку "Прощание с летом", и выразил свою готовность сопровождать ее на

это мероприятие. Они договорились встретиться у него дома.

Когда парень открыл ей дверь, она невольно ахнула от восторга. Темно-синяя футболка без рукавов облегла его тело, подчеркивая мощный торс и обнажая мускулистые руки с неперенной змейкой на левом запястье; синие же потертые джинсы прекрасно дополняли его, в принципе, немудреный, но достаточно соблазнительный, по мнению Татьяны, наряд.

— Потрясно выглядишь, — сказала она. — Прямо так и съела бы тебя... глазами.

— Можно и не только глазами, — ответил тот, притягивая ее к себе, и девушка в мгновение ока оказалась у него на коленях. — Ты, кстати, тоже выглядишь очень... м-м... аппетитно.

Он начал покрывать ее шею поцелуями, отчего у Татьяны мурашки пошли по телу.

— Кирилл..., - неуверенно попыталась возразить она. — Мы же опоздаем...

— Не опоздаем. А если и так — ну и черт с ним. Я соскучился.

"А и правда — черт с ним!" — подумала девушка и запрокинула голову, позволяя губам Змея унести ее в мир блаженства.

— Ну вот, весь макияж насмарку, — посетовала Татьяна, стоя обнаженной перед зеркалом и рассматривая свое лицо. Потом посмотрела на невозмутимого Кирилла, все еще лежащего в постели, и рассмеялась: такой довольный у него был вид, несмотря на всю свою бесстрастность. — Ты бы хоть предупредил заранее, что ли. Я б тогда не красилась.

— Хорошо, — ответил тот, любуясь ее точеной фигуркой. — Думаю, тогда тебе вообще не стоит краситься.

— Ненасытный! Давай собирайся, мы и так уже опаздываем.

— Пока ты красишься да одеваешься, я еще и вздремнуть успею.

— Вставай-вставай, а то я, глядя на тебя, пошлю к чертям эту вечеринку и останусь здесь.

— Я не против.

— Кто бы сомневался. Но тогда Ольга точно меня убьет. Она и так уже сегодня была близка к этому.

Змей неохотно сел.

— Ты слишком много думаешь о других, — проворчал он, подбирая с пола футболку и облачаясь в нее.

— А вот она, наоборот, считает, что я слишком много думаю о тебе. Да и не только думаю, но и уделяю тебе все свое внимание.

— Она ревнует, — заявил Кирилл.

— Ага. Ладно, я побегу в ванную, а ты пока собирайся.

Когда Татьяна, одевшись и приведя себя в порядок, вошла в комнату, у парня перехватило дыхание. Черное короткое обтягивающее платье, волосы, в живописном беспорядке

разметавшиеся по плечам, сверкающие глаза, блестящие губы... Девушка была просто бесподобна.

— Ну, как я тебе? — покружившись перед онемевшим Кириллом, осведомилась она.

— Божественно, — ответил тот ровным голосом, хотя внутри него все трепетало от восторга.

— А в первый раз ты этого не заметил?

— В первый раз я думал о другом.

— Шалун! — шутливо погрозила она ему пальцем. — А ты почему до сих пор не готов?

— Да понимаешь, там кто-то ванную занял на целых полчаса, — сообщил Змей, — а мне туда ну просто до зарезу нужно.

Оставшись одна, девушка села в кресло. Она заметила на столе возле компьютера какой-то альбом, взяла его и стала рассеянно листать. Это оказался старый фотоальбом. С пожелтевших фотографий на нее смотрели юная Ирина Генриховна — красивая девушка с веселыми глазами, молодой Сергей Алексеевич — щеголеватый парень в брюках-клевш, и другие люди, ей незнакомые. Когда Татьяна дошла до свадебных фотографий, в комнату въехал Кирилл.

— Я тут нашла альбом и решила посмотреть, — сказала девушка, поднял голову. — Ты не против?

— Да нет, смотри. Это отец с Русланом сегодня утром молодость вспоминали.

— Руслан — это твой дядя?

— Да. Вот он.

На цветной фотографии, на которую указывал парень, Татьяна увидела русоволосого синеглазого мужчину, держащего на коленях очаровательного малыша лет трех.

— Где-то я его уже видела, — раздумчиво произнесла девушка, — но никак не могу вспомнить, где именно... А кто это с ним? Твой двоюродный брат? Так на тебя похож.

— У меня нет братьев. И сестер тоже. А на меня похож, потому что это я и есть.

— Не может быть! — изумилась Татьяна. — У этого мальчика темные волосы и синие глаза, а ты у меня рыжеволосый и зеленоглазый.

— Ну, у детей же такое бывает. Сначала они все похожи друг на друга, а потом у них внешность меняется.

— Меняться-то она, конечно, меняется, — с сомнением протянула девушка, — но чтоб так радикально... К тому же здесь тебе, наверное, уже года два-три, а в это время внешность обычно уже устанавливается. И вообще, давно хотела у тебя спросить: как так получилось, что у светловолосого мужчины и темноволосой женщины родился такой рыжик, как ты?

— Ну, наверное, у нас в родне были рыжие. Какой-нибудь там троюродный дедушка. Вот я в него и пошел.

— Или в соседа? — улыбнулась Татьяна. — Ладно, не парься, я пошутила. Ну что, ты готов?

— Всегда готов.

— Тогда пошли.

* * *

На вечеринку они все-таки опоздали, хотя и не очень. Организаторы этого праздника (среди которых, естественно, был и Женька) заказали несколько банкетов, за которыми и сидели все присутствующие. Упав на стул рядом с Ольгой, Татьяна выпалила:

— А вот и мы!

— Да неужели! — пробурчала подруга. — А я уж и не надеялась.

— Ты чего такая злая?

— У нее дни критические начались, — доверительным шепотом сообщил Котик.

— А-а, ну тогда все ясно.

— Что вам ясно! — взвилась Ольга. — Что б вы понимали в моей тонкой психологии!

— Зато мы прекрасно понимаем твою не менее тонкую физиологию, — парировала Татьяна.

Они засмеялись. Тем временем остальные сдвигали стулья, чтобы между ними могла поместиться коляска Кирилла.

Татьяна поприветствовала всех присутствующих и представила Змея тем, кто его еще не знал. Сегодня здесь собрались почти все те ее однокурсники, кого она не видела целое лето. Они подходили к их столику, девушка, в свою очередь, подсаживалась к ним — в общем, спокойно посидеть практически не удавалось. Но когда суматоха, вызванная взаимными приветствиями и расспросами о жизни, немного улеглась, Татьяна вернулась к Кириллу, спокойно сидящему на своем месте.

— Ну как ты тут? — спросила она. — Не скучаешь?

— Я всегда без тебя скучаю, — заявил тот, поставив бокал с вином на столик и обнимая девушку.

— Все, больше я от тебя ни на шаг. Со всеми встретилась, поздоровалась, выполнила, так сказать, свой долг. Теперь могу и отдохнуть.

К ним подлетела Наташка Атанова, ее сокурсница.

— Танюха, пошли потанцуем с нами! Женским, так сказать, коллективом.

— Нет, я лучше со своим парнем посижу, — отказалась та.

— Так бери его с собой, вместе потрясемся.

Тут взгляд Наташки упал на коляску Змея, и она потрясенно выдавила:

— Ой, извини.

— Ничего. Тань, ты иди, потанцуй, я тебя подожду.

— Ты уверен?

— Иди-иди. Со мной все будет в порядке.

— Ладно. Я ненадолго.

— Хорошо.

Девушки убежали на танцплощадку. Танцует Татьяна нет-нет да и искала взглядом Кирилла. Тот все так же сидел за столиком, попивая вино и вполуха слушая сидящего рядом парня, Дениса Крымцова. Девушка по своему опыту знала, что Денис очень любит поговорить, не давая собеседнику возможности вставить слово, и переслушать его невозможно. Сейчас же он явно нашел подходящего слушателя и всю этим наслаждался.

— Кого ты там постоянно высматриваешь? — спросила Татьяну Маринка. Она проследила за взглядом девушки. — Того, рыженького? Симпатичный мальчик. Твой парень?

— Да, — с гордостью ответила та.

— Ну молодец, такого красавчика себе отхватила!

— Красавчик! — презрительно фыркнула танцующая рядом Ольга.

— А что, тебе он не нравится? А по-моему, очень даже ничего, даром что на коляске.

— И характер у него тоже ничего. Причем совсем ничего.

— В смысле? — непонимающе спросила Маринка.

Ольга перехватила направленный на нее гневный взгляд подруги и благоразумно промолчала.

— Она имеет в виду, что он у меня не очень разговорчив, — пояснила Татьяна.

— Так это даже хорошо.

— Вот и я о том же.

— Девчонки, а чего это Женька сегодня такой мрачный? — вклинилась в разговор Настя. — Никогда его таким не видела.

Ольга посмотрела на Татьяну и снова промолчала.

— Он со своей подругой недавно разошелся, — ответил Котик, энергично двигающийся в танце пятой точкой своего тела. — Переживает.

— Бедненький, — далеко не сочувствующим тоном сказала Надька, и глаза ее хищно блеснули. — Надо утешить страдальца.

Покачивая бедрами, она двинулась по направлению к столику, за которым сидел Евгений, с недовольным видом потягивающий безалкогольный коктейль. Свое обещание, данное Татьяне, он с тех пор неукоснительно соблюдал.

— И когда же она успокоится? — вздохнула Настя. — По-моему, давно пора понять, что здесь ей ничего не светит. Упорная девушка.

Вот так, за разговорами, сплетнями, танцами и (естественно!) распитием спиртных напитков и шла вечеринка. К тому времени, как Татьяна вернулась за свой столик, Кирилл уже влил в себя изрядное количество вина и стал, как он и говорил, почти нормальным: шутил, смеялся, поддерживал разговор с соседями по столику. У Ольги чуть челюсть не упала, когда Змей ослепительно ей улыбнулся и подмигнул. А Татьяне стало смешно, когда она заметила, как Ленка, столько раз раньше видевшая парня и все же не замечавшая его, теперь откровенно пожирает его глазами, особенно, когда он снял свой кожаный пиджак и она увидела его футболку, отчетливо обрисовывающую его впечатляющую мускулатуру.

Из клуба вышли уже во втором часу ночи и группками разбрелись кто куда. Татьяна со Змеем шли вместе с Пашкой, Маринкой, Женькой и повисшей на нем Надькой, шли, весело переговариваясь, горланя песни и смеясь. Уже почти у самого дома, где жили Кирилл и Евгений, путь им преградила группа парней с обритыми наголо головами.

— Веселитесь? — осведомился один из них, видимо, самый старший. — А что за повод? Скажите нам, может, мы тоже посмеемся.

Девушки испуганно притихли, прячась за спинами своих друзей.

— Дайте нам пройти, — негромко сказал Женька. — Мы не хотим неприятностей.

— Каких неприятностей, о чем ты! — осклабился второй "скинхэд". — Мы просто немного позабавимся, и все. Инвалида, так уж и быть, не тронем, разве что только коляску у него возьмем. Покататься!

Они загоготали. Женька с Пашкой напряглись, один Кирилл продолжал холодно улыбаться.

— Чё ты лыбишься? — заметил это первый. — Будешь так продолжать, мы можем и передумать насчет тебя.

И он взмахнул бейсбольной битой, которая была у него в руке.

Девчонки взвизгнули, Змей же не дрогнул.

— Стоять! — резко сказал он.

Глаза его загорелись зеленым светом, как у кошки. "Скинхэды" замерли на месте, с ужасом глядя на парня.

— Что с ними сделать? — тихо спросил Кирилл Татьяну, не отпуская хулиганов. — Одно твое слово — и они до конца жизни будут писаться в штанишки и пускать слюни.

— Пускай уходят, — прошептала девушка, с отвращением глядя на бритоголовых. — Ты же не можешь внушить им, чтобы они были белыми и пушистыми.

— Могу, но только на короткое время. А вот свести их с ума — на раз!

— Пускай уходят, — повторила Татьяна. — И по крайней мере сегодня больше никого не трогают.

Глаза Змея потухли, и он отвернулся от "скинхэдов", которые с дикими воплями бросились

наутек.

— Что это с ними? — спросил недоумевающий Пашка, потихоньку расслабляясь.

Маринка, вцепившаяся ему в плечи, ответила:

— Они как будто привидение увидели.

— Это Кирюха что-то сделал, — заявила заплетающимся языком Надька.

Тот широко улыбнулся.

— Наденька, ты мне льстишь. Разве что только они испугались моего громового голоса.

— По-моему, они слышали милицейскую сирену, — выдвинула предположение Татьяна.

— А почему мы ее не слышим?

— Наверное, машина мимо проехала.

И, наклонившись к уху Кирилла, прошептала:

— Я тобой горжусь. Ты молодец!

Чтобы не искушать судьбу (те парни ведь могли притаиться где-нибудь поблизости), Пашка, Маринка и Надька остались ночевать у Женьки. Последняя была особенно рада этому обстоятельству.

— Тань, может, ты с нами? — обеспокоенно спросила Маринка. — А то тебе до дома еще добираться.

— Она останется у меня, — заявил Змей, по-хозяйски обняв девушку за талию. — Правда?

Немного поколебавшись, Татьяна все же ответила:

— Правда.

Необычайно молчаливый Женька потемнел лицом и сухо сказал:

— Ну тогда пошли.

У двери Женькиной квартиры друзья попрощались и разошлись. Татьяна вдруг засомневалась.

— Ты опять стесняешься моих родителей? — пронизательно спросил Кирилл.

— Ну да.

— Все будет в порядке. Они все поймут. И потом — я же с тобой. Я не дам тебя в обиду.

И он чуть ли не силой втащил ее за собой в квартиру.

* * *

Проснулась Татьяна посреди ночи от сильнейшей жажды. Она не стала будить Кирилла (да это, судя по всему, и не помогло бы) и тихонечко прокралась на кухню. Утолив жажду, она задела

ногой блюдечко, стоявшее на полу, и, опустив глаза, увидела рядом с ним что-то темное.

"Домовой? — в смятении подумала она, но, взглядевшись, облегченно вздохнула — это оказался браслет Змея. — Наверное, он тоже вставал попить и обронил его".

Татьяна присела на корточки, чтобы поднять безделушку, и остолбенела: змейка подняла голову и испустила тихое, но вполне различимое шипение!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— Змея! — не своим голосом завопила девушка и запрыгнула на ближайший стул.

Она не верила своим глазам: змейка, так похожая на хорошо ей знакомый браслет Кирилла, ползла по кухне! Татьяна с опаской следила за передвижениями пресмыкающегося, когда на кухне вдруг загорелся свет.

— Что такое? — спросила вошедшая.

— Осторожнее, Ирина Генриховна! Там змея! — закричала девушка. — Рядом с вами!

Женщина с поразительным для ее возраста проворством вскочила на соседний стул. Змейка прошмыгнула почти что под самыми ее ногами и выскользнула из комнаты.

Ирина Генриховна повернулась к потрясенной Татьяне и будничным тоном, как будто ничего не случилось, поинтересовалась:

— Таня, а что ты здесь делаешь?

— Что? А-а... Я... меня Кирилл пригласил, — пролепетала та. — Да это неважно! Надо срочно всех разбудить!

— Что значит — тебя Кирилл пригласил?

— Да проснитесь же вы наконец! У вас по дому змея ползает! Она же наверняка ядовитая и может кого-нибудь укусить!

— Успокойся, никого она не укусит. Видишь, блюдце с молоком почти пустое. Значит, она успела его выпить прежде, чем ты ее спугнула, и теперь она сыта, — ровным голосом объяснила женщина. — Сейчас свернется где-нибудь и уснет.

— Вы так спокойно об этом говорите. Вы что, знали о ее существовании? Это ваша змея? И вы выпускаете ее по ночам прогуляться? — пораженно спросила девушка.

— Да, — коротко ответила Ирина Генриховна.

— Что да?

— Это ответ на твои вопросы. Да, я знаю о ее существовании, да, это наша змея, и да, мы выпускаем ее по ночам.

— Она, что же, не ядовитая?

— Ну почему же... очень даже.

— Так почему же вы ее выпускаете?

— Потому что у нас ночью обычно все спят.

— Ничего не понимаю, — пробормотала Татьяна. Ей казалось, что она все еще спит, и ей снится нелепый сон. — Голова идет кругом... А почему Кирилл меня не предупредил? Он мне ни разу не говорил, что у вас дома есть змея.

— Ну, наверное, потому, что он сам об этом не знает.

— Он не... Как это возможно?!

— Что тут случилось? Что за крики? — раздался чей-то заспанный голос.

На кухню вошел полуголый мужчина, в котором девушка сразу узнала дядю Кирилла.

— Руслан, Таня видела змею, — бесстрастным голосом сказала Ирина Генриховна.

— Ту самую змею? — понимающе переспросил тот.

— Ту самую змею.

— Что значит — "ту самую змею"? Что происходит? — жалобно спросила Татьяна.

Руслан подошел к ней и помог спуститься со стула. Женщина спустилась сама.

— Танюш, не волнуйся. Я, конечно же, пошутила, — успокаивающим голосом сказала она. — Просто мы решили сделать сюрприз и подарить Кирюше змею — он же давно ими увлекается, ты знаешь об этом. И никто ее не выпускал, она сама, наверное, выползла из клет...

— Ирина, — негромко произнес Руслан. Та осеклась и посмотрела на него. — Думаю, тебе пора сказать правду.

— Зачем? — устало спросила она, опустив плечи. — Зачем ей правда?

— Нужно сказать ей правду, — повторил мужчина. — Она так много перенесла, что заслужила это право.

Девушка примолкла, давая взрослым возможность разобраться. Она чувствовала, что происходит что-то важное, что-то, что изменит ее жизнь.

— Я не думаю, что стоит это делать, — упрямо проговорила Ирина Генриховна. — Ей вовсе незачем знать.

— Ты неправа. Пойми, она любит твоего сына! И он любит ее! Рано и поздно она заметит неладное, и, если не сказать ей правды, это может отпугнуть ее. Кирилл снова останется один. Ты ему этого желаешь?

— Нет, но...

— Я не видел Кирилла полгода. А когда увидел — не поверил своим глазам, так он изменился. И все благодаря этой девушке. Неужели она не заслуживает права знать все о своем парне?

— Но...

— Да пойми же ты — ведь мы с тобой не вечны. Ты знаешь, что Кириллу требуется специальный уход. И кто ему его обеспечит, если с нами что-нибудь случится?

— Со мной ничего не случится, — непререкаемым тоном сказала женщина. — И я сама справлюсь со своим мальчиком.

— Он уже давно не мальчик. Он взрослый мужчина, и он не будет всю жизнь жить возле тебя. Когда-нибудь он захочет уйти, и ты не сможешь его остановить. И что тогда? Кто будет присматривать за ним? В конце концов кто-нибудь может пострадать, и все потому, что ты не решилась сказать правду.

— И что же, мне теперь рассказывать ее каждой девушке, с которой у него будут отношения? — все еще упиралась Ирина Генриховна, хотя было видно, что доводы Руслана почти убедили ее.

— Зачем же вы так? — тихо произнесла Татьяна. — Я люблю Кирилла и не хочу с ним расставаться.

— Ира, я очень надеюсь, что ты сама поняла, какую глупость сейчас сказала, — упрекнул ее Руслан. — Твоему сыну 24 года, и Таня — первая и, вполне вероятно, единственная девушка, которая принимает Кирилла таким, какой он есть, несмотря на все его странности, которым она даже не знает объяснения.

Женщина молчала. Татьяна видела, как ее буквально раздирают сомнения, и решила вмешаться.

— Расскажите мне, пожалуйста, — попросила она. — Я хочу знать все о Кирилле, хочу помочь ему, чем смогу.

— Я даже не знаю, с чего и начать, — поколебавшись, сдалась та.

— Расскажите мне об этой змее. Откуда она взялась? Что она здесь делает? И почему она так похожа на браслет Кирилла?

— Да потому, — ответила на ее последний вопрос Ирина Генриховна, — что это он и есть.

— Вы хотите сказать, что эта змейка — и есть браслет? — недоверчиво переспросила девушка. — Не может быть! Это же абсурд! Я столько раз брала ее в руки, и могу поклясться, что это самый обычный браслет!

— В этой истории, которую я тебе сейчас расскажу, девочка моя, слова "абсурд" и "не может быть" будут повторяться очень часто. Ты все еще хочешь знать ее?

— Рассказывайте, — глубоко вздохнув, решительно ответила Татьяна. — После всего того, что я увидела и узнала за последние три месяца, меня уже ничем не удивишь.

— Не зарекайся, — мрачно сказала женщина.

— Ладно, давайте я начну, — предложил Руслан. — В конце концов, то, что произошло, отчасти моя вина. Итак, все это началось двадцать один год назад...

* * *

— В то время Кириллу было три года, и он был самым обычным малышом: подвижным,

любопытным, везде сующим свой маленький нос. Трагедия произошла, когда я вернулся из одной из своих экспедиций. Кирилл, наверное, рассказывал тебе, что я занимаюсь изучением разных диких племен и в связи с этим путешествую по всему миру. Я очень люблю своего племянника и постоянно привожу ему из этих поездок различные подарки и сувениры. Он прекрасно об этом знал и поэтому, как только видел меня, сразу же спрашивал, что я ему на этот раз привез. В тот день я был очень уставшим и сразу же после приезда пошел в ванную принять душ и переодеться. Но мальчику не хотелось ждать, когда я оттуда выйду, и он решил поискать подарки самостоятельно. И он полез в мои чемоданы.

— Когда я услышала его крик, я сразу поняла, что случилось что-то ужасное, — изменившимся голосом сказала Ирина Генриховна. Было заметно, что пережитое до сих пор не может изгладиться из ее памяти. — Как потом выяснилось, в одном из чемоданов Руслана оказалась змея. Как она туда попала и почему ее никто не заметил, останется тайной. Кирилл своим вмешательством потревожил ее, и она... она укусила его.

Голос женщины прервался. Она словно заново переживала этот кошмар: ночь, темная мрачная комната и ее несчастный малыш, задыхающийся у нее на руках.

Руслан осторожно погладил ее по плечу, успокаивая. Затем продолжил:

— Одним из направлений моей деятельности является изучение шаманских ритуалов. Да-да, не удивляйся. Конечно, в большинстве своем шаманы — это хитрые мошенники, но есть среди них и настоящие мастера своего дела. Они могут практически все! Я сам никогда бы не поверил, если бы не видел этого своими глазами. Они могут изменить погоду, могут исцелить больного, могут даже воскресить мертвого! В наше время никто не верит в магию, особенно в магию шаманов, потому что не могут себе представить, что грязные дикари преуспели там, где ничего не могут сделать научные светила наших цивилизованных стран. Но факт остается фактом — она существует. И я в этом убедился на собственном опыте.

— Руслан! — одернула его Ирина Генриховна.

— Да-да, извините, я отвлекся. Так вот, один из ритуалов, который я наблюдал, имел отношение к змеям. А точнее, к той самой змее, что укусила Кирилла.

— А что, есть какая-то разница между этой змеей и всеми остальными? — не удержалась от вопроса Татьяна, до сих пор с замиранием сердца слушавшая историю.

— Есть. Эта змея совсем неизвестна современной науке, — с горечью ответила женщина. — Мы перерыли всё: все статьи, все научные журналы, мы стали практически настоящими специалистами по змеям, но так и не нашли ни одного упоминания об этом виде.

— Туземцы называют ее "Огненная смерть". От ее укуса смерть не наступает мгновенно, но она очень мучительна. Но опытный шаман может спасти укушенного, проведя ритуал спасения и воссоединения.

— Спасения и воссоединения? Как это?

— Если поймать змею, укусившую этого человека, над ними — ею и укушенным — проводится определенный ритуал, после чего змея отдает свою жизненную силу своей жертве. И человек продолжает жить. Правда, с одним условием — ему всю жизнь придется носить змею с собой, чтобы их связь не прекращалась. Иначе он умрет.

— Вот так просто? — поразилась Татьяна. — И никаких последствий?

— Последствия есть, и, как мы в этом убедились, достаточно тяжелые, — ответила мать Кирилла. — Жертва этой змеи после ритуала лишается подвижности, в какой-то мере уподобляясь своей "спасительнице". Змея также подавляет волю и чувства своего владельца, пытаясь подчинить его себе.

— И все это время она остается живой?

— Ну да, — подтвердил Руслан. — Это как бы своеобразный симбиоз. Змея питается силой хозяина и в то же время сама дает ему силы, необходимые для выживания.

— Но это же змея, а не паразит!

— В том-то и дело, что мы не знаем, с чем имеем дело. Эта "Огненная смерть" никому не известна, поэтому мы не можем сказать, что или кто она такое. Ведь в процессе этого симбиоза она каким-то образом пытается уподобить себе своего владельца настолько, что у него даже меняется внешность, он становится похожим на нее. Меняется цвет волос, глаз. Если бы это была какая-то другая змея, было бы проще. От других змей есть противоядия, а от укуса этой может спасти только шаман.

— И что произошло, когда змея укусила Кирилла? Где вы нашли шамана, который его спас?

— Видишь ли, один из шаманов, с которым я познакомился во время своих странствий, Заремба, сказал мне как-то, что у меня есть все задатки настоящего шамана, — признался Руслан. — У него я кое-чему научился. И когда я узнал, что за змея укусила ребенка, я решил — а почему бы не попробовать самому провести этот ритуал? Я видел его сам, я записал все, что нужно делать. Да и что мне оставалось делать? Нужно было любой ценой спасти мальчика. И, как видишь, у меня получилось.

— Вы спасли Кирилла, — с восторгом прошептала Татьяна.

— Да, он спас его, — безжизненным голосом сказала Ирина Генриховна. — Но тогда мы еще не знали, что ждет нас впереди. Ноги Кирилла потеряли чувствительность, он больше не мог ходить. Он перестал улыбаться и шутить, плакать и сердиться, потому что больше не умел этого делать. Взамен он обрел дар гипноза. Не знаю уж, то ли это организм попытался компенсировать ему потерю контроля над собой, то ли это еще одно последствие симбиоза. Кириллу пришлось постоянно носить с собой эту змейку, превратившуюся после ритуала в браслет, это напоминание о пережитом ужасе...

— Но как вам удалось заставить трехлетнего ребенка носить его? Ведь дети так непостоянны... Он мог его потерять, сломать, браслет могли отобрать другие дети.

— Это оказалось совсем несложно. Кирюша просто чувствовал, что когда на нем нет браслета, ему становится нехорошо. И легко понял, что для того, чтобы все было нормально, нужно, чтобы змейка была при нем. Дети быстро осознают такие вещи. Сломать ее невозможно, она ведь эластичная — гнется, но не ломается. А что касается того, что браслет могли отобрать... Думаю, что уже знаешь, что такую попытку Кирилл может пресечь одним взглядом. С этим своим даром он тоже свыкся достаточно быстро.

— Ну а потерять же он его мог? — настаивала девушка. — Один раз такое случилось при мне.

— Да, это случалось и раньше, и это было ужасно. К счастью, всякий раз нам удавалось отыскать его. Когда это случилось в первый раз, мы просто не знали, что делать. Ребенок впал в кому, ни на что не реагировал, едва дышал. Мы не сразу поняли, в чем дело.

— Симбионты не могут друг без друга, — сказал Руслан. — Когда связь между ними прекращается, их жизнедеятельность как бы замедляется, все жизненные процессы приостанавливаются. Если их не воссоединить, погибнут оба.

Татьяна вспомнила пугающую неподвижность Кирилла, когда она с друзьями увидела его в подъезде, его мертвые немигающие глаза, и ей стало жутко.

— В тот раз, когда мы узнали, что случилось с Кириллом, — сказала Ирина Генриховна, словно поняв, о чем думает девушка, — мы тоже собирались искать браслет, но когда позвонил твой друг и сообщил, что Кирилл очнулся, мы сразу поняли, что кто-то нашел браслет и надел на него.

— Да, — едва слышно произнесла Татьяна. — Мы сначала нашли браслет, а потом — его. Я сразу поняла, что это его змейка, и мне... мне показалось, что она хочет вернуться к хозяину. И я вернула ее к нему.

Все трое на некоторое время замолчали. Девушка пыталась переварить обилие столь невероятной, неправдоподобной информации. Симбиоз человека и змеи! Это было выше ее понимания.

— Руслан, — вдруг обратилась она к мужчине, — вы сказали, что за Кириллом нужен специальный уход, и что если его не осуществить, кто-то может пострадать. Что это значит? Кто еще может пострадать, кроме самого Кирилла?

— Это одно из самых тяжелых последствий симбиоза, — ответил тот. — Как уже говорила Ирина, эта змея пытается подчинить себе волю своего владельца. Это выражается не только в том, что она лишает его подвижности и способности выражать свои эмоции. Она выделяет некое вещество, которое проникает в кровь ее носителя и буквально сводит его с ума. Человек полностью теряет контроль над собой, начинает бросаться на окружающих, даже кусаться. Это вещество накапливается постепенно, и в один прекрасный день человек становится хищным животным. Если это вещество не выводить из его организма, он станет опасным для окружающих. Он может даже убить.

— Сначала мы не знали об этом, — заговорила Ирина Генриховна. — И поэтому не могли понять, почему спустя несколько месяцев после укуса ребенок вдруг стал диким. Он дрался, кусался и царапался. Нам пришлось посадить его в кроватку, откуда он не мог выбраться, кормили его, держа за руки и стараясь не подходить к нему слишком близко. Это было... ужасно...

Женщина всхлипнула. На протяжении всего того времени, что длился рассказ, она держала себя в руках, а тут расклеилась. И Татьяна ее понимала. Невозможно пережить такое, особенно матери. Впрочем, она достаточно быстро вернула себе потерянное было самообладание и успокоилась. Наверное, жизнь с таким необыкновенным ребенком приучила ее скрывать свои эмоции.

— Сергей с Ириной позвонили мне, — продолжил Руслан, поглаживая руку невестки. — Признаться, я сам был ошарашен. О таких последствиях я ничего не знал. Мы исследовали кровь Кирилла — мы же все-таки биологи, и нашли способ, как вывести это вещество из его организма. Операция малоприятная и достаточно болезненная, но ее приходится проводить примерно раз в полгода. В этот раз реакция произошла немного раньше, мы не успели вывести эту дрянь, и ты испытала ее на себе.

— Я?! — изумилась девушка.

Ирина Генриховна метнула на мужчину яростный взгляд, но было уже поздно. Пришлось все объяснять.

— Это ведь Кирилл сломал тебе руку, — призналась она. — Он вовсе не падал на тебя, а просто взял тебя за руку и вывернул ее. Ты не должна его винить в этом, это был не он, он был не властен над своим телом.

— И он заставил меня забыть об этом? — догадалась Татьяна. — Я же с самого начала поняла, что что-то не так. Я спрашивала его об этом, но он мне не признался! Он сказал, что он никогда бы не смог нарушить своего обещания не гипнотизировать меня против моей воли!

— Он тебе не признался, потому что он сам этого не помнит, — объяснил Руслан. — После того, как вещество выведено из организма, в памяти почему-то не остается никаких воспоминаний об этом сумасшедшем периоде. Это очень удобно, позволяет избегать ненужных вопросов. Но из-за того происшествия с тобой нам пришлось прервать операцию. Мы снизили уровень этого вещества настолько, чтобы Кирилл снова стал человеком, заставили его лишиться тебя памяти, а потом продолжили операцию. И как итог — вы оба ничего не помните.

— Действительно, очень удобно, — проворчала девушка и потеряла сломанную руку. Ее ошеломила новость о том, кто был причиной ее травмы, но не настолько, как должна была. Видимо, подсознательно она еще раньше обо всем догадалась, и теперь ее догадки подтвердились.

— Вот, в принципе, и все, что мы можем рассказать тебе о Кирилле. Объяснить, почему он такой, какой он есть, — закончил мужчина.

— Нет, это еще не все, — возразила Татьяна. — У меня еще куча вопросов. Например, почему Кирилл, когда выпьет, становится... м-м... более человечным?

— Об этом можно только догадываться. Возможно, алкоголь на время усыпляет это его змеиное начало. А может, причина в другом. Об этом мы ничего не знаем.

— Я так и не поняла, в данный момент эта змейка живая или нет? Я ведь видела ее здесь, и она совсем не походила на браслет.

— На самом деле она никогда не была браслетом. Просто после проведения ритуала змейка лишается всех своих сил, которые она отдает своему носителю, поэтому она становится неподвижной, и для удобства ее используют в качестве браслета, чтобы повсюду носить с собой. Но иногда, пару раз в месяц, ночью, она оживает и уползает от своего владельца. Он в это время впадает в глубокий сон, его невозможно разбудить, он ничего не чувствует. Потом змейка возвращается, и все приходит в норму.

— А зачем она уползает?

— Молока попить! — не выдержала этих расспросов женщина. — Ну откуда мы знаем, зачем она уползает? Что мы вообще понимаем в этой туземной магии, во всем этом шаманстве? Мы живем с этим, свыклись с этим. Кому рассказать — не поверят, а нам пришлось поверить в это. Но несмотря на все это, мы до конца ничего толком не знаем. И это блюдо с молоком — не более, чем суеверие. Ведь змеи любят молоко, вот пускай она и пьет его, только бы мой сын был жив!

— Значит, ему больше ничем нельзя помочь, и он останется таким на всю жизнь? Современная наука не может изменить положение вещей?

— Современная наука! — презрительно фыркнул Руслан. — Кирилла изучали десятки врачей, и все, как один, заявляют, что его состоянию нет логического объяснения.

— А вы рассказывали им о...

— О том, что мы провели над ним шаманский ритуал? Конечно же, нет. Нам никто бы не поверил. В лучшем случае, нас всех отправили бы к психиатру.

— Но вы же можете это доказать! Кровь Кирилла...

— Его кровь исследовали не раз, и ничего там не нашли.

— Как это? Ведь в его крови есть то вещество.

— Чтобы найти это вещество, нам пришлось привлечь целую лабораторию, и то, мы примерно знали, что нам следует искать. Врачи же проводили стандартные анализы, которые ничего им не показали.

— Вы же можете показать им результаты ваших исследований, — не сдавалась Татьяна. — И тогда им придется вам поверить.

— Девочка моя, ты не понимаешь, — вздохнула Ирина Генриховна. — Мы уже поняли, что обычные врачи ничем не могут помочь нашему мальчику. Допустим, мы показали бы им наши результаты, и допустим, нам бы поверили. Что тогда? А я тебе скажу, что Кирилл стал бы для них подопытным кроликом. Его бы изучали сотни врачей, они превратили бы его жизнь, и без того несладкую, в настоящий ад. Они собирали бы консилиумы, защищали бы диссертации, основанные на исследованиях уникального симбиоза человека и змеи. Сенсация! Человек-Змея!

— А если бы они все-таки нашли способ разрушить этот симбиоз и спасти Кирилла?

— Я не верю в это. Пускай мой мальчик не такой, как все, пускай его жизнь радикально отличается от жизни других людей, но по крайней мере, об этом знаем только мы. Я не хочу, чтобы остаток своих дней он провел под микроскопом. Да он, наверняка, и сам не захотел бы этого.

— Подождите-подождите, — насторожилась девушка. — Вы хотите сказать, что он... ни о чем не знает?!

— Да, — просто ответила женщина. — Он ничего не знает об этом.

— Но почему? Почему вы ничего ему не рассказали?

— А зачем? Что бы это изменило? Сейчас он думает, что он такой, какой он есть, потому что он таким родился. Думаешь, ему было легче, узнай он, что он не может ходить и владеть собой потому, что в детстве его укусила неизвестная науке змея и его дядя провел над ним шаманский ритуал воссоединения?

— Может быть. Но вы не дали ему шанса решить за себя.

— Танюша, ты не можешь судить, — мягко сказал Руслан. — Пойми, Ирина — его мать, и как всякая мать, она боится. Боится за своего ребенка.

— Но чего? Чего вы боитесь?

— Я боюсь, что Кирюша, узнав обо всем этом, не захочет так больше жить, — призналась Ирина Генриховна.

— Вы думаете, что он попытается покончить с собой?

— Нет. Покончить с собой он не сможет — ему змейка не позволит. Она ведь хочет жить не меньше нас, — горько усмехнулся мужчина.

— А что же тогда? Что он еще может сделать? Снять браслет и выбросить его?

— Конечно, он может поступить и так. Но что ему это даст? Родители могут найти змейку и снова надеть на него. Нет, все дело не в этом.

— А в чем же тогда? Я не понимаю.

— В этом ритуале есть один путь отступления для человека, который больше не хочет жить в этом симбиозе, — объяснил Руслан. — Когда укушенный человек осознанно, самостоятельно принимает решение избавиться от него, в этом случае его воля становится сильнее воли паразита, и змейка превращается в самый настоящий, обыкновенный браслет, сломав который, можно уничтожить всякую связь между симбионтами.

— Но вы же сказали, что эту змейку сломать невозможно!

— Да, невозможно, пока она остается частью организма хозяина. Но как только нужда в ней отпадает, с ней можно делать все, что угодно.

— Так, постойте, мне надо все это переварить, осмыслить, — сказала Татьяна. Мысли ее путались. — Значит, так. Вы боитесь, что если Кирилл узнает обо всем и не захочет больше жить в симбиозе со змеей, то она превратится в браслет, который он сломает и... И что тогда? Он умрет?

— Умрет. Но не сразу. Жизненные силы, которые дает змейка на протяжении многих лет, как бы аккумулируются в организме носителя, потому что после укуса он ведет достаточно малоактивный образ жизни. Излишки этой энергии дадут ему возможность протянуть какое-то время без дополнительной подпитки. Несколько дней ему будет худо, это что-то сродни ломке, ему придется снова научиться ходить и управлять своими чувствами, ну а потом он станет таким же, каким был до укуса. Ненадолго. Финал же один — гибель.

— И это никак нельзя предотвратить?

— Нет. Этот процесс необратим.

— Откуда вы столько знаете об этом?

— После случая с Кириллом я вернулся в те места, откуда я привез эту злосчастную змейку, и долгое время наблюдал за человеком, спасенным шаманом от ее укуса. Он казался вполне довольным своей новоприобретенной жизнью, и тогда я спросил шамана о людях, которые не могли вынести этого позорного для них симбиоза. Оказалось, что такие люди — редкость, обычно никто не отказывается от этого дара, но были и исключения. И я узнал о них все, что мог.

— Теперь ты понимаешь, почему Кирюша ничего не должен знать об этой истории? — настойчиво спросила Ирина Генриховна. — Ты должна дать мне слово, что будешь молчать.

— Клянусь, — не раздумывая, ответила Татьяна. — Я не расскажу ему ничего.

Ей вдруг дико захотелось расхохотаться. Нелепость этой ситуации давила на нее, напрягая нервы до предела. Все ее существо кричало: "Уходи, убегай отсюда! Разве ты не видишь, что все они здесь — сумасшедшие! Змеи, шаманы, ритуалы, туземцы! Такого не может быть в наш век современных технологий! Беги! Бросай все и беги!" Но она вспоминала о змейке, которую она видела собственными глазами, о коме Кирилла, о его даре, и начинала верить в этот невероятный рассказ, похожий на абсурдный ночной кошмар.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Эта необыкновенная ночь навсегда останется в памяти Татьяны. То, что она узнала, то, что ей рассказали мать Кирилла и его дядя, — все это было просто невероятно, это не укладывалось в голове. К этому надо было привыкнуть. "Впрочем, нашему поколению, выросшему на голливудских фильмах, легче поверить в это, чем взрослым, — думала девушка. — Ведь если мы верим в призраков, инопланетян, НЛО и полтергейст, почему бы не поверить в существование магии шаманов? Я свыклась с тем, что у Кирилла есть дар, потому что он его доказал. И вся эта история, как бы неправдоподобно она звучала, объясняет многое из того, чему я сама была свидетелем. Да и невозможно такое выдумать".

Все еще находясь под впечатлением всего произошедшего, Татьяна толкнула дверь комнаты Кирилла. Парень сидел на кровати и вертел в руках свой браслет. И по его осунувшемуся, несчастному виду девушка сразу все поняла.

— Почему ты не спишь? — все же спросила она его.

— Я все слышал, — безжизненным голосом сказал Змей.

— Что...

— Тань, не притворяйся, не надо. Змейка вернулась на свое место, и я проснулся. Услышал голоса и поехал узнать, в чем дело. И узнал...

— Мы тебя не заметили.

— Вы были слишком увлечены разговором, а я умею быть тихим.

"Это точно, — подумала Татьяна. — Сколько раз он вот так подкрадывался, пугая окружающих своим внезапным появлением".

— Я... я не знаю, что и сказать, — пробормотала она, сев с ним рядом.

— А что тут скажешь? Тебе, наверное, жалко меня? Как же, бедный парень, так настрадался. А я ведь совсем не страдал! Ну вот просто нисколечко! Наоборот, мною можно гордиться. Я же уникален в своем роде. Кирилл Любимов — Человек-Змей! Хоть в цирке показывай. Много денег заработать можно.

— Кирюш, перестань... Не надо так...

Воцарилась тишина. Наконец, девушка прошептала:

— И что ты теперь намерен делать?

— Толком не знаю. Я совсем запутался. Ничего не понимаю. В одном я уверен — моя мать была

права. Я не хочу больше так жить.

— О чем ты говоришь? — встревоженно вскрикнула Татьяна.

— Я говорю о том, что я не хочу больше быть человеком-змеей! Не хочу быть представителем "уникального симбиоза"! Я хочу просто — жить! Пусть недолго, но так, как я всегда мечтал.

— Нет! Ты не можешь так поступить! — закричала девушка. — Ты же умрешь!

— Пускай, — упрямо сказал Кирилл, — но я умру счастливым. Пойми же, солнышко, я не хочу просто сидеть и безучастно наблюдать за тем, как проходит мимо моя жизнь.

— А как же я? Как же твои родители, твой дядя? Мы же любим тебя! Любим таким, какой ты есть. И неважно, почему ты такой. Зачем что-то менять? Я с тобой, у нас все хорошо...

— Я опасен, — перебил ее парень. — Как ты не понимаешь! Я сломал тебе руку! А в следующий раз могу убить!

— Мы этого не допустим! Мы поможем тебе!

— Один раз это уже случилось, может и повториться. Как я могу жить, зная, что в любой момент могу превратиться в монстра, могу причинить боль людям, которых люблю?!

— А как смогу жить я?! Я ведь не смогу без тебя!

Татьяна зарыдала. Кирилл обнял ее, но по его глазам она поняла, что он тверд в своем решении.

— Я еще не умер, — попытался утешить ее он. — И не факт, что умру. Эти шаманы имели дело только с себе подобными. Кто знает, может, русский человек выживет там, где не сможет никто другой.

— Кирилл, не надо! — рыдала девушка. — Я не перенесу, если ты умрешь! Я люблю тебя! Пожалуйста, давай оставим все так, как есть! Я клянусь, что никогда не оставлю тебя, мы всегда будем вместе, и все будет хорошо!

— Я не могу, — прошептал Змей. — Прости...

Одно резкое движение пальцев, и две половинки змеиного браслета глухо стукнулись об пол.

Возле двери, прислонившись лбом к ее косяку, тихо плакала женщина...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Уже целую неделю Татьяна не видела Кирилла. Она не плакала, не переживала, не ломала себе руки. Она просто ждала. Так ей велел Руслан. И девушка повиновалась.

Как только Кирилл сломал змейку, его тело выгнулось дугой. Он резко оттолкнул Татьяну от себя, в последнем проблеске угасающего сознания желая уберечь ее от травмы, которую невольно мог ей нанести. От толчка девушка отлетела к стене и упала в объятия Ирины Генриховны, ворвавшейся в комнату. Та не слишком нежно поставила ее на ноги и бросилась к сыну, чье тело корчилось на кровати.

— Позови Руслана и Сергея, — не оборачиваясь, приказала она. Татьяна, с ужасом смотревшая

на Кирилла, не шелохнулась. Женщина прикрикнула: — Ну скорее же!

Девушка выполнила поручение, и вскоре мужчины уже были в комнате. Они навалились на бьющегося в конвульсиях парня, а Татьяна забилась в уголок и сжалась там в комочек, тихо плача.

Сколько времени продолжался весь этот кошмар, девушка не имела ни малейшего представления, но наконец Кирилл затих. За окном светало. Ужасная, богатая происшествиями ночь подходила к концу. Руслан разогнулся, вытер пот со лба, а потом вдруг снова наклонился и подобрал с пола обломки браслета.

— Он слышал, как мы разговаривали, — прошептала Татьяна.

— Дела! — только и сказал мужчина. — Значит, теперь он все знает и все-таки решил. Молодец парень!

— И ты еще одобряешь его поступок! — резко сказала Ирина Генриховна. — Взять и вот так, ни с кем не советуясь, ни о ком не подумав, обречь себя на смерть! И ты еще называешь его молодцом!

Она не выдержала и разрыдалась.

— Что здесь происходит? — наконец, осведомился ничего не понимающий, но уже догадывающийся, что дело плохо, Сергей Алексеевич.

Руслан коротко ввел его в курс дела.

— Я знала, я всегда знала, что этим все кончится! — простонала рыдающая женщина.

Муж обнял ее, успокаивая. Хотя как можно успокоить мать, чей ребенок находится на краю гибели? У мужчины самого в глазах блестели слезы.

— Пойдем, дорогая, — бормотал он. — Ему надо отдохнуть. И тебе тоже надо отдохнуть. Пойдем.

Плачущая женщина позволила себя увести. Оставшийся в комнате Руслан присел перед сжавшейся Татьяной на корточки и протянул ей руку.

— Вставай, — сказал он ласково. — Думаю, тебе пора домой. Я тебя провожу.

— А может, мне лучше остаться с ним? — с мольбой прошептала она, подняв к мужчине свое залитое слезами личико.

— Не стоит. Ты ничем не сможешь ему помочь. Не беспокойся, скоро ему станет лучше, и ты снова с ним увидишься. Пошли.

Он осторожно вытянул девушку из ее убежища.

— Мне... мне надо переодеться, — тихо сказала она.

— Хорошо. Я подожду тебя в прихожей.

Татьяна медленно, как зомби, сняла со спинки кресла свое платье (встав ночью, она надела футболку Кирилла, доходящую ей почти до колен), прижала его к груди, и слезы вновь

заструились по ее лицу. Как хорошо начинался этот день, и каким кошмаром он обернулся! Девушка с трудом заставила себя оторвать взгляд от неподвижного тела парня, переоделась и быстро вышла.

Когда они с Русланом шли по безлюдной улице, Татьяна спросила его:

— А почему вы сказали, что Кирилл молодец, раз он все-таки решился сломать браслет? Почему вы восхитились его поступком?

— Я восхитился вовсе не поступком, а его решительностью. Я всегда знал, что у Кирилла твердый характер, несмотря на то, что у него не было возможности его проявить. И я, как и Ирина, догадывался, что он не станет мириться с положением вещей, как только обо всем узнает. И мы оказались правы.

— Но он же знает, чем это грозит! Я не понимаю, как можно так легко отказаться от жизни!

— Я не думаю, что это было так уж легко. Наверняка, он все обдумал, пока слушал наш разговор. Думаю, что после того, что он услышал, он понял, что не может больше так жить. И решил разом со всем покончить.

— Но почему он не подумал о нас?! О родителях, о вас, обо мне, наконец?!

— Тань, пойми. Это его решение. И нам нужно его уважать.

— Но я же не смогу без него! — снова разрыдалась девушка.

Руслан остановился и, взяв ее за плечи, повернул к себе.

— Девочка, ты должна быть мужественной. Ради Кирилла. Я думаю, он хочет последние свои дни провести рядом с тобой, и не стоит омрачать эти дни. Пусть он порадуеться хоть раз в жизни.

— Как можно радоваться, зная, что он рано или поздно умрет?

— Все мы смертны. Никто из нас не знает, когда смерть настигнет его. Это может случиться в любой момент. И что же теперь, заранее огорчаться по этому поводу?

Татьяна помолчала, обдумывая его слова. Потом спросила:

— Сколько... сколько, по вашему, у него осталось времени?

— Месяц, два, — поколебавшись, ответил тот. — Максимум три.

— Так мало?! Я думала... я надеялась, что речь идет о годах.

— Нет, к моему огромному сожалению.

— Но вы абсолютно уверены, что ничего нельзя сделать?

— Абсолютно. Я изучил все, что было известно по этому вопросу.

— А вы не можете ошибаться? — с надеждой спросила Татьяна. — Ведь вы же сами признались, что ничего не знали об этом "эффekte зверя"? Об этом веществе в крови Кирилла?

— Я был бы рад ошибаться, — грустно ответил Руслан. — Ты даже себе не представляешь, как рад...

Оставшийся путь они проделали в полном молчании. И только когда они подошли к самому подъезду Татьяны, мужчина заговорил.

— Танюша, мне надо попросить тебя об одной вещи, — сказал он. — В ближайшие дни тебе лучше не видеть Кирилла. Честно сказать, ему будет просто не до тебя. Оставайся дома и жди. Он сам придет к тебе. Хорошо?

— Хорошо, — кивнула та. И подумала: "Хотя что тут хорошего..."

И вот она ждала, уже целую неделю. Ждала обреченно и бездумно. Домашним она объяснила, что Кириллу делают операцию по восстановлению подвижности ног. Сказала, что он давно уже проходит курс лечения, и что на этот раз есть надежда, что он будет ходить. А что еще она могла сказать?

* * *

Итак, она ждала. Начался учебный год, близнецы пошли в школу, Женька, Ольга и другие ее друзья-однокурсники — в университет, а она все ждала. Сломанная рука была прекрасным поводом для того, чтобы оставаться дома, хотя Татьяна заверила родителей, что будет заниматься дома, чтобы не отстать. Но она не занималась. Бродила по квартире, как неприкаянная, часто выглядывала к окну, словно надеясь увидеть фигуру Кирилла, сидящего на качелях, как будто ничего и не произошло. Естественно, никого она там не находила и снова принималась ходить по дому, как призрак.

Пару раз к ней заходила Ольга, рассказывала, как дела в университете. Девушка выслушивала ее с притворным интересом, стараясь делать вид, что у нее все как всегда, хотя это давалось ей с большим трудом. Впрочем, подруга, кажется, ничего не заметила.

А погода в этом году выдалась, как назло, просто прекрасной, не по-осеннему теплой и солнечной. Близнецы после школы убегали на улицу и не появлялись дома до вечера. Татьяна этому обстоятельству была только рада, поскольку братья не докучали ей. Ей самой до ужаса хотелось выйти на улицу, погулять, подставляя свое лицо теплым солнечным лучам, проветриться, хоть на мгновение забыв обо всем. Но она не могла. Она ждала Кирилла.

На исходе второй недели девушка уже начала терять надежду. Она несколько раз собиралась позвонить и выяснить, что происходит с ее возлюбленным, но каждый раз останавливалась, едва начав набирать номер. Татьяна боялась узнать, что Кирилл не придет, что Руслан ошибся в своих расчетах... И она продолжала свое бесконечное ожидание.

Это случилось в субботу утром. Все семейство было дома по случаю выходного дня. Татьяна сидела в своей комнате перед компьютером, пытаясь сосредоточиться на игре, когда раздался звонок в дверь. Открыла ее мать. Девушка услышала ее изумленное "О, Господи!" и следом — до боли знакомый голос, сказавший:

— Здравствуйте!

Татьяна вскочила со стула и, как вихрь, ворвалась в прихожую. Ее ожидание, наконец, закончилось. У дверей стоял Кирилл.

Увидев его, девушка невольно замерла, открыв рот. Она знала, что, сломав змейку, парень

вновь обрел способность ходить, но знать и видеть — совсем не одно и то же. Кирилл стоял, ослепительно улыбаясь и явно наслаждаясь произведенным эффектом. Он оказался просто до неприличия высоким — уж на что Татьяна была немаленького роста, и то она едва доходила ему до плеча. Широкие плечи, белозубая улыбка, в одной руке пиджак, переброшенный через плечо, в другой — шикарный букет цветов... Да, что и говорить, парень выглядел сногшибательно.

— Кирюшка! — взвизгнула Татьяна и бросилась ему на шею.

Тот радостно засмеялся, подхватил ее и закружил. Юлия Викторовна тактично удалилась.

— Ну как ты? Как ты себя чувствуешь? — спросила девушка, как только первое волнение от встречи немного улеглось.

— Замечательно! — ответил Кирилл, все так же широко улыбаясь. — Ты даже представить себе не можешь, насколько превосходно я себя чувствую! Я чувствую себя таким... живым, что хочется обнять весь мир!

Татьяна повела его в свою комнату. Парень шел все еще неуверенно, как ребенок или человек, перенесший тяжелую болезнь, но все-таки шел. Как только девушка закрыла дверь, Кирилл обнял ее и прижал к себе, крепко-крепко.

— Я так скучал по тебе, — хрипло пробормотал он.

— Я тоже очень скучала, — прошептала Татьяна, и их губы слились. Парень вдруг подхватил ее на руки и понес к кровати.

— Кирилл, отпусти, — пыталась сопротивляться девушка. — Мои же все дома.

— А мне плевать, — заявил тот бесшабашным тоном. — Я слишком долго ждал. И больше ждать не могу.

И снова завладел ее губами. Когда он оторвался от нее, Татьяна прошептала, сдаваясь:

— Надо хотя бы замок закрыть...

— А я уже, — улыбнулся Змей.

— Какой же ты у меня предусмотрительный...

Парень, не отвечая, осторожно положил ее на кровать, и вскоре им стало не до разговоров...

Оперевшись рукой на голову, Татьяна с любовью рассматривала лицо дремлющего Кирилла. Он изменился, изменился внешне. Нет, конечно, он не стал синеглазым парнем с каштановыми волосами, каким он был бы, если бы змейка не изменила его внешность. Но его волосы стали явно темнее, как будто кто-то слегка притушил пламя его густой шевелюры, а глаза потеряли тот необыкновенный золотистый оттенок, став просто зелеными. "Даже, скорее, серозелеными", — подумала девушка, вспомнив, как потемнели от страсти его глаза, когда они остались вдвоем.

— Ты о чем-то задумалась или просто любишь меня? — вдруг спросил Кирилл, приоткрыв один глаз.

— Я думаю, — ответила, улыбнувшись, Татьяна, — что нам пора бы уже встать и одеться, пока

моя мама вдруг не заинтересовалась, чем это мы занимаемся при закрытых дверях.

— А то она еще этого не поняла, — фыркнул парень, но все-таки встал.

Девушка зачарованно наблюдала за ним. Змей, заметив это, приосанился и выпятил грудь.

— Я тебе нравлюсь? — кокетливо спросил он.

— Не то слово! Я и не предполагала, что ты такой... такой...

— Какой? Красивый, обалденный, мускулистый?

— Такой... большой!

— Ага, — согласился парень. — У меня всё большое.

— Тьфу на тебя! Пошляк!

Кирилл засмеялся. Казалось, ему доставляло необыкновенное удовольствие просто смеяться. И на его смех, искренний и заразительный, невозможно было не отозваться.

— Тань! — внезапно раздался из-за двери голос матери. — К тебе Ольга пришла!

— Вот черт! — шепотом воскликнула Татьяна. — Одеваемся, скорее!

Впопыхах натягивая на себя одежду и заправляя постель, они смеялись, но пытались вести себя потише. Девушка уже чуть ли не падала от хохота, который она изо всех сил старалась сдерживать. Кирилл прыгал на одной ноге, пытаясь попасть в штанину и корча уморительные рожицы, отчего Татьяна начала практически задыхаться от смеха.

Раздался нетерпеливый стук в дверь, и голос Ольги произнес:

— Эй, Тань, ты что там, уснула, что ли?

Девушка упала на кровать и обессиленно прошептала:

— Ой, я больше не могу!

Змей, наконец, оделся и, как ни в чем не бывало, уселся за компьютер. Татьяна кое-как справилась с собой и пошла открывать дверь.

— Ты чего так долго? — спросила ее Ольга и осеклась, заметив Кирилла. — А-а, ну понятно.

— А мы что? А мы ничего, — невозмутимо сказал тот. — Мы тут плюшками балуемся.

Татьяна села на кровать и попыталась придать своему лицу благочестивое выражение.

— Вот-вот, — подтвердила она. — Именно плюшками.

— Ну да, — иронично сказала подруга. — Здесь и пахнет... этими самыми плюшками.

— Девчонки, — задушевно произнес парень, — а может, пойдем погуляем? На улице так здорово!

— С вами гулять — скука смертная, — отреагировала на его предложение Ольга. — Вы ж

только друг с другом и разговариваете.

— Ну отчего же? — возразил Змей. — Мы будем стараться и тебя вовлечь в свой разговор.

— Интересно, и о чем будет этот разговор? — заинтересовалась девушка, явно удивленная такой разговорчивостью Кирилла.

— Да о чем угодно! Например, можно поговорить о царствовании французского короля Карла IV Безумного... Или о преимуществах процессора "Пентиум" над процессорами "Селерон" и "Атлон"... Или о том, как долго еще будет идти "Дом-2"... Или о теории Большого взрыва... Или о чем-нибудь еще. И потом, можно пригласить с собой Котика, и тогда тебе точно не будет скучно.

Пока парень перечислял темы для разговора, глаза Ольги становились все больше и больше. Когда же он, увлекшись, встал со стула, они и вовсе чуть не выкатились из орбит.

— А-а-а... как же ты... это..., - потрясенно залепетала она, тыча пальцем в безмятежно улыбающегося ей Змея.

Татьяна снова покатила со смеху, глядя на растерянное лицо подруги.

— Оля, — сквозь смех еле выговорила она, — тебе разве не говорили, что показывать пальцем на людей неприлично?

— Да ладно, — великодушно сказал Кирилл. — Я иногда произвожу такое впечатление.

— Но... ты же не можешь ходить, — наконец, выдавила из себя изумленная девушка.

— Таня, — строго произнес парень. — Разве ты не поделилась новостью со своей лучшей подругой?

— Я совсем забыла, — закрыв лицо ладонями, прошептала та. Ее плечи сотрясались от хохота.

В конце концов, они сжалились над бедной Ольгой и рассказали ей про операцию, якобы сделанную Кириллу. Та, не тратя времени на раздумья, сразу же набросилась на Татьяну.

— Почему ты мне ничего не сказала? — негодуя возопила она. — А еще подруга, называется...

— Прости, — ответила девушка; впрочем, на ее лице не было и следа раскаяния. — Это просто суеверие. Я не хотела никому ничего говорить, пока станет ясно, помогла операция или нет.

— Ну так что, девушки, мы идем гулять или нет? — напомнил о себе парень.

— Я, вообще-то, с этой целью сюда и пришла, — вспомнила Ольга. — Хотела пригласить Танюху... ну и тебя тоже... на пикник в лес. Мы вчера после лекций решили как бы отметить начало занятий, вот и подумали, что пикник — это здорово.

— Счастливые люди, — мечтательно произнес Кирилл. — Всё чего-то отмечают... То прощание с летом, то начало занятий... Красота!

— Да, мы такие! — с вызовом сказала подруга. — Любим жизнь и придумываем себе праздники.

— Да ладно, Олечка, не сердись, — сверкнув белозубой улыбкой, примирительно сказал Змей. — Я ж просто завидую.

Девушка ничего не ответила, но было видно, что обаятельная улыбка парня не оставила ее равнодушной.

— Я вчера звонила и сегодня, — продолжила она, обращаясь к подруге, — но твоя мама сказала, что тебя нет дома. Ну и я решила зайти сама, проверить, вдруг у тебя очередная депрессия. И вытащить тебя из дома. Вы пойдете?

— Обязательно, — заверил ее Кирилл. — Сбор, как всегда, у Женьки?

— Ага. В час. С собой иметь покрывала, деньги на закупку... гм... необходимой провизии и...

— Сухой паек? — пошутила Татьяна.

— Точно! Ну ладно, я побежала, мне еще к Котику надо заглянуть.

Уже в дверях Ольга обернулась и сказала:

— Кирилл, я очень рада, что операция удалась. Правда, рада.

И ушла.

— Ты, действительно, хочешь пойти на этот пикник? — спросила Татьяна, проводив подругу.

— Очень, — ответил Кирилл. — Я хочу погулять, порадоваться жизни. Надоело в четырех стенах сидеть. Я же за все эти дни из дома ни разу не выходил.

— А как... как оно было? — спросила девушка. — Тебе было очень плохо?

Змей помолчал, вспоминая. Первые три дня он не помнил абсолютно. Очнувшись, он был настолько изнурен, что не то что ходить, он и головы-то от подушки оторвать не мог. Отдохнув пару дней, он начал упорно заниматься восстановлением сил. Это было нелегко. Ноги его совершенно не слушались, но главное — он их чувствовал! Было больно, мышцы были деревянными (как они вообще не атрофировались? Этого он не понимал, впрочем, ему это было безразлично), но Кирилл упрямо разрабатывал их, стиснув зубы. Еще ему пришлось научиться справляться со своими эмоциями, которые, как неуправляемый поток, обрушились на его сознание. Первые дни он никак не мог совладать с ними. Он то смеялся, то плакал, то кричал. Любого неосторожного слова хватало, чтобы его чувства выплеснулись наружу. Воспоминания о Татьяне заставляли его рыдать, так он скучал по ней. В конце концов, парень справился и с этим.

— Да нет, — наконец, сказал он. — Все было более-менее нормально. Только по тебе очень тосковал.

Ближе к часу дня они отправились к Женьке. Ольга (вот неугомонная) уже успела ввести всех в курс дела, но друзья все равно удивленно глазели на Кирилла, который изо всех сил старался делать вид, что он не замечает их любопытных взглядов.

Пикник прошел просто замечательно! Змей очень быстро очаровал всех и вся своей разговорчивостью, веселыми шутками и обаянием. Друзья — не без основания — были уверены, что на характер парня так повлияла удачная операция, и с удовольствием общались с

ним, забыв о том, что было раньше. Все, кроме Женьки. Татьяна с тревогой заметила, что парень непривычно серьезен и неразговорчив, несмотря на то, что рядом с ним все время крутилась Надька, стараясь предугадать любое его желание. Увидев направленный на него сочувствующий взгляд девушки, Евгений подмигнул ей и улыбнулся, став вновь похожим на себя прежнего. Впрочем, это длилось всего одно мгновение.

— Бедный парень, — поняв, на кого смотрит подруга, сказала Ольга. — Совсем изменился. Прямо как будто подменили его.

— Да, — задумчиво произнесла Татьяна. — Он теперь всегда такой?

— Угу, — подтвердила подруга, жуя бутерброд.

С другого конца поляны до них донесся заразительный смех Кирилла, и Ольга вдруг нахмурилась.

— Знаешь, — сказала она, — такое впечатление, что Кирилл и Женька поменялись местами. Как будто один из них снял свою маску, а второй ее подобрал и надел на себя.

— Я так не думаю, — возразила Татьяна. — Скорее, они оба сняли свои маски...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Летели дни. Татьяна и Кирилл проводили друг с другом все свое свободное время. Когда зажила рука, девушка хотела взять в университете академический отпуск, но Змей был против, сказав, что ей не стоит бросать учебу на последнем курсе. Да и ее родители не поняли бы этого. И Татьяне пришлось подчиниться. Впрочем, после занятий она сразу же летела к парню, который обыкновенно ждал ее у ворот университета, а иногда и откровенно прогуливала. К счастью, учеба всегда давалась ей сравнительно легко, поэтому ее явная невнимательность на лекциях пока что не повлияла на ее успеваемость.

Влюбленные достаточно часто встречались со своими друзьями (а после пикника Кирилл мог с уверенностью называть друзей Татьяны своими друзьями), но предпочитали все же проводить большую часть времени наедине друг с другом. Несмотря на то, что их отношения развивались просто прекрасно, девушку не покидало ощущение того, что время их счастья подходит к концу. Она старалась ничем этого не показывать, но парень замечал грусть и тоску в ее глазах, когда она была уверена, что он на нее не смотрит. Он изо всех старался заставить ее забыть об этом, но это было просто невозможно. Однажды они даже чуть не поссорились из-за этого.

В ответ на какую-то вполне безобидную шутку Кирилла Татьяна вдруг сорвалась.

— Я не понимаю, как можно быть таким легкомысленным! — со слезами в голосе воскликнула она. — Зная, что тебя ждет впереди!

— Солнышко, а чего ты хочешь от меня? — раздраженно ответил он. — Хочешь, чтобы я стонал и бился головой об стены? Я еще жив и не собираюсь сдаваться. А если все же Руслан прав, и я скоро умру, то я, по крайней мере, хочу, чтобы мои последние дни были счастливыми. Я вовсе не буду сидеть дома и дрожать от страха за будущее. И тебе не совету.

— Но я... я...

Девушка заплакала. Кирилл обнял ее и мягко произнес:

— Я понимаю, что тебе тяжело. Но ты попробуй просто не думать об этом. Хотел бы я помочь тебе в этом, но увы! — мой дар исчез. Поэтому единственное, что я могу сделать, это...

Он не договорил и слегка коснулся губами губ Татьяны. Эффект был достигнут. На какое-то время она забыла обо всем на свете.

Девушка очень хотела бы выбросить из головы мысли о будущем и полностью раствориться в настоящем, как Змей, но у нее это не получалось. По ночам она с криками просыпалась, вся в холодном поту, потому что ей снились кошмары. Она начала худеть и бледнеть, но изо всех сил старалась не подавать виду. Парень не знал, чем ей помочь.

В остальном же у них все было замечательно. Они нарадоваться друг на друга не могли. Тем страшнее и неожиданнее стало для Татьяны то, что ждало ее впереди.

Она шла к Кириллу, чтобы сообщить ему приятную новость: на эти выходные родители с близнецами собирались поехать к бабушке в деревню, так что квартира на ближайшие два дня принадлежала им двоим. Она уже предвкушала, как здорово они проведут эти дни. Скорее всего, они все это время не будут выходить из дома. В последнее время им так редко удавалось остаться наедине, что эта поездка ее родных в деревню была просто как дар Божий.

Татьяна позвонила в дверь, но, как ни странно, ей никто не открыл, хотя она прекрасно знала, что Кирилл дома; к тому же из-за двери слышались звуки, явственно указывающие на то, что в квартире кто-то есть. Она позвонила еще раз. Наконец, после третьего звонка парень открыл ей дверь.

При виде него у девушки пропал дар речи от изумления. Его волосы были растрепаны, рубашка наполовину расстегнута и стянута с одного плеча — в общем, у него был такой вид, как будто он только что встал с постели.

— Таня? — растерянно спросил он. — А я думал, что ты сегодня идешь с Ольгой в библиотеку...

— Я передумала, — ответила та. — А что такое? Я тебе помешала?

— Да нет, — неуверенно сказал Кирилл. — Я просто...

— Пусик, ну ты скоро? — раздался вдруг позади него томный голос, и в проеме двери показалась рыжеволосая, как и он сам, красотка, обнявшая его сзади за талию и положившая голову ему на обнаженное плечо. Одета она была лишь в одно одеяло. — Я уже соскучилась. Ой, здравствуйте, — добавила она, заметив ошарашенную Татьяну.

У той лицо потемнело от гнева.

— Иди, я сейчас вернусь, — бросил парень через плечо рыжей, вышел в подъезд и прикрыл за собой дверь. — Прости, — сказал он онемевшей девушке, — ты не должна была этого видеть. Впрочем, ты сама виновата. Надо было предупредить меня о своем приходе. Тогда бы этого не произошло.

— Что-о-о?! — задыхаясь от возмущения и злости, воскликнула Татьяна. — Я виновата?! Ну извини, что помешала!

Она развернулась и бросилась вниз по лестнице.

— Таня, подожди! — бросился за ней Кирилл.

— Зачем? — обернувшись, крикнула она. — Ты мерзавец, подлец! Как ты мог так со мной поступить!

— А что тут такого? — вполне искренне удивился парень. — Ну, подумаешь, небольшая интрижка. Я просто хотел успеть насладиться жизнью в полной мере. Я же не знал, что ты так к этому отнесешься, я был уверен, что ты меня поймешь. Люблю-то я только тебя.

— Да как ты смеешь говорить о любви!

Ярости Татьяны не было предела.

— Ты думал, что я пойму, что ты хочешь переспать со всеми девушками, с какими только успеешь?!

— Ну что-то типа того, — спокойно кивнул Змей. — Я думал, что, пока ты на учебе, я...

Девушка вlepила ему пощечину.

— Ты... ты..., - она не находила слов. — Иди и наслаждайся жизнью со своей красоткой, скотина! И знай, что когда ты подохнешь — а подохнешь ты обязательно, — я ни слезинки не пророню! Я еще спляшу на твоей могиле!

И Татьяна, почти не видя ничего из пелены слез, опрометью бросилась на улицу. Кирилл немного постоял, глядя ей вслед и потирая щеку, а потом вернулся к себе.

* * *

Поздним вечером Женька шел домой, кое-как отвязавшись от своей постоянной спутницы, Надьки. "Вот ведь настырная какая, — втихомолку удивлялся он. — Уже вроде прямым текстом ей говоришь, что ее заботы не по адресу, а ей все нипочем. Непрошибаемая девица!" Ему была неприятна ее навязчивость, но девушка этого, похоже, не понимала. Она все еще на что-то надеялась, цепляясь за парня, как утопающий за соломинку. Она положила на него глаз еще на первом курсе и, хотя Женька ничем не поощрял ее, никак не хотела отказываться от своей цели.

Подойдя к дому, парень сел на скамейку у подъезда и закурил. Домой его, честно говоря, не очень-то и тянуло. Что его там ждало? Пустые холодные комнаты, ужин в одиночестве и телевизор перед сном? "М-да, весьма неутешительная перспектива, — подумал он, выпуская дым. — Пора что-то менять в своей жизни. Чем я, в принципе, так уж отличаюсь от Надьки? Тоже все на что-то надеюсь, все чего-то жду, хотя давно уже ясно, что ничего мне не светит. Эх, Таня, Таня..."

В последнее время Женька редко видел девушку. Конечно, они каждый день виделись в университете, но почти не разговаривали, а после занятий она молниеносно исчезала, спеша к своему возлюбленному, этому проклятому Змею. "Хотя какой он теперь Змей? После операции он совсем преобразился. Даже браслет свой дурацкий снял. Едва ли не все знакомые девчонки на него теперь алчные взгляды бросают. Мачо, блин, недоделанный..."

Парень бросил окурочок и хотел уже войти в подъезд, как внезапно какой-то странный звук, донесшийся до него из-за кустов, привлек его внимание. Он прислушался. Звук повторился. Казалось, что в кустах кто-то тихо плачет. Женька, не раздумывая, пошел посмотреть и, быть может, помочь плачущему.

В кустах сидела прямо на земле девушка, обняв свои колени руками и спрятав лицо, сидела и плакала, не обращая ни на что внимания. В темноте парень видел лишь ее силуэт. Женька присел на корточки рядом с ней и тихонько, стараясь не напугать, спросил:

— Девушка, что с вами? Вам плохо?

Та продолжала плакать, словно не слыша его. Парень принялся ее рассматривать. Темные волосы, знакомая джинсовая куртка... Он сам прошлой осенью помогал ее выбирать.

— Таня?!

Она подняла голову. Увидев друга, она прямо бросилась в его объятия, заплакав еще горше.

— Женька, Женечка, помоги мне, — простонала она. — Мне так плохо!

— Что случилось, зайка? — мягко спросил он, обняв ее и чувствуя, как прежние чувства обрушиваются на него, как лавина.

Искреннее сочувствие, звучавшее в его голосе, казалось, пробило брешь в плотине ее слез, и Татьяна разрыдалась в голос. Она плакала так, как не плакала, наверное, никогда в жизни, вцепившись в рубашку парня, ощущая до боли родной запах и привычное, но уже полузабытое, чувство защищенности.

— Танюша, солнышко, да что с тобой? — испугался Женька. — Успокойся. Все будет хорошо. Я рядом.

— Я не могу-у-у! — захлебывалась слезами девушка. — Ну почему, почему он так со мной поступи-и-и-ил! Я же его люби-и-ила!

"Все понятно, — подумал парень. — Снова Змей! Что бы где ни случилось, во всем всегда виноват Змей!"

Его ладони сжались в кулаки от ярости, ногти впились в кожу. Но голос его был спокоен.

— Пойдем, любимая, — проговорил он, тихонько поглаживая ее пышные волосы. — Не надо здесь сидеть. Ты замерзнешь.

Но Татьяна все так же отчаянно рыдала, ничего не видя и не слыша в своем горе. Тогда Женька решительно просунул руку под ее колени и поднял на руки. Девушка крепко обняла его за шею и уткнулась лицом в его плечо. Парень чувствовал, как стремительно намокает ткань рубашки от нескончаемого потока ее слез.

Он принес ее к себе домой и осторожно опустил на диван, где она сразу же снова сжалась в одинокий и несчастный комочек. Женька укутал ее озябшее тело пледом и опять обнял, ничего не говоря, выжидая, когда она более-менее успокоится. Но она не успокаивалась, рыдая так, что его сердце разрывалось на части. Они сидели так всю ночь, и только под утро девушка забылась беспокойным сном. Но даже во сне по ее щекам текли бесконечные слезы...

* * *

Женька снова сидел на скамеечке у подъезда и курил, выдувая колечки в звездное небо. Глаза его то и дело обеспокоенно обращались к темным окнам своей квартиры. Квартиры, где все так же сидела, забившись в самый дальний угол дивана, Татьяна. После первого взрыва отчаяния,

когда она рассказала другу о том, что случилось, она впала в полную апатию: не ела, не пила, не разговаривала. Только тихо плакала, глядя в пространство потухшими глазами. Домой она уходить желания не проявляла, а парень, естественно, не собирался никуда ее гнать. Он пустил в ход все свое обаяние, весь свой "шутовской" арсенал, но ему так и не удалось вызвать даже слабой улыбки на губах несчастной девушки. Когда Женька предлагал ей хоть немного поесть, она только говорила "спасибо" тихим голосом и снова замыкалась в себе. Это его пугало. Особенно эти постоянные слезы, безмолвные слезы разбитого сердца.

"Да уж, это точно. Разбитое сердце, — подумал парень, яростно затягиваясь горьким дымом. — Банально, но иначе и не скажешь".

Он боялся оставлять ее одну, опасаясь, что она может чего-нибудь натворить — наглотаться каких-нибудь таблеток или еще что-то в этом роде, но он не мог больше смотреть на эту картину тихого горя. Пошли уже третьи сутки, как он нашел в кустах рыдающую Татьяну, и за все это время она почти не спала и только раз выпила стакан воды. Женька не знал, что делать. Он не мог ни к кому обратиться, потому что не знал, как девушка это воспримет. Ему казалось, что все ее чувства сейчас настолько обострены, как у человека с содранной заживо кожей, и парень не хотел, чтобы кто-нибудь нечаянным словом снова причинил ей боль. Да и что греха таить — Женька рад был возможности побыть с Татьяной наедине. Вот только... он очень за нее беспокоился.

Сегодня вечером он позвонил ей домой и сказал ее родителям, что у него сегодня вечеринка, поэтому Татьяна, скорее всего, останется у него ночевать. Но что ему придумать потом? Он не может вечно скрывать ее от мира в своей берлоге.

"Ладно, об этом мы подумаем попозже. А сейчас нужно кое-что сделать", — подумал Женька и выбросил окурок. Ему оставалось только сидеть и ждать.

Ждать пришлось довольно долго. Уже перевалило за полночь, а Женька все сидел у подъезда. Пару раз он поднимался к Татьяне и, с радостью убедившись, что она спит, снова спускался вниз. Наконец, его терпение было вознаграждено.

Во втором часу ночь парень заметил приближающуюся фигуру Змея. Он был один. Кирилл шел медленно, как будто о чем-то задумавшись, опустив голову и засунув руки в карманы джинсов. Он был так поглощен своими мыслями, что прошел мимо скамейки, не заметив сидевшего на ней Евгения.

— Эй! — негромко окликнул его парень. Змей поднял голову.

— Женька? — удивленно спросил он. — Что ты...

Кулак Женьки, врезавшийся ему в скулу, оборвал начатую фразу. Следующий удар разбил ему губы и едва не сломал нос. Брызнула кровь.

Кирилл неожиданно расхохотался. Улыбка его смотрелась жутковато на окровавленном лице.

— Ты чего ржешь? — недоверчиво спросил Женька.

— Меня еще никогда в жизни не били, — объяснил Змей, вытирая кровь с губ. — Это забавно.

Слепая ярость овладела Женькой, и он с размаху пнул скорчившегося Кирилла в живот. Тот закашлялся.

— Черт, больно, — с каким-то удивлением прохрипел он. — Может, хватит уже?

— Нет, не хватит, — прорычал его противник, схватил его за грудки и рывком поднял, продолжая наносить удар за ударом. Кирилл, впрочем, даже и не пытался защищаться. Но когда один из ударов пришелся в ногу, он вскрикнул.

— По ногам не бить! Ноги — это святое.

— Да я тебе их, сука, сейчас вообще переломаяю! — пообещал Женька. — Надеюсь, ты еще не выбросил свою инвалидную коляску?

Теперь уже взъярился Кирилл. Он схватил парня за руки и резко заломил их ему за спину, заставив того согнуться в три погибели.

— Я ведь легко могу тебе их сломать, — прошипел Змей. — Может, все-таки успокоимся и поговорим, как разумные люди?

— Да пошел ты! — огрызнулся Женька, с ненавистью глядя на него исподлобья.

— Это не ответ. Говори. Я хочу знать, чем это я тебе насолил!

Парень дернулся и попытался вырваться из захвата, но Змей держал крепко.

— Это из-за Тани? — продолжал Кирилл, словно и не заметив его попытки. — Она тебе пожаловалась на меня, и ты, как истинный джентльмен, решил отомстить за нее?

Злость, все эти три дня бурлившая в Женьке, внезапно испарилась, оставив после себя только чувство пустоты и безмерной усталости.

— Пусти, — холодно произнес он.

Змей, безошибочно уловив перемену в его настроении, отпустил его, и парень обессиленно опустился на корточки. Мгновение спустя рядом с ним привалился к стене и его противник.

— Сволочь ты, — безо всякого выражения сказал Женька.

— Ага, — таким же безжизненным тоном согласился Кирилл. — Сволочь и есть.

— Но почему? У вас же все было так хорошо. За что ты с ней так?

— Ради ее же блага.

— Ради ее блага?! — поразился парень. — Ты что, свихнулся?! Ради ее блага ты сломал ее, растоптал и бросил?

— Ты ничего не знаешь.

— Ну так расскажи мне! Объясни мне все! Растолкуй непутевому, ради какого такого блага ты изменил ей с этой рыжей шлюшкой!

— Не называй ее так, — тихо попросил Змей.

— Ах, ну да, конечно, прости. Теперь она, наверное, твоя невеста, — съязвил Женька.

— Не моя, — машинально ответил Кирилл. — Моего дяди.

— Ты переспал с невестой твоего дяди? Этим, наверное, ты и его хотел облагодетельствовать?

— Да никого я не хотел облагодетельствовать! — раздраженно воскликнул парень. — Это все... это все очень непросто...

— Это уж точно, — не унимался Евгений. — Очень непросто разрушить свои и еще чьи-то отношения ради их же собственного блага! Это просто титанический труд! Зато теперь все счастливы! И неважно, что облагодетельствованная тобой девушка тает прямо на глазах... от счастья, само собой.

— Как она? — тихо спросил Змей, уставившись на свои руки.

— А тебе не все ли равно? Ты свое дело сделал.

— Нет, не все равно.

— Ну так иди и спроси ее сам.

— Я не могу, — пробормотал Кирилл.

— Отчего же? Иди, спроси ее, счастлива ли она. Расскажи ей, что это все ради ее блага. Может, тогда она хоть немного оживет. Она же не в курсе, что все это делалось ради нее.

— Оживет? В каком смысле? Что с ней?

— Не твое дело.

— Что с ней?!

— Не твое дело!

Взбешенный Змей схватил Женьку за воротник рубашки. Его глаза сверкали.

— Мое! — прорычал он. — Она моя девушка! Я должен знать, что с ней!

— Она больше не твоя, — ответил Евгений, с вызовом глядя на соседа. — Ты отказался от нее.

Какое-то мгновение они яростно смотрели друг на друга, а потом пальцы Кирилла расслабились, и он отпустил парня.

— Ты прав, — сказал он и поднялся. — Меня это больше не волнует.

— Ну да, ну да. Иди, развлекайся со своей красоткой.

— Она не моя.

— А, точно. Не твоя. Дядина. Я ж совсем забыл, что ты всеобщий благодетель. Хорошо, что мы с тобой не друзья. А то, не дай Бог, ты и мне решил бы помочь. Например, переспав с моей подружкой.

— Да ни с кем я не спал!

— Понимаю. Женщины — с ними разве поспишь?

— Да ни черта ты не понимаешь!!!

— Не понимаю, — спокойно согласился Женька. — И никогда не пойму. Изменить любимой девушки ради нее самой — это вещь, недоступная моему пониманию.

— Ей так будет лучше, — упрямо пробормотал Кирилл.

— Ну, тебе оно, конечно, видней. Надеюсь только, что она не натворит глупостей.

— О чем ты? — насторожился Змей.

— Ты знаешь, о чем я.

— Ты хочешь сказать, что она может...

Женька кивнул.

— Вот уже три дня она не спит и не ест. И ни на что не реагирует. Это как шок. Но рано или поздно шок пройдет, и что будет тогда — кто знает?

Кирилл рухнул на скамейку и вцепился в свои и без того растрепанные волосы.

— Я не хотел, чтобы все зашло так далеко, — прошептал он. — Я думал, так будет легче нам обоим. Думал, что лучше так, чем...

— Чем что?

Змей немного помолчал, словно раздумывая, а потом, решившись, сказал:

— Я умираю.

Он сказал это так просто, безо всякой рисовки, что Женька поверил ему сразу же.

— Ты..., - ошеломленно пробормотал он.

— Звучит немного патетично, но это так.

— Это из-за операции?

— Да. Подвижность мне восстановили, но ненадолго.

— Татьяна знает об этом?

— Знает. И очень тяжело это переживает. Я каждый день наблюдал за тем, как трудно ей перенести саму мысль о моей смерти. Это очень больно — видеть, как она терзается, как она страдает...

— И ты решил...

— И я решил, что ей легче будет пережить мою измену, чем день за днем видеть, как я теряю силы. Я думал, что она возненавидит меня и будет желать моей смерти. Я не знал, что будет только хуже...

— Идиот, — простонал Женька, комическим жестом хватаясь за голову. — Боже, какой же ты идиот! Непроходимый тупица! Безголовый придурок!

Змей, сгорбившись, опустил голову под градом оскорблений.

— Татьяне и без того плохо, а ты решил добить ее окончательно своей изменой!

— Да не было никакой измены! Я просто попросил дядину невесту подыграть мне. Сказал, что хочу избавиться от назойливой поклонницы. Ну, и она согласилась мне помочь. Сказала, что рыжие должны помогать друг дружке.

— Кирюха, я, конечно, сочувствую твоей предполагаемой кончине, в чем я лично сомневаюсь, учитывая твой цветущий вид, но я тебе завидую. Как это ты, при полном отсутствии мозгов, смог завоевать такую девушка, как Татьяна? Я все бы отдал за то, чтобы она видела во мне не просто друга, а ты! Ты просто решил отказаться от нее! Да еще и таким изуверским способом! Пойми ты, дурная твоя башка, любовь — это не только радость, цветы и вздохи при луне. Любовь — это еще и боль. И счастье, если эту боль можно пережить вдвоем, если ее можно разделить с любимым человеком.

— Но я не могу видеть, как она мучится! И не хочу, чтобы она наблюдала за тем, как я умираю!

— А сейчас она мучится вдвойне!

— Ты pomoжешь ей, — выпалил Кирилл, глядя на Женьку. — Ведь ты тоже любишь ее. Ты pomoжешь ей пережить все это. И может быть, потом, когда я...

Увидев, как потемнело лицо парня, Змей понял, что лучше не продолжать.

Женька встал и непререкаемым тоном заявил:

— Ты сейчас же пойдешь к ней и все ей объяснишь. Нечего тут малодушничать. Да, тебе будет больно, и ей тоже. Но вместе все-таки будет легче перенести эту боль. Я не собираюсь сидеть тут и смотреть на этих двух "страдальцев", у меня и свои дела есть. Так что давай, пошли. Татьяна у меня.

— Я не могу. Она никогда не простит меня. Я бы сам себя не простил.

— Ты будешь удивлен, — подмигнул ему Женька и потянул за собой. — Пошли, нечего тут рассиживаться.

И он увлек растерянного Кирилла в подъезд.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— О чем ты думаешь? — спросила Татьяна, водя пальчиком по обнаженной груди Кирилла.

Тот очнулся от своих раздумий и нежно улыбнулся любимой.

— О том, какой же я все-таки дурак.

— Это точно, — рассмеялась девушка. — Дурак и есть.

Конечно же, она простила его. Простила не сразу, но все же простила. Когда Женька привел Змея к ней, она спала. Но как только парень опустился на колени перед диваном, на котором она лежала, Татьяна сразу же проснулась, словно от толчка. Несколько мгновений они молча смотрели друг другу в глаза, между ними шел безмолвный диалог. "Как ты мог так со мной поступить?" — вопрошали глаза девушки. "Прости, — отвечали ей глаза Змея, полные

неизбывной боли. — Прости, прости, прости..." Татьяна была так поражена его неожиданным появлением, что не сразу заметила, в каком плачевном виде он был. Синяк под глазом, запекшаяся кровь на губах, грязная, измятая рубашка, порванные джинсы... Много позже, после путанных и сбивчивых объяснений Кирилла, после того, как она велела ему уйти и не показываться ей на глаза, пока она не решит, стоит ли ей прощать его ужасный поступок (Змей послушно ушел, понурившись, как побитая собака), девушка спросила Женьку, что между ними произошло. Тот, довольный тем, что Татьяна наконец вышла из ступора, с невинным видом заявил:

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Вот только не надо строить из себя кроткого ангелочка. Достаточно посмотреть на лицо Кирилла и твои ободранные костяшки, чтобы понять, что вы с ним не чаи гоняли.

— Дык... дык... это мы упали, — с совершенно серьезным видом сказал Женька.

— Упали? Вдвоем? Только он — лицом, а ты — кулаками?

— Ну что-то типа того.

— А если серьезно?

— А если серьезно — пришлось вбить немного уму-разуму в его непутевую головешку. Но ты не беспокойся, я только слегка. Так сказать, любя.

Татьяна подошла к парню, и тот невольно попятился, не зная, чего от нее ожидать. Он был приятно удивлен, когда девушка обняла его.

— Женька, Женька, — прошептала она, уткнувшись лицом в его грудь. — Что бы я без тебя делала...

Друг приподнял ее лицо за подбородок, легонько чмокнул в губы и тут же выпустил ее из объятий, подтолкнув к дивану.

— Ну все, а теперь спать, — сказал он бодро, хотя сам едва сдерживался, чтобы не привлечь ее обратно к себе и не начать покрывать бесчисленными поцелуями ее бледное, осунувшееся личико. — Ей-богу, ребята, я с вами скоро с ума сойду. Такой беспокойной парочки я еще в жизни не встречал. Выдумывают сами себе проблемы.

Татьяна забралась на диван и укуталась одеялом.

— Женечка, спасибо тебе, — сказала она, уже почти засыпая. — И спокойной ночи...

— Спокойной, — ответил тот, выключая свет. Он немного помедлил, а потом спросил: — Тань, а это правда?

— Что? О чем ты?

— Ну, что Кирюха... умирает?

— Правда, — ответила девушка ровным голосом.

— И что ты собираешься делать? Ты простишь его?

— Конечно, прощу. Разве ты в этом сомневался? Ты осуждаешь меня?

— Нет, — сказал Женька. — Вовсе нет. Иначе я не приволок бы этого имбицила сюда. Я думаю, что вы, ребята, просто созданы друг для друга. Но веришь ли ты ему?

— Верю, — без колебаний ответила Татьяна. — Я поверила ему сразу же, как только он рассказал о своей дурацкой затее. Но знаешь, за последние дни я много передумала и решила, что я простила бы его даже и в том случае, если бы он на самом деле изменил мне. Понимаешь, во мне не осталось больше ложной гордости. Я люблю Кирилла и знаю, что скоро потеряю его навсегда. И эти последние дни я хочу провести с ним, что бы он ни сделал, какую бы боль он мне ни причинил. Я не хочу больше терять понапрасну времени, мы и так его слишком много потеряли.

— По-моему, солнышко, ты взрослеешь, — хмыкнул Женька. — Но если ты решила не терять больше времени, зачем же ты сейчас выгнала его?

— Ну, не могла же я оставить его совсем без наказания, — неожиданно улыбнулась до сих пор серьезная девушка.

Парень расхохотался.

— Узнаю свою Танюшу! — воскликнул он. — Ну все, я пошел спать. Чао!

— Чао, — отозвалась Татьяна, погружаясь в сладкий сон.

На следующий день они с Кириллом помирились. Татьяна познакомилась с Еленой, рыжеволосой невестой Руслана, и они долго хихикали над смущенным Змеем, когда последняя рассказывала, как тот, "заикаясь и мучительно краснея", попросил ее подыграть ему. Руслан, обняв свою суженую, подтвердил ее рассказ, добавив, что он всеми силами пытался отговорить племянника от его безумной затеи, но "этот юный балбес был чертовски упрям". Ирина Генриховна и Сергей Алексеевич в голос заявили, что он всегда был таким. Тот день они все провели в мире и согласии, как настоящая семья, хотя Татьяна порой замечала тоскливые взгляды, которые бросала на Кирилла мать, взгляды, которые были так похожи на ее собственные.

— А о чем теперь задумалась ты? — вдруг прервал ее мысли голос Змея. Он поймал ее руку и поднес к своим губам.

— О том, какая же я все-таки дурочка, — повторила его слова Татьяна.

Кирилл вопросительно посмотрел на нее.

— Я была так заиклена на будущем, что едва не испортила настоящее. Только теперь я по-настоящему осознала, что в жизни нужно наслаждаться каждым днем. Боже мой, сколько времени я потеряла даром!

— Ничего, — утешил ее Змей. — Мы все наверстаем.

— О да, — согласилась девушка, потянув его к себе. — Обязательно наверстаем...

Сегодня Татьяна ночевала у Кирилла. В последнее время она частенько оставалась у него, перестав смущаться его родителей. Впрочем, и они, как и родители девушки, давно перестали обращать на это внимание. Таня практически жила у Любимовых, изредка появляясь дома, но

каждый день она ходила на учебу, да и то только потому, что парень настоял на этом. Была бы ее воля, она вообще никуда бы не выходила. Близнецы давно уже дразнили влюбленных, вопя при виде них "тили-тили тесто", да и мать Татьяны уже подумывала о том, что дело движется к свадьбе. Девушка не разочаровывала ее. Главное — что их с Кириллом оставили в покое.

Некоторое время спустя Змей попросил Татьяну принести ему водички.

— В горле пересохло, — объяснил он. — А вставать неохота.

— Лежебока! — заявила девушка и, накинув на себя рубашку Кирилла, ушла на кухню.

Едва она вышла, как парень глубоко и часто задышал. Его лоб покрылся испариной, и он откинулся на подушки, задыхаясь. С каждым днем ему становилось все труднее и труднее скрывать от Татьяны свое состояние. Его силы катастрофически быстро убывали. Первый раз его прихватило три дня назад, когда он возвращался домой после того, как проводил девушку на учебу. Каждый шаг давался ему все тяжелее и тяжелее, как будто к ногам привязали пудовые гири. Уже около самой двери квартиры Кирилл остановился, не в силах больше двигаться. Он весь покрылся холодным потом, его колени тряслись мелкой, противной дрожью, сердце заходилось в груди. Он упал у двери, пытаясь отдышаться. Таким его и обнаружил Руслан: мокрого, дрожащего, обессиленного. Он подхватил племянника на руки и внес в квартиру. Они ни словом не обмолвились об этом ни Татьяне, ни родителям Змея, не желая их тревожить. Но факт оставался фактом — время, отпущенное Кириллу, подходило к концу.

Сегодня он даже не смог встать с кровати. Невероятная слабость и усталость охватили парня, но он отчаянно им сопротивлялся, не подавая виду. Из последних сил он старался сделать так, чтобы никто ничего не заметил. К вечеру стало легче. Сейчас же Кирилл чувствовал себя почти нормально. "Скоро все пройдет, — уговаривал он сам себя. — Я просто устал. Немного отдохну, и все будет в порядке".

Отдышавшись, он действительно почувствовал себя намного лучше. Все, что его теперь тревожило, — это Татьяна. Рано или поздно она заметит, что с ним творится неладное, а Кирилл не хотел больше причинять ей боли. Больше всего на свете он хотел оградить ее от страданий. Но что будет, когда он умрет? Как она переживет это?

Парень сел в кровати и закрыл лицо руками. Раньше смерть казалась ему чем-то нереальным, хотя он и знал, что скоро умрет. Теперь же, когда призрак старухи с косою замаячил перед самыми его глазами, он испугался. Не за себя, нет, сам он смерти почему-то совсем не боялся. Он испугался за Татьяну. Если его предполагаемая измена повергла ее в такой шок, то что с ней будет, когда его не станет?

— Ваша вода, милорд!

Он поднял глаза на улыбающуюся Татьяну, и у той перехватило дыхание — столько любви было в его взгляде.

— Иди сюда, — хрипло сказал Кирилл, беря ее за руку.

Девушка поставила стакан на тумбочку и уселась к нему на колени. Змей взял ее лицо в свои ладони и взгляделся в ее глаза — такие прекрасные, родные, любимые.

— Таня, я люблю тебя, — произнес он. — Люблю тебя больше всего на свете. Я люблю тебя так, что этого просто не выразить словами. Если бы у нас все было по-другому, я был бы счастлив сделать тебе предложение, жениться на тебе, жить всю жизнь с тобой. Мне очень жаль, что я

не могу дать тебе всего этого. Прости, что я не могу дать тебе то, чего ты заслуживаешь.

Он нежно провел пальцами по ее щекам, вытирая слезы, невольно выступившие на ее глазах от его слов.

— Но я хочу, чтобы ты знала — ты сделала меня совершенно другим человеком. Ты подарила мне новую жизнь, жизнь, полную счастья. Благодаря тебе, я узнал, что это такое — жить. Наслаждаться всем тем, что она нам дает. У меня появились друзья, я научился ходить, чувствовать, любить по-настоящему. И что бы ни случилось, ты должна помнить, что я благодарен тебе за это. Я всегда буду перед тобой в долгу за то, что ты сделала для меня. И как бы дальше не повернулась наша жизнь, ты должна помнить только это. Понимаешь?

Татьяна заплакала.

— Почему ты так говоришь? — всхлипывая, спросила она. — Ты говоришь так, словно прощаешься. Не надо так. Пожалуйста, не надо...

— Дурочка, — ласково сказал Кирилл. — Я вовсе не прощаюсь. Нет, от меня ты так просто не избавишься. Я всего лишь хочу, чтобы ты знала об этом.

Он поцеловал ее и увлек за собой в кровать. Он любил ее всю ночь, любил нежно и страстно, до тех пор, пока она, наконец, не уснула, теплым комочком свернувшись в его объятиях, улыбаясь во сне. Змею же было не до сна. Остаток ночи он любовался Татьяной, запечатлевая в своей памяти каждую черточку ее лица, каждый изгиб ее тела, чувствуя, как свинцовая усталость сковывает его руки и ноги. Он ласково перебирал ее волосы, не замечая, как багровая пелена застилает его глаза. Его дыхание становилось все слабее и слабее, хотя он изо всех сил старался продлить эти прекрасные мгновения. Он долго колебался, не желая тревожить девушку, но желание попрощаться с ней все-таки пересилило, и под утро Кирилл осторожно тронул ее за плечо. Татьяна проснулась сразу же, словно только и ждала этого.

— Ты уже проснулся? — промурлыкала она, но тут же, увидев его глаза, девушка сердцем почувствовала, что что-то случилось. — Что? — встревоженно спросила она. — Что такое?

— Время пришло, — прошептал парень.

— Время? Время для чего?

— Время нам с тобой прощаться...

— Нет... Нет! Нет-нет-нет!!! — закричала Татьяна в ужасе. — Нет, пожалуйста! Не надо! Не говори так! Этого не может быть!

— Таня...

— Что случилось? Тебе плохо? Давай вызовем врача! Он тебе поможет, обязательно поможет, — лихорадочно шептала она. — Ты не можешь умереть!

— Таня, послушай меня! — повысил голос Кирилл, потратив на это немало усилий. Девушка затихла. — Все будет хорошо. Ты поняла меня? У тебя обязательно все будет хорошо. Ты мне веришь?

— Верю, — прошептала Татьяна, и слезы безудержным потоком покатались по ее щекам. — Конечно, я верю тебе.

Змей попытался поднять руку, но не смог. Тогда он попросил:

— Таня, посмотри на меня.

Девушка послушно взглянула в его глаза, снова ставшие вдруг золотистыми, как и раньше, до того, как Кирилл сломал змейку, обрекая себя на смерть.

— Я люблю тебя, — проговорил он, и золотое сияние хлынуло из его глаз, мощным потоком обрушиваясь на Татьяну.

— Я тоже тебя люблю, — успела ответить она до того, как поток этот поглотил ее, закружив в теплом водовороте, унося ее сознание, но не в темноту, нет — в свет, нестерпимый, но при этом ласковый, как объятия матери...

* * *

Когда утром Ирина Генриховна зашла в комнату сына, чтобы разбудить Татьяну на учебу, она обнаружила влюбленных, слившихся в неразрывном объятии. Девушка сладко спала, обняв Кирилла, он же был мертв.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Звонок. Практически все еще спящий Женька с трудом оторвал тяжелую лохматую голову от подушки и слипающимися глазами посмотрел на часы. "Кто это может быть в такую рань? — подумал он недовольно. — Я мог бы еще минут 20–30 поспать перед учебой..."

В дверь продолжали настойчиво трезвонить. Парень с огромной неохотой выбрался из теплой постели и, почесывая голую грудь, поплелся в прихожую. Но всю его сонливость как рукой сняло, как только он открыл дверь и обнаружил за ней незнакомого гиганта, держащего на руках завернутую в одеяло спящую Татьяну.

— Что случилось? — воскликнул он. — Что с Таней? Вы кто?

Незнакомец прерывисто вздохнул, и Женька только сейчас заметил, что глаза его влажны от слез.

— Извини, что потревожил, — ответил мужчина. — Просто я не знаю, к кому еще я могу обратиться. Ты же друг Татьяны, верно?

Парень молча кивнул, ожидая продолжения.

— Я дядя Кирилла, — представился незнакомец. — Дело в том, что Кирилл... Кирилл...

Мужчина глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Это далось ему нелегко.

— Кирилл умер, — наконец, закончил он фразу.

— Что?!

— Очевидно, он умер во сне, рядом с Татьяной. Мы только что обнаружили это, и я решил, что лучше будет унести ее оттуда. Я, конечно, мог бы отослать ее домой, но... понимаешь, мне, честно говоря, сейчас не до этого. Вот я и подумал...

— Конечно, конечно, — спохватился Женька, до сих пор с округлившимися глазами

смотревший на мужчину. — Давайте ее сюда. Я позабочусь о ней.

Руслан внес девушку в квартиру, опустил ее на диван и сам обессиленно присел рядом. Мгновением позже он встал.

— Мне надо идти. Сам понимаешь.

— Понимаю, — кивнул парень. Сквозь приоткрытую дверь были слышны женские рыдания, доносящиеся из соседней квартиры. — Я... мне очень жаль.

— Да, — сказал тот. — Мне тоже.

Ссутулившись, он пошел было к двери, но Женька остановил его.

— Татьяна... она знает? — спросил он.

— Думаю, что нет, — подумав, ответил мужчина. — Наверное, это случилось после того, как она уснула. Но я не уверен.

Евгений снова кивнул и проводил Руслана к двери. Уже за порогом тот остановился и повернулся к парню.

— Позаботься о ней, — попросил он. — Мне кажется, эти ребята уже доставили тебе уйму хлопот, но теперь... В общем, оставляю ее тебе и надеюсь на тебя.

— Можете не беспокоиться, — ответил парень. — С ней все будет хорошо. Это я могу гарантировать.

Руслан положил тяжелую руку на плечо Женьки, пристально взгляделся в его глаза и, кивнув, исчез за дверью. Парень закрыл за ним дверь, вернулся в комнату и сел на диван рядом с безмятежно спящей девушкой. Внезапно он почувствовал, что его всего колотит, и обхватил себя руками, словно стараясь согреться. "Господи! — с ужасом подумал он. — Вот так вот просто: был Змей — и не стало Змея. Как же это легко — умереть. И как же тяжело тем, кто остался..." Что он скажет Татьяне, когда она проснется? Как утешит ее? Как успокоит?

Женька представил себе, что стало бы с ним, умри Татьяна, и он с трудом поборол в себе искушение схватить девушку в свои объятия, крепко-крепко, и никогда не отпускать. "Что же делать? — в отчаянии думал он. — Что же делать?"

А девушка все спала. Женька позвонил Ольге, рассказал ей о случившемся и попросил передать старосте, что они с Татьяной сегодня не придут на занятия. Та, заливаясь слезами, пообещала все сделать как надо и сказала, что непременно придет к нему после занятий. Затем парень приготовил разные успокоительные средства, чтобы они были наготове, когда проснется Татьяна. Приехала "скорая", милиция, а девушка все спала. Спустя какое-то время Кирилл увезли (Женька видел в окно, как грузили носилки с его телом), а Татьяна все никак не просыпалась. Это ожидание сводило Женьку с ума. Он до сих пор не знал, как скажет ей обо всем, и желал, чтобы она как можно дольше оставалась в неведении, но одновременно он хотел, чтобы все это кончилось поскорее. А девушка все спала...

"Господи, как же тянется время, — думал измученный парень, вздрагивавший от каждого шороха ворочающейся на диване Татьяны. — Когда же она уже проснется?" Разбудить ее самому у него рука не поднималась, а ждать ее пробуждения было выше его сил. Напряжение, в котором он пребывал все это кошмарное утро, давало о себе знать, и Женька судорожно

зевнул, протирая слипающиеся глаза. Татьяна снова зашевелилась, и парень повернулся к ней. Зрелище, открывшееся его глазам, снова заставило сон улетучиться. Одеяло сползло с груди девушки, и Женька только сейчас осознал, что Татьяна под одеялом совершенно обнажена. Зардевшись, как маков цвет, он поправил одеяло, стараясь не смотреть, но не в силах отвести взгляд. "Пора охладиться!" — решил Евгений и побежал в ванную. Там он открыл холодную воду и сунул голову под кран.

Когда он вернулся в комнату, вытирая голову полотенцем, первое, что он увидел, — это были широко раскрытые глаза Татьяны, бездумно смотрящие в потолок. Женька застыл на месте, боясь ее напугать. Но его опасения оказались напрасны.

— О, Жень, привет! — радостно поприветствовала она его. — А я-то думаю, где же это я нахожусь.

— А... Привет, — ответил растерянный парень. Все приготовленные им слова вылетели у него из головы.

— Впрочем, мне пора бы уже привыкнуть, что после каждой вечеринки я все время просыпаюсь у тебя, смутно помня, как я тут оказалась, — засмеялась девушка. — Вчера ведь была вечеринка, так ведь? Странно, что у меня не болит голова, да и других признаков похмелья не наблюдается, и при этом я вообще практически ничего не помню. Такое со мной впервые. А где все? Неужели я все проспала? Или народ пошел за "похмелиатором"? И почему вокруг так чисто? Уже успели убратся?

— Тань, — наконец, смог выговорить Женька. — Мне нужно кое-что тебе сказать...

— А-а-а, ты о том, что я совсем без одежды? Ну-ка, признавайся, что между нами вчера было?

— Нет-нет-нет, — замахал руками смущенный Женька. — Ничего такого не было!

— Нет? Жаль, — с притворным сожалением протянула Татьяна. — Неужели ты снова не воспользовался таким шансом?

И она смеющимися глазами посмотрела на покрасневшего друга.

— Таня! — потрясенно воскликнул он.

— Да ладно-ладно, не смущайся ты так, я шучу, — улыбнулась девушка. — Слушай, ну я тебя просто не узнаю. Прямо сама серьезность.

Женька ошарашенно помотал головой. Игривость Татьяны сбивала его с толку. "Она ведет себя так... так, — думал он, — как раньше. До появления Кирилла". Именно так раньше они дразнили друг друга, в старые добрые времена.

— Таня, я..., - снова попытался начать он.

— Что такое? — удивленно спросила она. — Что-то случилось?

— Да, случилось. Таня, мне очень жаль, но... но...

"Как же это сказать?!"

— Кирилл умер! — выпалил он в отчаянии и зажмурился, не в силах видеть, как меняется ее лицо при этой ужасной новости.

Некоторое время в комнате царил тишина, а потом Женька почувствовал, как руки девушки обвили его шею, и она прижалась к нему.

— Ой, Жень, — прошептала она. — Мне очень жаль. У тебя такое горе, а я тут со своими шуточками. Прости.

— Горе? У меня?! — пробормотал озадаченный Евгений.

— Прости, я не знала, — продолжала Татьяна, нежно поглаживая его по спине. — Кирилл — это твой друг, да?

Парень открыл глаза и увидел совсем рядом сочувствующие глаза девушки. В них не было слез, горя или отчаяния — только сочувствие.

— Ты никогда раньше о нем не говорил. Это твой старый знакомый?

"Это шок, — подумал Женька. — Это явно шок. Она притворяется, что ничего не поняла, надеясь, что так ей не будет больно. И что мне теперь делать?"

— Тань, — спросил он, — ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, — ответила она, явно удивленная его вопросом. — А что?

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Понимаю. Ты говоришь о том, что у тебя умер друг Кирилл. Или он не твой друг?

— Нет, я не назвал бы его другом. Он мой сосед.

— Сосед? А почему ты раньше ничего о нем не говорил? Я его видела когда-нибудь?

— Видела. И не раз.

— Правда? И как он выглядит?

Женька потер лоб. Это уже переходило всякие границы. Татьяна вела себя так естественно, так искренне говорила, что парень готов уже был поверить, что она и в самом деле ничего не знает, словно все то, что было у нее со Змеем, ему просто-напросто приснилось.

Он взял ее руки в свои и пристально посмотрел ей в глаза.

— Таня, я понимаю, что ты шокирована, потрясена, расстроена... хотя нет, что я говорю... в общем, я понимаю, как тебе сейчас плохо. Но убегать от реальности — не выход. Рано или поздно тебе придется с этим смириться.

Девушка ответила ему ясным, чистым взглядом, выражающим полное недоумение.

— О чем ты? Почему я должна быть шокирована смертью какого-то Кирилла, о котором я даже ничего не знаю? Я же не ребенок и знаю кое-что о смерти. Конечно, мне очень жаль твоего соседа, как и любого другого человека, но почему мне должно быть плохо? Я вовсе не такая чувствительная, чтобы впасть в депрессию из-за смерти каждого человека, и ты об этом прекрасно знаешь. Ты же сам как-то раз обозвал меня толстокожей. Так что же изменилось?

— Ты меня пугаешь, — только и смог выдавить из себя совершенно сбитый с толку такой

отповедью парень.

— Нет, это ты меня пугаешь, — возмутилась Татьяна. — С самого утра ведешь себя как-то странно. Это у тебя похмелье так проявляется? Или, может, ты меня с кем-то путаешь? Или это такая шутка? Так вот, я таких шуток не понимаю. Это глупо и жестоко.

Она отвернулась, надувшись. У Женьки в голове все плыло. "Что с ней происходит? — думал он. — Неужели она сходит с ума? Может, я слишком прямо сказал ей о смерти Кирилла? Может, надо было сперва ее как-то подготовить? Блин, что же мне теперь делать?!"

Прозвучавшему внезапно звонку в дверь он обрадовался, как манне небесной, и бросился в прихожую. Это была Ольга. Она ворвалась в комнату, как ураган, кинулась прямо к Татьяне и повисла у нее на шее, плача.

— Господи, Танюша, мне так жаль! — твердила она сквозь слезы. — Мне очень, очень-очень жаль! Я тебе сочувствую от всего сердца! Ты только держись, слышишь, держись! Это надо просто пережить! Ты знай, что я рядом, я тебе помогу, чем смогу. Боже мой, как же так?! Бедный Кирилл!

Татьяна со все возрастающим недоумением смотрела на рыдающую подругу.

— Да что это со всеми вами? — воскликнула она. — Что вообще происходит?

Ольга оторвала свое залитое слезами лицо от плеча подруги и посмотрела на Женьку.

— А ты, что, еще не рассказал ей?

— Рассказал, — ответил тот.

— О чем рассказал? — требовательно спросила Таня.

— О Кирилле.

— И ты туда же?! Да вы что, издеваетесь?! Если это все какая-то шутка, то она зашла уже слишком далеко!

Девушка вырвалась из объятий подруги и, завернувшись в одеяло, как в тогу, убежала в ванную.

* * *

Изумлению друзей не было предела. После долгих расспросов, выяснений и допросов с пристрастием оказалось, что Татьяна действительно ничего не помнит. Девушка недоверчиво смотрела на изумленные лица всех собравшихся у Женьки, пришедших выразить ей свое сочувствие, когда они пытались объяснить ей, что Кирилл — это ее парень, с которым она провела последние полгода и с которым, по их словам, у нее была прямо неземная любовь. Поверила она лишь тогда, когда, подойдя к окну, увидела, что на улице зима. Потрясенная до глубины души, она разрыдалась. Как выяснилось в дальнейшем, последнее, что помнила Татьяна, — это как она пришла на день рождения Женьки. Известие о том, что с тех пор прошло уже шесть месяцев, никак не укладывалось в ее голове.

Родители, опасаясь за ее рассудок, водили ее к психиатру, но тот категорично сказал им, что Татьяна абсолютно здорова. Ее отправили на прием к известному психологу, который

использовал гипноз, чтобы вернуть ей память, но на все свои вопросы о прошедшем он неизменно получал один и тот же ответ: "Золотой туман". Больше он ничего добиться от нее не смог.

Девушка читала записи в своем дневнике, касающиеся Кирилла, но ничего не чувствовала. К сожалению, она не доверила бумаге то, что она узнала о даре Змея (боялась вездесущих близнецов), поэтому дневник ничем ей не помог. Она смотрела на его фотографии, сделанные уже после его якобы операции (раньше он фотографироваться не любил), смотрела на красивого рыжеволосого парня с потрясающей улыбкой, но ее сердце оставалось холодным. Конечно, он ей понравился, но не более того. Она любовалась им, как любят цветы в оранжерее, но даже откликов былой любви не ощущала в своей душе. Она слушала рассказы окружающих о нем, но так ничего и не вспомнила. Змей так и остался в ее памяти просто парнем, парнем, о котором она ничего не помнила. И это безмерно пугало ее.

Татьяна наотрез отказалась идти на похороны Кирилла, несмотря на все увещания родных и близких.

— Я не могу, — говорила она. — Не могу, и все тут. Как вы не понимаете — меня в дрожь бросает при одном упоминании его имени! Он украл у меня полгода моей жизни, а вы хотите, чтобы я пошла на его похороны!

— Девочка моя, ну что за глупости ты говоришь, — отвечала ей мать. — Ничего он у тебя не крал. Возможно, потеря памяти — это защитная реакция твоего организма на известие о его смерти. Ведь ты так любила его!

— Если я так сильно его любила, как вы все мне твердите, как же я могла это забыть? Разве это можно забыть?!

— Но ты же забыла, — резонно сказал Никита.

— Во-во, — поддержал его Митька.

— Посмотри на них, — продолжала женщина, кивнув на близнецов. — Даже они собираются туда пойти.

— Конечно, собираемся, — подтвердил Никита. — Мы обязательно пойдем. Кирюха — классный парень... был.

— Угу, — грустно согласился Митька. — Он нас различал...

В конце концов Татьяна сдалась. Печальные мордашки братьев тронули ее до глубины души. Уж если этот Кирилл смог как-то привлечь к себе этих хулиганов, значит, он действительно был необыкновенным парнем.

— Хорошо, — уныло сказала девушка. — Я пойду...

* * *

Руслан стоял у могилы своего племянника, и ветер трепал его волосы. Рядом, сгорбившись, стоял его брат, обнимающий рыдающую жену. "Господи, как же все это тяжело, — думал Руслан. — Тяжело... и несправедливо!"

Он посмотрел на тонкую фигурку Татьяны, боязливо прячущейся за спины своих родителей, и

грустно усмехнулся. "Эх, Кирилл, Кирилл... Ты снова, в очередной раз, не дал ей свободы выбора. Ты все решил за нее. Возможно, так лучше для нее, но все же... Кто знает..."

Не в силах слышать стука комьев земли, ударяющихся о крышку гроба, Руслан отошел подальше. Он понимал, что должен сейчас быть рядом с братом, поддерживать его, но он и сам едва сдерживался. Ведь это все его вина! Только его!

Отойдя подальше от всех этих людей в черном, Руслан сел на скамейку рядом с чьей-то могилой и вынул из кармана листок бумаги. Едва видя написанное на нем из-за пелены слез, застилавшей глаза, он все же начал читать строки, которые уже помнил наизусть. Это было последнее послание Кирилла.

Он начал писать его явно за много дней до своей смерти, потому что он знал, что обречен, и писал его не один день. Он просил в нем своих родных не печалиться о его судьбе, потому что он и сам о ней не печалился. Он писал, что умирает счастливым, и благодарил их за все то, что они для него сделали. Он никого ни в чем не винил. "Наверное, это было предопределено заранее. И с этим ничего не поделаешь", — говорилось в письме. Кирилл просил у них прощения за то, что он причинил им боль своим поступком, но он ни о чем не жалел. И, конечно же, он не мог в этом письме не упомянуть о Татьяне.

"Я не знаю, как она переживет мою смерть. Видит Бог, я не хочу, чтобы она страдала. И я очень надеюсь, что вы поможете ей в эти дни. Если... если не случится чудо.

Конечно, после того, как я сделал свой выбор и сломал змейку, мой дар исчез, но в последние дни я чувствую, как что-то меняется во мне. Мне кажется, что какие-то остатки былой силы есть во мне. По крайней мере, я очень надеюсь на это. Я не пытался это проверить, потому что я боюсь потратить последние силы впустую, но когда придет мое время, я попробую. И единственное мое желание — защитить Таню от боли. Если у меня все получится, если дар вернется ко мне и если Таня будет рядом, я постараюсь сделать так, чтобы она забыла меня. Забыла все, с момента нашего знакомства. Возможно, это жестоко с моей стороны, но я считаю, что так будет лучше".

Заканчивалось письмо едва различимыми каракулями, словно написанными детской рукой. "У меня получч...". И все. Как будто ребенок, написавший эти слова, так устал от приложенных к этому усилий, что уснул на середине фразы. Уснул, да так и не проснулся...

Это письмо было зажато в руке Кирилла, когда его нашли. Эти каракули были последним, что он сделал в своей жизни. Он нацарапал их после того, как загипнотизировал Татьяну, чтобы дать им знать. Чтобы они не удивлялись поведению девушки. Чтобы они позаботились о ней. Последняя его мысль была о ней.

Руслан смахнул слезы и аккуратно сложил листок.

— Что ж, будем надеяться, что с Татьяной все будет в порядке, — прошептал он. — Будем надеяться, что она будет счастлива. Как ты и хотел.

ЭПИЛОГ

Жизнь шла своим чередом. Татьяна оправилась от шока, вызванного ее непонятной амнезией, и постаралась выбросить все это из головы, чтобы жить как обычно, в чем и преуспела. Но она поняла, что все уже не будет таким, как прежде. Все вокруг изменилось, кроме нее. Изменился даже Женька, ставший гораздо серьезнее, о чем она всегда мечтала. Он уже не стеснялся говорил ей о своей любви, и в эту новогоднюю ночь девушка его не оттолкнула...

Однажды, во время уборки, когда Татьяна перебирала свои вещи, в своей старой сумке, которую она собиралась выбросить, девушка обнаружила две какие-то непонятные железки. Приставив их друг к другу, она опознала в них сломанный браслет в виде змейки, странно ей знакомый. Татьяна отнесла половинки к ювелиру, и он починил браслет. Девушка никогда не носила его и никогда никому не говорила о своей находке, а только часто и подолгу смотрела на него, вертя в руках. Зачем она это делала, она и сама не знала. Глаза змейки казались ей до боли знакомыми, но она никак не могла вспомнить, почему. Но когда-нибудь, рано или поздно, она обязательно вспомнит...

mir-knigi.org